

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ И ОБРАЗЫ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 2

Материалы II Всероссийской научной конференции
(Саратов, 19 сентября 2014 г.)

Под редакцией Л. Н. Черновой

Саратов
Издательский центр «Наука» – 2015

УДК 94(47+100)(082)
ББК 63.3(2)я43+63.3(0)я43
И90

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор
Креленко Наталья Станиславовна
доктор исторических наук, профессор
Краснова Ирина Александровна

Печатается по решению Ученого совета
Института истории и международных отношений
Саратовского государственного университета
им. Н. Г. Чернышевского
(издательский план 2014/2015 года)

И90 Историческое прошлое и образы истории: материалы
II Всероссийской научной конференции (Саратов, 19 сентября 2014 г.).
Вып. 2 / под ред. Л. Н. Черновой. – Саратов: «Издательский центр
“Наука”», 2015. – 184 с.

ISBN 978-5-9999-2333-2

В сборник вошли материалы II Всероссийской научной конференции
«Историческое прошлое и образы истории», которая проходила в Институте
истории и международных отношений Саратовского государственного уни-
верситета имени Н. Г. Чернышевского 19 сентября 2014 года.

В сборнике представлены статьи участников конференции, в кото-
рых рассматриваются различные аспекты социальной, политической, социо-
культурной и интеллектуальной истории России и стран Запада, история об-
разов и представлений.

Для специалистов и всех интересующихся историей.

УДК 94(47+100)(082)
ББК 63.3(2)я43+63.3(0)я43

ISBN 978-5-9999-2333-2

© Саратовский государственный
университет, 2015

СОЦИАЛЬНАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЗАПАДА: СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

И. Ю. Старостина (Саратов)

СОСЛОВНЫЕ ДЕБАТЫ О ЛЮБВИ В ЧОСЕРОВСКОМ ОБЩЕСТВЕ (на материале «Птичьего Парламента»)

Общеизвестно, что средневековое общество имело ярко выраженный сословный характер, что дает возможность говорить о многоплановости и сложности социокультурных и гендерных воззрений его представителей. Хотелось бы отметить, что любовь как компонент гендера, по мнению А. Бальхауса, являлась не просто чувством, а в большей мере именно образом, укладом жизни, характерным для аристократической части средневекового общества. Именно в этой связи уместно говорить о столь возвышенной куртуазной любви, любви служения и почитания, восхваления и преклонения, традиционно культивируемой знатью¹. Но вполне закономерно, что симпатия и любовь в той или иной мере также ведали сердцами представителей и других сословий, «обремененных» более насущными повседневными заботами, нежели перманентное любовное томление.

Джеффри Чосер (1340?–1400), «предвестник» английского Возрождения, проявляя недюжинный интерес к человеческой личности с ее ежедневными мирскими потребностями и стремлениями, одним из первых английских поэтов задался вопросом: что есть любовь для мужчины и для женщины из разных сословий². Будучи выходцем из купеческой среды, поэт живо интересовался буднями горожанина-обывателя, что оставило след на страницах его произведений. По долгу службы он был приближен к миру аристократии и королевской придворной жизни, что также нашло отражение в его творчестве³. Именно аристократия и городская повседневность определили «сословные рамки» его поэм, в которых, помимо прочего, нашлось немного места и сельской Англии.

¹ См.: Бальхаус А. Любовь и секс в средние века. М., 2010. С. 71, 74.

² Подробнее см.: Старостина И. Ю. Гендерные отношения в английском обществе в произведениях Дж. Чосера: дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012.

³ См., напр.: Гарднер Дж. Жизнь и время Чосера. М., 1986.

Поэма «Птичий Парламент» («The Parlement of Foules») интересна с точки зрения изучения гендерных представлений некоторых социальных групп Англии, а также собственно авторской гендерной позиции.

Временем создания поэмы предположительно называется 1382 г.⁴, либо отмечается менее точная пространная датировка: начало 1380-х годов⁵. «Птичий Парламент» – поздняя поэма, в которой Чосер, зрелый мастер, воплотил свой житейский опыт, а также свои философско-этические взгляды. Исследователи говорят о том, что это произведение написано, как и многие другие поэмы Чосера, в духе видения (dream-vision), поскольку сюжет разворачивается после того, как утомленный опять-таки своим любимым занятием – неустанным чтением древних книг, Чосер засыпает и видит сон⁶.

Существует традиция рассматривать поэму как «написанную на случай» бракосочетания короля Ричарда II и принцессы Анны Богемской, состоявшегося в 1382 году⁷. Отечественные исследователи критически относятся к данной точке зрения. В частности, С. А. Александровский замечает, что, поскольку в поэме речь идет не о счастливом браке, а о безуспешном соперничестве потенциальных женихов и нежелании невесты выбрать себе супруга, это свидетельствует о том, что сюжет является весьма далеким от свадебного. Кроме того, едва ли Чосер позволил бы себе насмешливые стихотворные вольности, имеющиеся в поэме и касающиеся королевской свадьбы. Скорее всего, поэма написана как пародия на реальные парламентские прения и в то же время как мягкая ирония Чосера по поводу рыцарской любви⁸. А. Н. Горбунов полагает, что очевидно, поэма приурочена ко дню св. Валентина, когда, согласно поверью, птицы, якобы, выбирают себе супружескую пару для продолжения рода. Благодаря этому поверью день св. Валентина стал считаться днем влюбленных⁹.

⁴ См., напр.: *Hadow G. E.* Chaucer and his times. L., 1914. P. 50; *Edmunds E. W.* Chaucer and his poetry. L., 1914. P. 74; *Chesterton G. K.* Chaucer. L., 1932. P. 132; *Александровский С. А.* Прим. Птичий Парламент // *Чосер Дж.* Книга о королеве. М., 2005. С. 206.

⁵ См.: *Urban M.* Poetics of the Past, Politics of the Present: Chaucer, Gower and old books. Univ. of Wales, 2005. P. 107. URL: <http://cadair.aber.ac.uk/dspace/bitstream/handle/2160/182/PoeticsOfThePastThesis.pdf;jsessionid=1CEF99E56B729B386427B1A19050901F?sequence=1> (дата обращения: 03.05.2011); *Горбунов А. Н.* Чосер средневековый. М., 2010. С. 33.

⁶ См.: *Edmunds E. W.* Chaucer and his poetry. P. 75; *Александровский С. А.* Комментар. Любимец муз и королей // *Чосер Дж.* Книга о королеве. С. 171; *Горбунов А. Н.* Чосер средневековый. С. 33.

⁷ См., напр.: *Hadow G. E.* Chaucer and his times. P. 50; *Edmunds E. W.* Chaucer and his poetry. P. 74; *Chesterton G. K.* Chaucer. P. 132; *Urban M.* Poetics of the Past, Politics of the Present: Chaucer, Gower and old books. P. 105.

⁸ См.: *Александровский С. А.* Комментар. Любимец муз и королей. С. 171.

⁹ См.: *Горбунов А. Н.* Чосер средневековый. С. 33. Как известно, день св. Валентина отмечается зимой, но у Чосера событие приурочено к весне как поре цве-

Поэма является завершённой, оригинал написан на английском языке¹⁰. Сохранились 14 рукописей произведения, большинством которых ныне располагают библиотеки Оксфорда и Кембриджа¹¹.

По мнению авторов, поэма по своему замыслу представляет самостоятельное произведение, написанное без развития и дополнения уже имеющихся преданий и исторических сюжетов, что характерно для творчества Чосера¹². Но все же имеется ряд текстов, которые могли повлиять на «рождение» самостоятельного произведения. Исследователи выделяют античные и современные поэту сочинения. Среди античных: «Сон Сципиона» как заключительная часть «Республики» Цицерона, которая сохранилась благодаря популярным тогда комментариям Макробия (ок. 400 г.)¹³; «Утешение философией» Боэция¹⁴. Среди современных Чосеру: «Божественная комедия» Данте; «Тезеида» Боккаччо; «Жалоба Природы» Алана Лилльского (XII в.)¹⁵; бесстихи, басни, фаблю «Гуклин и Эглантина»¹⁶. Таким образом, можно отметить, что Чосер при создании своего произведения руководствовался впечатлениями, которые он сохранил благодаря богатому книжному знанию.

Сюжетная линия поэмы следующая. Прочитав «Сон Сципиона» Цицерона, автор засыпает. Во сне ему является Сципион Африканец, он ведёт рассказчика в Сад Венеры. Однако здесь главенствует не Венера, а богиня Природа. Выйдя из храма, Чосер попадает на лужайку, где Природа вершит свой суд над птицами, собравшимися в день св. Валентина, чтобы выбрать себе пару. Суд Природы принимает форму дискуссии по поводу любви. При этом любовные и матримониальные споры ведут птицы, которые символизируют различные сословия: хищники олицетворяют аристократов; птицы, питающиеся червями, – горожан; водные птицы – купечество; птицы, питающиеся растительной пищей (зерноядные), – нетитулованное дворянство¹⁷. Предметом спора служит выбор супруга, который должна сделать любимица Природы прекрасная орлица, выбирая между царственным орлом и двумя другими орлами, менее знатными. Каждый из орлов стремится

тения и тепла. Чосер мог узнать о почитании культа св. Валентина, который как раз отмечался в мае, в Генуе, во время посещения Италии.

¹⁰ Произведение переведено на русский язык известным литературоведом и писателем С. А. Александровским (см.: *Чосер Дж.* Книга о королеве. Птичий Парламент / пер. с англ., коммент. С. А. Александровского. М., 2005.).

¹¹ Там же. С. 206.

¹² См., напр.: *Nadow G. E.* Chaucer and his times. P. 51.

¹³ См.: *Горбунов А. Н.* Чосер средневековый. С. 43.

¹⁴ См.: *Burlin R. B.* Chaucerian fiction. Princeton, 1977. P. 88–89.

¹⁵ См., напр.: *Urban M.* Poetics of the Past, Politics of the Present: Chaucer, Gower and old books. P. 102–103; *Горбунов А. Н.* Чосер средневековый. С. 34, 36–37.

¹⁶ См., напр.: *Горбунов А. Н.* Чосер средневековый. С. 37; *Nadow G. E.* Chaucer and his times. P. 51.

¹⁷ См.: *Гарднер Д.* Жизнь и время Чосера. С. 299.

доказать, что именно он лучший, готов верно служить орлице. Все участники дебатов готовы высказаться по поводу того, как строить отношения и нужно ли хранить верность даме, кому отдать предпочтение. После окончания дебатов становится ясно, что орлица должна самостоятельно принять решение, но она не спешит в своем выборе, стремясь насладиться свободой и понаблюдать за службой претендентов.

Поэма изучалась и изучается как литературное произведение¹⁸, но ее материал привлекался также для изучения социально-политических реалий эпохи Чосера¹⁹. На наш взгляд, произведение недостаточно изучено с точки зрения гендерной позиции автора и особенностей иллюстрации им «гендерных предпочтений» различных социальных групп, аллегорически представленных в поэме (особенно это касается отечественного чосероведения).

Источник предоставляет ряд возможностей изучения гендерного вопроса: во-первых, через дебаты птиц как аллегорических представителей различных сословий по поводу отношений между возлюбленными и необходимости служения даме сердца; во-вторых, через описания признаний благородных птиц своей даме сердца и ответной реакции орлицы.

В первую очередь обратимся к «благородным птицам». Это три орла, сватающиеся к благородной и прекрасной орлице. Орлы представлены доблестными кавалерами, которые готовы служить своей даме сердца и отдать за нее жизнь. Главным атрибутом благородства каждой из трех царственных птиц, которые «все достоинства обрели»²⁰, становится «продолжительность» службы и ухаживания за орлицей.

Другие благородные птицы, очевидно, ниже по статусу, среди которых сапсан, сокол, «служитель чести» голубь, предлагают оценивать каждого с точки зрения главных достоинств благородного хищника. Например, сапсан руководствуется следующими принципами: достойный жених – лучший слуга своей госпоже, с одной стороны, с другой, – он должен быть обязательно высокого происхождения, чем знатнее род, тем лучше²¹. Кроме того, сапсан выступает против поединков конкурентов, дабы избежать кровопролития. Голубь, развивая тему преданной и чистой любви, полагает, что госпоже следует служить до конца своих дней, в служении проявляется истинное бла-

¹⁸ См., напр.: *Pollard A. W. Chaucer. N. Y., 1903; Tuckwell M. A. Chaucer. L., 1910; Edmunds E. W. Chaucer and his poetry; Chesterton G. K. Chaucer; Burlin R. B. Chaucerian fiction; Алексеев М. П. История английской литературы. М., 1943. Т. 1; Аникст А. А. История английской литературы. М., 1956; Горбунов А. Н. Чосер средневековый.*

¹⁹ См., напр.: *Urban M. Poetics of the Past, Politics of the Present: Chaucer, Gower and old books; Богодарова Н. А. Социально-политические воззрения Дж. Чосера // Из истории социальных движений и общественной мысли. М., 1981. С. 204–219.*

²⁰ *Чосер Дж. Книга о королеве. Птичий Парламент. С. 116.*

²¹ Там же. С. 128.

городство²². Сокол же полагает, что каждый из орлов благороден, единственным разрешением спора может стать поединок, которой дарует победу достойнейшему²³. Таким образом, перед нами куртуазная атмосфера и куртуазные споры по поводу выбора достойнейшего жениха и его «награждения».

Заметим, что женской благородной особе, которую олицетворяет прекрасная орлица, уделено небольшое, что также в духе куртуазии, внимание: она скромна, немногословна и, скорее, представлена как добыча для лучшего из орлов, несмотря на то, что в конечном итоге она заявляет о своем желании некоторое время не вступать в брак и добивается «отсрочки» его заключения²⁴.

Помимо «аристократов» и «дворян» в книге оказываются задеиствованными и непривилегированные сословия. Например, гусь, олицетворяющий купечество, предстает как чрезвычайно самолюбивый «жених», восклицающий: «Коль ты не люб невесте дорогой – махни крылом и сватайся к другой»²⁵. Демонстрируя гордость, он призывает беспечно относиться к выбору спутницы жизни и ни в коем случае не терзать себя любовными муками, очевидно, рассматривая брак с чисто прагматической точки зрения. Примечательно, что «оппозиция» персонажу представлена в лице голубя и ястреба, то есть привилегированных особ. Гусю вторит огарь, очевидно, равного с ним социального статуса. Он восклицает: «Ни смысла я не вижу, ни причины туда стучаться, где тебя не ждут... Любить – и безнадежно ждать кончины? О, в небе... Не две звезды, а много-много звезд!»²⁶. Как и гусь, огарь предлагает стремиться к личному комфорту в любой ситуации, не опускать руки и не испепелять себя томлениями. И опять-таки благородный сокол, именуя огаря «безмозглым мужичьем», а его совет «плебейским», обвиняет его в невежестве и бездушии²⁷. Еще одного представителя городского сословия олицетворяет кукушка, заявляющая, что «Безбрачие – не горшее из зол», поскольку и вне брака можно удачно приспособиться к жизни и окружению, извлекая личную выгоду из сложившейся ситуации²⁸. Кречет, прерывая кукушку, обвиняет ее в эгоизме и приспособленчестве²⁹.

Подведем итоги. По мнению некоторых исследователей, Чосер не случайно задеиствовал птиц в своей поэме: он сравнивает их с людьми и находит много общего. Поэт полагает, что птицы наделены разумом

²² Чосер Дж. Книга о королеве. Птичий Парламент. С. 130.

²³ Там же. С. 126–127.

²⁴ Там же. С. 135.

²⁵ Там же. С. 128.

²⁶ Там же. С. 130–131.

²⁷ Там же. С. 131–132.

²⁸ Там же. С. 132.

²⁹ Там же.

и, что самое главное, они способны возвышенно любить³⁰. Поэт разворачивает перед читателем настоящую сословную дискуссию, отражая специфику гендерных взглядов представителей таких социальных групп, как аристократия, мелкопоместное дворянство, горожане. Пожалуй, следует отметить также наличие скептического отношения к куртуазному проявлению чувства, характерного для «приземленных» и практичных горожан, в то время как благороднейшие в чосеровское время продолжают ратовать за незыблемость воинской доблести и знатности происхождения – определяющих критериев при выборе избранницы. Показывая сословные споры на примере птиц, Чосер демонстрирует ситуацию чрезвычайной сложности принятия решений в парламенте его эпохи, где социальные столкновения часто не давали возможности достойно и грамотно прийти к определенному консенсусу. Видится, что в поэме находит отражение переломный характер эпохи, в которой все больше начинали заявлять о себе представители третьего сословия. Примечательно обращение автора и к женской теме: показывая невозможность разрешения спора, он видит в качестве судьи и держателя последнего слова женский образ, который олицетворяет Природа. Автор на примере данного произведения отводит женщине роль примирителя «мужских разногласий», сглаживающего, в частности, сословные противоречия, в то время как кукушка, наоборот, вносит ситуацию беспорядка. С нашей точки зрения, это своего рода двойкий взгляд на женский образ в эпоху Чосера, который нашел отражение и в данном произведении.

³⁰ См., напр.: *Phillips H. Love // A Companion to Chaucer / ed. by P. Brown. Padstow, 2002. P. 291.*

Л. Н. Чернова (Саратов)

МАТРИМОНИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В АНГЛИИ XIV–XVI ВЕКОВ

Матримониальные отношения во все времена, в любых регионах и социальных группах играли и продолжают играть важную роль. Не исключение – лондонская правящая элита XIV–XVI столетий.

В исторической литературе прочно устоялось мнение, что с XIV в., особенно с его середины, Англия вступает в период интенсивной, имеющей тенденцию к нарастанию социальной мобильности. Этот процесс был вызван рядом причин экономического, социального, политического и демографического характера¹. М. А. Барг в свое время отмечал, что социальная структура общества в Англии отличалась удивительной пестротой и переплетением имущественных и сословных статусов людей. Имущественное состояние, образовательный ценз, должность и просто материальные возможности человека вести образ жизни «джентльмена» оказывались достаточным основанием для того, чтобы в общественном мнении данный человек был принят за «благородного». Отсюда проистекала одна из характерных черт английского общества – интенсивная социальная мобильность, наиболее отчетливо проявлявшаяся на уровне графств – среднего и мелкого дворянства, с одной стороны, и преуспевающих бюргеров – с другой². Еще Дж. Хоум обратил внимание на то, что по интенсивности взаимопроникновения купечества и дворянства, степени общественного признания и значения этого процесса Англия не знала себе равных, хотя аналогичные явления наблюдались во многих странах³.

Обычной практикой становится уход младших отпрысков землевладельческих фамилий в город, предоставлявший более широкий, по сравнению с деревней, спектр возможностей⁴.

¹ См.: *O'Connor S. J. Adam Fraunceys and John Pyel: Perception of status among merchants in Fourteenth-Century London // Trade, devotion and governance. Papers in later medieval history / ed. by D. Clayton, R. Davies and P. McNiven. Stroud, 1994. P. 17–18; Сванидзе А. А., Анисимова А. А. Город в Средние века // Всемирная история: в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. М., 2012. С. 68–69.*

² См.: *Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991. С. 68–69, 73.*

³ См.: *Home G. Medieval London. N. Y., 1927. P. 274.*

⁴ На уход в город младших отпрысков землевладельцев толкали слишком малые размеры получаемого наследства и доходы, которые не могли обеспечить подобающий их положению образ жизни. Не будем забывать, что в рассматриваемый период по букве права все еще соблюдался принцип единонаследия родовых владений земельных собственников. Поэтому младшие сыновья дворян зачастую вынуждены были искать для себя иные источники доходов. Ситуация облегчалась тем, что анг-

Особенно привлекателен был Лондон. Как и любой другой город Средневековья с его высокой смертностью, и не только в периоды эпидемий⁵, он не мог поддерживать численность населения за счет естественного воспроизводства, был ориентирован на постоянный приток все новых мигрантов из сельской округи, ближней и дальней. В данном контексте заслуживают внимания сведения, приводимые П. Рэмси: в 1480–1660 гг. из 170 мэров, возглавлявших столичный муниципалитет, только 14 по рождению были лондонцами; а из 403 купцов, составивших завещания, менее 10% родились в Лондоне; из 389 владельцев лавок и розничных торговцев – менее 4%⁶.

В средневековый «мегаполис», каковым был Лондон на протяжении всего рассматриваемого периода, стремились попасть не только отпрыски землевладельческих семей, но и горожане из провинциальных городов. В источниках сохранились многочисленные данные на этот счет⁷.

лийские мелкие и средние вотчинники были широко и повсеместно втянуты в товарно-денежные отношения, будучи связанными с так называемой «новой вотчиной», возникавшей с XIV века. Это было так называемое «новое дворянство» – джентри, умело приспособившееся к изменившимся условиям, стремившееся всячески повысить доходность своих владений (см.: *Mingay G. E. The Gentry: The Rise and Fall of a Ruling Class. L.; N. Y., 1976. P. 1–5*). М. В. Винокурова отмечает, что в XVII в. коммерческая предприимчивость нового дворянства была не только очевидна, но и передавалась по наследству, в результате чего в указанное время возникали целые кланы коммерчески настроенных джентри, занятых в делах Лондонского Сити, Компании купцов-авантюристов, Средиземноморской торговли. В наиболее престижных купеческих компаниях столицы сыновья джентльменов, «выходцев из села», составляли от 16 до 30% (см.: *Винокурова М. В. Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII в. М., 2004. С. 48*).

⁵ Изучение дошедшего до нашего времени статистического материала переписей населения отдельных городов и областей позволяет говорить о том, что города обычно имели более высокий коэффициент смертности (в нормальные годы он составлял 3%, но при крайне непродолжительности жизни: в Англии в 1276–1300 гг. средняя продолжительность жизни была около 31 года, в 1348–1375 гг. – около 17 лет, в 1426–1450 гг. – около 33 лет) и более низкие коэффициенты брачности (в Лондоне в 1377 г. он составлял 33,4%, в провинциальных английских городах – в среднем около 40%) и рождаемости (в среднем около 4%, но в живых, как правило, оставалось не более двух-трех детей), чем сельские районы (см.: *Репина Л. П. Демографические характеристики средневекового города // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1999. Т. 1. С. 189–192*).

⁶ См.: *Ramsey P. Tudor Economic Problems. L., 1966. P. 110*.

⁷ В частности, старшим из трех сыновей известнейшего купца из Халла – Уильяма де ля Поля – был Ричард де ля Поль, олдермен 1330–1340 гг. и деловой партнер своего не менее знаменитого среднего брата – Уильяма де ля Поля-мл., более 30 лет связанного с финансированием и торговым обслуживанием королевского двора (см.: *Beaven A. B. Aldermen of the City of London: in 2 vols. L., 1908. V. 1. P. 384; Thrupp S. The merchant class of the medieval London (1300–1500). Chicago, 1948. Appendix. P. 361; Fryde E. B. William de la Pole. Merchant and King's banker. L., 1988. P. 2–3*). Отец торговца рыбой Джона Лоукина, лондонского олдермена 1347–1368 гг., был купцом из Кингстона-на-Темзе (см.: *Beaven A. B. Aldermen of the City of London. V. 1. P. 386; Thrupp S. The merchant class of the medieval London*

Источники миграции для Лондона располагались достаточно равномерно вплоть до зоны радиусом около 100 км и более. Более 20% его новых горожан происходили из миграционной зоны примерно в 30 км, еще около 27% – в 65 км, 18% – около 100 км, 7% – около 130 км и более 11% – в 160 км⁸. Особенно велика была доля мигрантов из Восточной Англии и Восточного Мидленда⁹, что определялось тесными торговыми связями между этой региональной зоной и столицей.

Население Лондона росло довольно быстро и постоянно. Если к XIV в. в нем проживало около 40 тыс., то в 1500 г. – свыше 75 тыс. человек¹⁰. На протяжении XVI в. наблюдался столь стремительный и мощный поток сельских жителей, мечтавших найти средства к существованию и поселиться в столице, что Елизавета I, «услышав жалобы и уступив просьбам горожан Лондона» (надо думать, не обычных горожан, а наиболее богатых и влиятельных) вынуждена была издать специальную

(1300–1500). Appendix. P. 354). Олдермен 1355–1360 гг., торговец пряностями Томас Долсли зафиксирован в источниках как «сын Генри Долсли, торговца пряностями из городка Фапэм, графство Суррей», а среди его родственников встречается крупный торговец из Винчестера Роберт Долсли (см.: *Beaven A. B. Aldermen of the City of London. V. 1. P. 395; Thrupp S. The merchant class of the medieval London (1300–1500). Appendix. P. 337*). Успешную карьеру в столице сделал младший сын Томаса Юнга, купца из Бристоля, бакалейщик Джон Юнг, лондонский олдермен 1460–1481 гг. (см.: *Beaven A. B. Aldermen of the City of London. L., 1913. V. 2. P. 13; Thrupp S. The merchant class of the medieval London (1300–1500). Appendix. P. 376*). Отцом бакалейщика Уильяма Эдварда, олдермена 1464–1480 гг., был торговец солью из небольшого городка в Эссексе (см.: *Beaven A. B. Aldermen of the City of London. V. 2. P. 12; Thrupp S. The merchant class of the medieval London (1300–1500). Appendix. P. 340*). Купец-стапельщик из Ковентри Томас Тэйт фигурирует в источнике как отец Джона Тэйта, олдермена 1485–1515 гг., и Роберта Тэйта, олдермена 1497–1500 гг., – торговцев предметами роскоши (см.: *Beaven A. B. Aldermen of the City of London. V. 2. P. 17; Thrupp S. The merchant class of the medieval London (1300–1500). Appendix. P. 338*).

⁸ По этому показателю Лондон далеко превосходил все остальные города Англии: больше половины иммигрантов в административные центры графств, такие, как Йорк, Норич, Лестер, происходили из мест, находившихся в радиусе 30 км от города; для Винчестера и Бристоля – соответственно 35% и 32%, а примерно половина иммигрантов прибыла из округа около 65 км (см.: *Репина Л. П. Демографические характеристики средневекового города. Т. 1. С. 200*).

⁹ См.: *Platt C. The English Medieval Town. L.; Toronto; Sydney; N. Y., 1979. P. 117*.

¹⁰ См.: *Gray R. A History of London. P. 141*. Население Гента в середине XIV в. составляло 50 тыс. человек, во Флоренции в начале XV в. – 38 тыс. (см.: *Ястребицкая А. Л. Малые города как проблема сравнительного изучения средневекового города // Средние века. М., 1988. Вып. 51. С. 64, 75*). К концу XIV в. по численности населения Лондон отставал от Парижа и итальянских городов, в частности, от Неаполя, где проживало 300 тыс. человек (см.: *Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: в 3 т. М., 1986. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. С. 559*). Но в Англии ни один город не мог сравниться с Лондоном. Достаточно отметить, что к 1547 г. в Нориче было 17 тыс., а в Бристоле 10 тыс. жителей, а это крупнейшие после Лондона города Англии (см.: *Ramsey P. Tudor Economic Problems. P. 10–11; Lander A. R. Government and Community of England. 1450–1509. Cambridge, 1980. P. 17*).

прокламацию, ограничивавшую строительство новых зданий как в Лондоне, так и в его предместьях¹¹.

Перед новичком, оказавшимся в городе, остро вставала проблема интеграции в столичный социум, для некоторых – интеграции в социум купеческий. Одним из инструментов проникновения и закрепления в таком сообществе было заключение брака с горожанкой – дочерью или вдовой лондонского купца. Это позволяло обеспечить себе и собственность в городе, и деловые контакты, и политическое влияние¹².

В этой связи любопытно замечание автора «Жизнеописания» богатого торговца предметами роскоши, купца-авантюриста конца XVI в. Джона Ишема. Рассказывая о пятерых сестрах своего героя, он замечает, что они «прожили достаточно долго, чтобы вступить в брак»¹³. Именно с матримониальной точки зрения они и интересуют повествователя. Сообщив сведения о том, кто из девушек за кого вышел замуж – за джентльмена и юриста, эсквайра, йомена или купца, он завершает свой очень краткий очерк о них весьма примечательными фразами, характеризующими отношение тогдашнего социума к женщинам: «Вот и все, что о них известно»¹⁴, «...и хватит про них»¹⁵.

Смеем утверждать, что такое обыденное пренебрежение к женщинам не отражало их реальной роли в судьбах мужчин.

¹¹ Proclamation of Queen Elizabeth against new buildings in and about London // *The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London* / ed. by W. G. Birch. L., 1887. P. 128–131. Большинство современных исследователей приводят следующие цифры роста населения Лондона: в 1520 г. – 80 тыс.; в 1582 г. – 100–120 тыс.; в 1600 г. – около 220 тыс. (см.: *Ramsey P. Tudor Economic Problems*. P. 10–11; *Lander A. R. Government and Community of England*. P. 17; *Beier A. L. Social problems in Elizabethan London // The Tudor and Stuart town. A Reader in English Urban History, 1530–1688* / ed. by J. Barry. L.; N. Y., 1990. P. 123).

¹² См., напр.: *Upon my Husband's Death: Widows in the literature and history of Medieval Europe* / ed. by L. Mirrer. Ann Arbor, 1992; *Medieval London Widows, 1300–1500* / ed. by C. M. Barron and A. F. Sutton. L., 1994; *Goldberg P. J. Women in England c. 1275–1525*. Manchester; N. Y., 1995; *Rigby S. H. English Society in the Later Middle Ages. Class, status and gender*. L., 1995; *Jewell H. M. Women in medieval England*. Manchester; N. Y., 1996; *Coster W. Family and kinship in England, 1450–1800*. Harlow, 2001; *Fleming P. Family and household in medieval England*. Basingstoke, 2001; *The Oxford Companion to Local and Family History* / ed. by D. Hey. Oxford, 2002; *Пенуна Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия*. М., 2002; *Barron C. M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500*. Oxford, 2004; *Чернова Л. Н. Леди Филпот в матримониальной политике правящей элиты Лондона рубежа XIV–XV вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории*. М., 2009. Вып. 17. С. 89–104; *она же. Замужество в жизненном пространстве горожанки рубежа XIV–XV веков // История идей и история общества*. Нижневартовск, 2011. С. 196–199.

¹³ *The Life of John Isham (Appendix II) // Isham J. John Isham, Mercer and Merchant Adventurer: Two Account Books of a London merchant in the reign of Elizabeth I* / ed. by G. D. Ramsey. Gateshead, 1962. P. 168.

¹⁴ *The Life of John Isham*. P. 168.

¹⁵ *Ibidem*.

Обратимся к материалу источников.

Джон Пайел, выходец из селения Итлинборо¹⁶ в Нортхемптоншире, появившийся в Лондоне не позднее 1345 г., к февралю 1349 г. женился на девушке по имени Джоан. К сожалению, известно о ней крайне мало, лишь то, что родилась она в Лондоне между 1330–1335 гг., видимо, в семье торговца готовым платьем¹⁷. По сути, этот брак открыл Джону прямой путь в многообразный и сложный деловой мир Лондона. Он вошел в одну из самых респектабельных ливрейных компаний торговцев предметами роскоши, приобрел недвижимость в городе и в графствах, особенно в родном Нортхемптоншире, стал владельцем нескольких кораблей и принимал активное участие в торговле на английских и иноземных рынках. Торговые агенты Джона действовали в Хантингдоне и Честере¹⁸. Известно также, что он занимался поставками в столицу продуктов питания и товаров повседневного спроса из Восточного Мидленда и Сассекса, а также экспортировал сукно, одежду и другие товары в Бордо, Лиссабон и Испанию¹⁹. В 1369 г. Джон Пайел был избран олдерменом Лондона и оставался в этой должности вплоть до своей кончины в 1382 г., в 1370–1371 гг. исполнял обязанности шерифа, а в 1372–1373 гг. – мэра столицы²⁰.

Деловой партнер и друг Джона Пайела Адам Фрэнси, появившийся на свет в первом десятилетии XIV столетия в семье мелких земельных собственников одного из провинциальных городков или селений на севере Англии, скорее всего, в Йоркшире²¹, женился также на лондонской девушке по имени Эгнис. Она принадлежала к одной из купеческих фамилий Лондона, скорее всего, торговцев предметами роскоши²², в состав которой входил и Адам.

¹⁶ Итлинборо, несмотря на незначительные размеры, находился на главном торговом пути из Нортхемптона в Питербороу с выходом к порту Кингз Линн и служил важным пунктом при транспортировке выделанной кожи и шерсти (см.: *O'Connor S. J. Biographical Background: John Pyel // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / ed. by S. J. O'Connor. L., 1993. Camden fifth series. V. 2. P. 24*).

¹⁷ Данное предположение основано на завещании Джоан Пайел, по которому она оставила 20 ш. «братству торговцев готовым платьем». С. О'Коннор полагает, что сама Джоан входила в эту компанию (см.: *O'Connor S. J. Joan Pyel (d. 1412) // Medieval London Widows, 1300–1500. P. 74*). Подробнее о взаимоотношениях Джона и Джоан Пайел см.: *Чернова Л. Н. Лондонский олдермен XIV века и его супруга: Джон и Джоан Пайел // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 23. С. 32–49*.

¹⁸ См.: *O'Connor S. J. Biographical background: John Pyel. P. 28*.

¹⁹ См.: *Ibid. P. 28–29*.

²⁰ См.: *Thrupp S. The merchant class of the medieval London (1300–1500). Appendix. P. 353*.

²¹ См.: *Charters of the vicars choral of York Minster: City of York and its suburbs to 1546 / ed. by N. J. Fringham. Leeds, 1993. Record Series. V. 148. P. 9, 27, 138, 141, 195–198, 259*.

²² См.: *O'Connor S. J. Biographical background: Adam Fraunceys // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. V. 2. P. 6*.

Фрэнси был очень известным в Лондоне XIV в. человеком. С 1352 по 1375 гг. он был олдерменом, дважды избирался мэром Лондона, представлял интересы столицы на шести парламентских сессиях²³. Среди знаковых фигур XIV столетия в окружении Адама Фрэнси выделяются олдермен и бакалейщик Эндрю Обри²⁴; олдермен, мэр Лондона, крупнейший импортер вина Джон де Стоди²⁵; богатейший виноторговец и финансист Ричард Лайенс, торговец рыбой Уильям Уолворт, бакалейщик Джон Филпот – все лондонские олдермены.

Как купец Адам Фрэнси имел отлаженные торговые связи с Брюгге, куда экспортировал шерсть²⁶, Ганзейскими городами и Италией, откуда импортировал самые разнообразные товары²⁷. Сфера его деловых интересов была обширна и многопланова – торговля, финансовые операции²⁸, участие в таможенных монополиях. Кроме того, Адам располагал значительными комплексами недвижимости в самых престижных и наиболее коммерчески выгодных районах Лондона, где ему принадлежали дома, в том числе один – каменный, торговые лавки (не менее десятка), склады, пивоварня, участки набережной Темзы, в том числе причал с верфью²⁹.

В контексте рассматриваемой нами проблемы показательна также история знаменитого лондонского олдермена 1372–1388 гг. Николаса Брембра, сына сэра Джона Брембра из Кента³⁰. 21 марта 1377 г. он был избран мэром Лондона, а 29 марта торжественно принес клятву и присягу на верность городу в Гилдхолле и Ричарду II в Тауэре³¹.

²³ См.: *Beaven A. B. Aldermen of the City of London. V. 1. P. 387.*

²⁴ Его сын, тоже бакалейщик и олдермен, был женат на дочери Адама Фрэнси (см.: *Beaven A. B. Aldermen of the City of London. V. 1. P. 387, 389; V. 2. P. 5; Calendar of wills proved and enrolled in the court of Husting, London. A. D. 1258–1688 / ed. by R. Sharp: in 2 vols. L., 1889. V. 1. P. 171–172; O'Connor S. J. Biographical Background: John Pyel. P. 31).*

²⁵ См.: *Beaven A. B. Aldermen of the City of London. V. 1. P. 387.* Кстати, он был женат на внучке и сонаследнице знаменитого Джона де Джизорса, третьего олдермена (1306–1310, 1310–1321 гг.) и мэра (1311–1312, 1312–1313, 1314–1315 гг.) из этой фамилии, бакалейщика и торговца вином, финансиста (см.: *Barron C. M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Appendix I: Mayors and Sheriffs. P. 325, 326).* Связи с представителем столь известной и очень влиятельной лондонской семьи могли оказаться вовсе не бесполезными для Адама.

²⁶ См.: *Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 8.*

²⁷ См.: *Ibid. P. 6–7.*

²⁸ См.: *The Medieval Account Books of the Mercers of London: in 2 vols. / an ed. a. transl. by L. Jefferson. Padstow: Ashgate, 2009. P. 48–51.*

²⁹ См.: *Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 106–116.*

³⁰ См.: *Dictionary of National Biography. Errata, 1904. URL: [http://en.wikisource.org/wiki/Brembre,_Nicholas_\(DNBOO\)](http://en.wikisource.org/wiki/Brembre,_Nicholas_(DNBOO)) (дата обращения: 10.01.2015).*

³¹ Брембр был переизбран мэром и в следующем году, а затем в 1383–1386 гг. (см.: *Barron C. M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Appendix I: Mayors and Sheriffs. P. 333).*

Стремительному возвышению Ника Брембра во многом способствовал его брак в 1369 г. с Айдонией, старшей дочерью упоминавшегося выше импортера вина, олдермена, мэра Лондона 1357–1358 гг. Джона де Стоди и Джоан, внучки и сонаследницы знаменитого Джона де Джизорса, торговца пряностями и вином, олдермена и мэра английской столицы в XIII веке³².

Женившись на Айдонии, Брембр не только обеспечил себе вхождение во влиятельную среду лондонских виноторговцев, но и продолжил укреплять свое финансовое и политическое положение, став признанным лидером «партии викуаллеров»³³, наиболее последовательным сторонником Ричарда II (1377–1399) в его борьбе против «партии» Джона Гонта, герцога Ланкастерского.

Немаловажную роль брак сыграл в судьбе братьев Ишем из Нортхемптоншира, лондонских торговцев предметами роскоши. Избранницей одного из них, Грегори Ишема, в декабре 1548 г. стала дочь Мэтью Дэйла из компании торговцев галантерейными товарами, купца-авантюриста. Если верить «Жизнеописанию Джона Ишема», супруга принесла ему хорошее наследство³⁴. А Джон Ишем в 26 лет женился на Элизабет Бакер, весьма состоятельной вдове лондонского купца. Благодаря этому браку он получил внушительное состояние: поместье в Оксфордшире, шесть домов в Лондоне, 1787 ф. 10 ш. 8 п. «в товарах и кредитах» и 235 ф. 3 ш. 9 п. наличными³⁵. Эти деньги, – замечает автор «Жизнеописания», – «весьма кстати перешли к Джону Ишему», у которого почти «ничего не было своего...»³⁶. В значительной степени именно средства, привнесенные Элизабет, составили финансовую основу семейного бизнеса Ишемов³⁷.

³² См.: Чернова Л. Н. Замужество в жизненном пространстве горожанки рубежа XIV–XV веков // История идей и история общества. Нижневартовск, 2011. С. 196–199.

³³ Так называемые «викуаллеры» занимали господствующее положение в экономической жизни Лондона. Это были влиятельные компании, связанные с торговлей продуктами питания, в среде которых задавали тон богатейшие купцы из ливрейных компаний бакалейщиков, торговцев рыбой, вином и т. д. Судя по жалобам, раздававшимся в палате Общин, эти купцы, сговорившись друг с другом, взвинчивали цены на зерно, ссужали короля деньгами под непомерно высокие проценты, с помощью личного влияния и финансового давления вынуждали королевскую власть издавать выгодные для них указы.

³⁴ См.: The Life of John Isham (Appendix II). P. 169.

³⁵ См.: Ibid. P. 170–171.

³⁶ Ibid. P. 171.

³⁷ В состав этого семейного объединения в сложившемся виде входили братья Грегори (до 1558 г.), Джон и Генри (до 1595 г. он занимал должность сборщика таможенных пошлин в Лондонском порту); мужья сестер – купцы Генри Беллами, Томас Бакер (брат жены Джона Ишема) и Уолтер Малле; факторы в Антверпене, Эмдене и Бергене-на-Зуме – Хэмфри Рамсен (он обучался у Томаса Джайгеса одновременно с Джоном Ишемом и был примерно на 4 года младше него), Джон Бакер (еще один брат жены Джона Ишема); Эдмунд Балейс, зять Генри Ишема, и некий Дрю Мапессон. Кроме того, в деловых книгах Джона Ишема упомянуты

Коммерческие интересы «фирмы» Ишемов распространялись от Девона и Йоркшира до Антверпена, а затем Гамбурга и Данцига: это не только участие в посреднической торговле предметами потребления, но и кредитование, ростовщичество, инвестиции в недвижимость³⁸.

Исключительно важную роль брак сыграл в жизни и карьере олддермена 1547–1554 гг. Джона Лэмбарда. Младший из двух сыновей джентльмена из графства Херефорд, Джон был вынужден оставить отчий дом и отправиться искать удачу в Лондоне. В 1515 г. он поступил в обучение в могущественную компанию лондонских суконщиков и пробыл в ученичестве 13 лет, после чего началось его продвижение к вершинам и корпорации, и города. В 1534 г. Джон сумел приобрести ливрею, и был избран младшим смотрителем компании. В 1547 г. его почти одновременно избрали мастером компании суконщиков и олддерменом Лондона. Исследователи не без оснований полагают, что в основе такого успеха Джона лежит его удачная женитьба в начале 1530-х гг. на Джулиане, дочери и наследнице известного суконщика и лондонского олддермена XVI в. Уильяма Хорна. Даже средства на приобретение ливреи, без чего невозможно было рассчитывать на карьерный рост в компании, не говоря уже о масштабах города, ему предоставила супруга. Надо думать, что немалую роль сыграли авторитет и деловые контакты ее отца – олддермена³⁹.

Аналогичных примеров в источниках – множество. Все они подтверждают, что матримониальное поведение играло важнейшую роль в социальном продвижении мужчин – выходцев из различных общественных групп.

Несмотря на то, что XIV–XVI вв. принадлежат эпохе, когда в публичной сфере, в том числе в Лондоне, почти безраздельно доминировали мужчины, именно женщины служили весьма эффективным инструментом, при помощи которого представители «сильного пола» добивались вхождения на тот или иной уровень городского социума, скрепляли деловые и политические союзы.

4 слуги (servants) и 4 ученика (см.: *The First Account Book of John Isham // Isham, John. John Isham, Mercer and Merchant Adventurer: Two Account Books of a London merchant in the reign of Elizabeth I. P. 1–124; The Second Account Book of John Isham // Ibid. P. 125–153*).

³⁸ Подробнее об этом см.: *Чернова Л. Н. Английская семья XVI века по «Деловым книгам Джона Ишема // История идей и история общества. Нижневартовск, 2010. С. 136–139; она же. Семейная компания купцов Ишем в деловом мире Лондона второй половины XVI века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2010. Т. 10. Вып. 1. С. 68–74; она же. Лондонские купцы XVI века: поведенческие ориентиры в переходную эпоху // Средние века. 2012. Вып. 1–2. С. 313–322.*

³⁹ См.: *Warnicke R. M. William Lambarde. Elizabethan Antiquary, 1536–1601. L., 1073. P. 2.*

МАРГАРЕТ БОФОРТ В ИСТОРИИ АНГЛИИ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI ВЕКОВ

Рубеж XV–XVI вв. – эпоха бурных потрясений, связанных с началом становления капиталистического уклада в экономике, деформированием традиционной, средневековой, социальной структуры, укреплением монархии, – занимает особое место в истории Англии¹. Именно в этот период и на протяжении всего XVI столетия закладываются основы будущего могущества Англии, ее превращения в великую европейскую державу. По меткому наблюдению О. В. Дмитриевой, «все в экономике и социальной жизни было неустойчиво и подвижно: рушились привычные хозяйственные порядки и отношения, выростал новый экономический уклад»². Социально-экономическим изменениям соответствовали и трансформации в политической сфере. После завершения войн Алой и Белой Роз на английском престоле утвердилась династия Тюдоров (1485–1603), с которой связано укрепление королевской власти, становление абсолютной монархии. «Только сильное королевское правительство могло упрочить положение Англии в Европе, способствовать захвату морских путей и иноземных рынков и обеспечить интересы английской внешней торговли»³.

Пришедшему к власти после победы в битве при Босворте графу Ричмонду, коронованному как Генрих VII (1485–1509), предстояло прежде всего устранить «рецидивы феодальной анархии»⁴, положить конец многолетней расправе аристократических кланов, столь поэтично названной В. Скоттом «Войной Роз»⁵, расширить юрисдикцию короны и ее материальные возможности, установить новую систему отношений между королевской властью и дворянством⁶.

Этот период в истории страны полон путаниц и загадок, сложных переплетений людских судеб и коварных интриг. До сих пор многие события сокрыты под завесой тайны, приоткрывая которую, историк сталкивается с огромным потоком противоречий. Чтобы распутать хо-

¹ См.: *Винокурова М. В., Дмитриева О. В., Федосов Д. Г.* Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV–XVI веке // *Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время* / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. С. 193.

² *Дмитриева О. В.* Социально-экономическое развитие Англии в XVI веке. М., 1990. С. 3.

³ *Штокмар В. В.* История Англии в Средние века. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/443051/> (дата обращения: 31.01.2015).

⁴ Там же.

⁵ *Ландер Дж. Р.* Войны Роз. СПб., 2013. С. 12.

⁶ См.: *Винокурова М. В., Дмитриева О. В., Федосов Д. Г.* Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV–XVI веке. С. 198.

тя бы часть из них, важно как можно детальнее восстановить канву событий через реальные исторические персонажи, неразрывно связанные между собой переплетениями судеб.

Возможности для этого предоставляет гендерный анализ, позволяющий не только «вернуть истории оба пола», восстановить баланс мужского и женского в истории, но и воссоздать целостную картину прошлого, всесторонне охватить общественно-политические аспекты взаимодействия полов, выходя за рамки биологических различий между ними и формируя новую историю, в которой есть место культурно-историческому фактору в формировании определенного поведения полов и их способности к власти и управлению⁷.

Л. П. Репина, посвятившая значительное количество исследований методологическим аспектам гендерной истории⁸, отмечает, что она фактически сводится к отношениям власти и доминирования, а ключевое место в гендерном подходе занимает именно проблема власти⁹. При этом необходимо понимать различие между, «с одной стороны, легитимной политической властью, формально признанным авторитетом, дающим санкционированное обществом право принимать обязательные для его членов решения, и с другой – возможностью оказывать на людей и события неформальное влияние»¹⁰. В соответствии с этим,

⁷ См.: *Рябова Т. Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999. С. 13.

⁸ См.: *Репина Л. П.* «Женская история»: Проблемы теории и метода // Средние века. Вып. 57. 1994. С. 103–109; *она же.* История женщин сегодня (Историографические заметки) // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1996. С. 35–73; *она же.* Гендерная история: Проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 41–58; *она же.* От «истории женщин» к социокультурной истории: Гендерные исследования и новая картина европейского прошлого // Культура и общество в Средние века и раннее Новое время: Методология и методики исследований. М., 1998. Ч. I. С. 171–209; Ч. II. С. 66–99; *она же.* Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: От истории женщин к гендерной истории // Общественные науки и современность. № 4. 2000. С. 123–137; *она же.* Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002; *она же.* Гендерная иерархия и «власть женщин»: индивидуальный опыт в социальном контексте // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2005. № 10. С. 140–166; *она же.* История женщин и гендерные исследования: от социальной истории к истории социокультурной // *Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. С. 165–239; *она же.* Гендерная история: итоги и перспективы // *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 503–546.

⁹ См.: *Репина Л. П.* От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте. URL: http://www.academia.edu/_Gender_hierarchy_and_women_s_power_Individual_experience_in_social_context (дата обращения: 31.01.2015).

¹⁰ *Репина Л. П.* Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории. С. 129.

политический аспект может рассматриваться как включающий в себя не только официальную политику, но и властные отношения внутри семьи: между мужем и женой, матерью и сыном, старшим и младшим. В связи с этим одной из центральных задач гендерного исследования является изучение возможностей и способности женщин, лишенных доступа к формальным институтам политической власти, оказывать опосредованное влияние на принятие решений в публичной сфере и на действия других людей¹¹. Л. П. Репина говорит об особенностях так называемых «женских сетей влияния»: «устраивая браки, они [женщины – К. Э.] устанавливали новые семейные связи; обмениваясь информацией и распространяя слухи, формировали общественное мнение; оказывая покровительство, помогали или препятствовали политической карьере мужчин; принимая участие в волнениях и восстаниях, проверяли на прочность официальные структуры власти»¹². Таким образом, инструменты и формы женского влияния были весьма многообразны, хотя, на первый взгляд, и не столь значительны, тогда как при более тщательном анализе обнаруживается глубина их влияния на исторические события.

В центре нашего исследования – Маргарет Бофорт, графиня Ричмонд, мать короля Генриха VII – основателя династии Тюдоров. Именно в период правления первого Тюдора Англия становится на путь абсолютизма, укрепляется королевская власть, а вместе с ней и все государство, происходят качественные изменения в жизни страны. Попытаемся воссоздать вехи биографии предшественницы тюдоровских суверенов на фоне переходной эпохи, в которую она жила, прояснить возможные формы влияния Маргарет на короля и события, разворачивавшиеся на ее глазах.

Источником для данной статьи стали письма Маргарет Бофорт, адресованные ее сыну Генриху VII. Частная переписка наилучшим образом отражает то, какое воздействие, прямое или косвенное, оказывали отдельные женщины на короля, министров или иные ключевые фигуры, не являются исключением и письма графини Ричмонд. Обмен письмами между Маргарет и Генрихом начался до вступления первого Тюдора на престол. Известно, что переписка имело место еще во время первого выступления Генриха против короля Ричарда III – в 1483 году.

Некоторые письма Маргарет представлены в работе Кэролин Хэлстед, написавшей подробную ее биографию¹³. Еще одно письмо опубликовано в сборнике писем знатных женщин¹⁴, составитель которого

¹¹ См.: Репина Л. П. Гендерная история: итоги и перспективы. С. 536.

¹² Там же. С. 538.

¹³ См.: Halsted C. A. Life of Margaret Beaufort. L., 1839.

¹⁴ См.: Letters royal and illustrious ladies of Great Britain: from the commencement of the twelfth century to the close of the reign of Queen Mary. L., 1846. V. 1. P. 116–120. Далее: Letters royal and illustrious ladies of Great Britain.

замечает, что столь прославленное положение, которое занимала леди Маргарет, требовало бы опубликовать большее количество оставленного ею эпистолярного материала¹⁵. Как правило, в письмах не указана дата их составления, поэтому их датировку можно установить сопоставляя упомянутые в письме события с другими конкретными данными о них. Единственное письмо, дата которого известна, написано в день св. Анны, 26 июля 1501 г., и является, очевидно, последним из сохранившихся¹⁶. Письма содержат информацию об участии Маргарет в событиях в Англии рубежа XV–XVI вв., отражают влияние графини Ричмонд, завуалированное или прямое, на своего сына-короля и помогают выявить механизмы этого влияния.

Переходя к изложению биографии Маргарет, стоит сослаться на мнение К. Хэлстед, считавшей, что именно графиня Ричмонд, а не взявший в жены «Белую розу» Генрих VII, была тем человеком, кому суждено «овить мирной оливковой ветвью окровавленную розу Ланкастеров и увядающую розу Йорков»¹⁷.

По словам К. Хэлстед, беды и страдания, которые перенесла Маргарет, и которые укрепили ее волю и разум, в значительной мере связаны с ее происхождением¹⁸. Первые годы жизни Маргарет пришлось на правление Плантагенетов¹⁹. Старший сын Эдуарда III (1327–1377), Эдуард Черный Принц, умер за год до смерти отца, поэтому власть наследовал 10-летний внук короля, сын Черного Принца и Джоанны Плантагенет – Ричард II. Ему было суждено стать последним королем из прямых потомков династии Плантагенетов. Фактическим правителем Англии стал Джон Гонт, первый герцог Ланкастерский, верный соратник своего племянника-короля, четвертый сын (и третий из выживших) короля Эдуарда III и Филиппы Геннегау.

Джон родился в 1340 г. и получил прозвище Гонт, или Гент, что означает, собственно, «Гентский», «родившийся в Генте»²⁰. Основатель дома Ланкастеров, Джон являлся представителем боковой ветви Плантагенетов. Благодаря браку с Бланш Ланкастерской, дочерью его дяди Генри Гросмонта, и имея значительные собственные наследственные земли, он стал одним из крупнейших землевладельцев, владевшим 30-ю замками и поместьями в Англии и Франции; его состояние было сопоставимо с королевским. В браке Джона Гонта и Бланш Ланкастерской родились две дочери и единственный сын, будущий король Генрих IV²¹. Второй женой Гонта была дочь Кастильского ко-

¹⁵ См.: *Letters royal and illustrious ladies of Great Britain*. P. 116.

¹⁶ См.: *Halsted C. A. Life of Margaret Beaufort*. P. 205.

¹⁷ *Ibid.* P. 2.

¹⁸ См.: *Ibid.* P. 4.

¹⁹ См.: *Ibid.* P. 2.

²⁰ *Ibid.* P. 4.

²¹ См.: *Ibid.* P. 5.

роля Педро Жестокого Констанца, в этом браке родилась только одна дочь.

У Джона Гонта от любовницы Кэтрин Суинфорд (фрейлины его матери Филиппы Геннегау) были дети, носившие фамилию Бофорт²² (по названию замка в Анжу, где они и родились). После смерти Констанцы Джон и Кэтрин поженились, и их дети были узаконены королем и папой римским (1397 г.), но без права претендовать на престол²³. Тем не менее, после пресечения законной линии Ланкастеров именно потомок Джона Бофорта, одного из бастардов Джона Гонта и Суинфорд, Генрих Тюдор в 1485 г. стал королем Англии.

Ричард II удерживал власть более 20-ти лет, пока в 1399 г. старший сын Джона Гонта (от брака с Бланш Ланкастерской) Генрих Болингброк²⁴, уже после смерти отца, не захватил английский престол. Новый король исключил своих сводных братьев и сестер из права наследования короны, что, хотя и не было правомерно, должно было способствовать мирной передаче власти прямым наследникам. Так, в 1413 г. после смерти Генриха IV Болингброка (Ланкастера) его сменил на троне старший сын Генрих V, а того в 1422 г. – Генрих VI, которому на момент смерти отца было всего восемь месяцев, но он уже наследовал корону и Англии, и Франции, что было зафиксировано в брачном договоре Генриха V с французской принцессой Екатериной Валуа²⁵.

²² См.: *Норвич Дж. Д.* История Англии и шекспировские короли. URL: <http://www.litmir.me/br/?b=157041&p=80> (дата обращения: 07.01.2015).

²³ Кэтрин Суинфорд родила Гонту четырех детей: Джона, впоследствии графа Сомерсета (дедушка Маргарет Бофорт); Генриха, властного кардинала; Томаса, герцога Эксетера; Джоан, бабушку (браком с сэром Ральфом Невиллом, первым графом Уэстморленда) короля Эдуарда IV и Ричарда III (см.: *Halsted C. A.* Life of Margaret Beaufort. P. 10).

²⁴ Генрих IV Ланкастер, или Болингброк (прозвище дано по месту его рождения, 1366–1413) – старший сын Джона Гонта, основателя дома Ланкастеров. Еще в 1387 г. Болингброк выступил против Ричарда в числе недовольных королем аристократов, и Ричарду удалось вернуть себе полную власть над страной и расправиться с восставшими лишь при поддержке отца мятежника – Джона Гонта. Однако, несмотря на неоценимую помощь, оказанную Гонтом, после его смерти король конфисковал наследственные земли Генриха Болингброка, а его самого отправил в 10-летнее изгнание. Ланкастер не смирился с такой участью. Вернувшись в Англию в отсутствие Ричарда, он обнаружил, что к нему стали активно стекаться недовольные королем бароны и без труда захватил трон, получив корону по решению парламента (см.: *Устинов В. Г.* Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. М., 2012. С. 109).

²⁵ Екатерина Валуа (1401–1437) – младшая дочь короля Франции Карла VI и Изабеллы Баварской. Уже в 1413 г. (Екатерине было тогда 12 лет), когда обсуждались разные способы установления мира между Англией и Францией, один из них видели в супружестве Екатерины с наследником Генриха IV, Генрихом V. Переговоры велись между Карлом VI и Генрихом IV, однако последний вскоре умер, а занявший престол Генрих V потребовал такого приданого и заявил такие претензии на трон Франции, что его предложение руки и сердца, скорее, походило на объявление войны. Переговоры продолжились лишь в 1419 г., когда Англия одержала

Именно Генрих VI занимал престол на момент рождения Маргарет Бофорт.

Отец Маргарет – Джон Бофорт – приходился внуком Джону Гонту от его старшего сына от Кэтрин Суинфорд и племянником Генриху IV. Он был любимцем короля Генриха VI и пользовался его доверием, Об этом, в частности, свидетельствует следующий факт. Когда прославившийся в Столетней войне и имевший большие амбиции Ричард Йорк, будущий король Ричард III, стал, по мнению Генриха, слишком опасен, то именно Джон Бофорт был назначен капитаном Гиени (в 1443 г.). Этот шаг фактически превратил Йорка из наместника всей английской Франции в «губернатора» Нормандии²⁶. Незадолго до этого Бофорт получил титул 1-го герцога Сомерсетского. В 1439 г. Джон Бофорт женился на Маргарет Бошам из Блетсо.

Маргарет Бофорт, названная в честь матери, родилась 31 мая 1441 или 1443 года. Вторая дата более вероятна, так как в мае 1443 г. Джон вел переговоры с королем об опеке над его еще не родившимся ребенком на тот случай, если он погибнет в походе: взял с монарха обещание, что дочь в случае его смерти останется под опекой жены²⁷. Маргарет появилась на свет в замке Блетсо близ Хайэм Феррерс в Нортхемптоншире и была единственным ребенком герцога Сомерсета. Так случилось, что очень скоро она лишилась отцовской защиты. В походе Джон не погиб, однако, по возвращении из Франции поссорился с Генрихом VI и вскоре скончался, уже будучи в Нормандии. Герцог Сомерсет умер на четвертом году брака (27 мая 1444 г.) в возрасте 39 лет²⁸.

Несмотря на трагические обстоятельства ее первых детских лет, Маргарет получила хорошее воспитание и образование. О том, «кто посеял в ее младенческом уме те семена благочестия и достоинства, – пишет К. Хэлстед, – кто внушил здравые принципы, на которых основывалось ее поведение в течение всей жизни, из какого источника она получила тот запас знаний, особенно в отношении литературы, который нельзя заслужить ни высоким происхождением, ни купить за деньги»²⁹, – достоверной информации не сохранилось. Однако известно, что образование, полученное леди Маргарет, больше характерно для юношей, нежели для девушки³⁰. К. Хэлстед находит этому

значительные победы в Столетней войне. В ходе заключения мирного договора в Труа в 1420 г. были оговорены и условия заключения брака Генриха и Екатерины. Генрих V признавался наследником Карла VI, и дети, рожденные в этом браке, получали корону Франции. См.: *Гриффитс Р. А., Томас Р.* Становление династии Тюдоров. Ростов-н/Д., 1997. URL: <http://www.rulit.me/books/stanovlenie-dinastii-tyudorov-read-262423-7.html> (дата обращения: 12.01.2015).

²⁶ См.: *Устинов В. Г.* Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. С. 138.

²⁷ См.: *Jones M. K., Underwood M. G.* The King's Mother: Lady Margaret Beaufort, Countess of Richmond and Derby. Cambridge, 1993. P. 34.

²⁸ См.: *Halsted C. A.* Life of Margaret Beaufort. P. 16–17.

²⁹ Ibid. P. 19.

³⁰ См.: Ibidem.

следующее объяснение. У герцогини Сомерсет были два сына от ее первого мужа, сэра Оливера Сент-Джона; поэтому вполне вероятно, что их наставник был также наставником и Маргарет Бофорт³¹. К сожалению, история не сохранила до наших дней имя этого человека. Возможно лишь предположить, что им мог быть либо исповедник, проживавший на территории поместья, либо церковник из близ лежащей округи, но обязательно славившиеся не только святостью, но и ученостью³². Основанием для такой версии служит тот факт, что в тот период было не принято приглашать к детям обычных частных учителей «с целью предотвратить распространение доктрины Уиклифа»³³.

Леди Маргарет выделялась быстротой восприятия, остроумием и экстраординарной памятью. Она хорошо знала французский язык, более или менее сносно обучилась латыни, хотя и сетовала впоследствии, что не овладела ею в совершенстве, а необходимости применения латинского языка не возникло³⁴. Кроме того, современники отмечали ее знание медицины, причем Маргарет применяла эти знания на практике, «исцеляя раны у нищих и помогая им в болезни»³⁵.

Большое наследство, перешедшее к Маргарет в связи с преждевременной смертью отца, вскоре привлекло внимание амбициозного герцога Саффолка, имевшего огромное влияние на короля. Он добился права опеки над Маргарет и ее землями, хотя девочка вовсе не была обделена вниманием матери³⁶.

Как известно, опека над землями несовершеннолетних была одной из важнейших королевских привилегий; право опеки передавалось (продавалось) короной кому-нибудь из верных слуг или нуждающихся фаворитов. Опека над несовершеннолетними из богатых аристократических фамилий использовалась не только для управления состоянием, оказывавшимся в руках опекуна, но и для заключения выгодных браков³⁷.

Когда Маргарет едва исполнилось девять лет, герцог Саффолк стал усердно искать ее замужества с Джоном де ла Полем, своим сыном и наследником. Тогда же Генрих VI просил ее руки для Эдмунда Тюдора, его единоутробного брата, более известного как граф Ричмонд³⁸.

История выбора брачной партии пересказана духовником Маргарет с ее собственных слов: «Будучи тогда не полностью девятью годами от роду и сомневаясь, что сама сможет принять решение, она попросила совета старой дамы, которую очень любила и которой доверяла. Та посоветовала ей обратиться к св. Николаю, покровителю всех

³¹ См.: *Halsted C. A. Life of Margaret Beaufort*. P. 19.

³² См.: *Ibidem*.

³³ *Ibidem*.

³⁴ См.: *Ibid.* P. 20.

³⁵ *Ibid.* P. 22.

³⁶ См.: *Ibid.* P. 22–23.

³⁷ См.: *Ibid.* P. 23.

³⁸ См.: *Ibid.* P. 24.

истинных дев, и умолять его наставить ее на путь истины, чтобы принять правильное решение. Этому совету она и последовала. Совершала свою молитву очень часто, особенно той ночью, по прошествии которой, на следующий день, должна была дать ответ. Изумительная вещь! Я слышал, снова и снова лежа в молитве, как призывает св. Николай, то ли во сне, то ли наяву, этого она и сама не знает, но около четырех часов утра к ней явился человек, одетый как епископ, назвался Эдмунд и приказал взять его в мужа»³⁹.

Очевидно, что кроме суеверия и провидения существует более существенная причина матримониального выбора Маргарет. Хотя наследница герцога Сомерсета была еще очень юна, тем не менее, она обладала достаточной проницательностью и предпочла обогатить Тюдора, а не удовлетворять желания амбициозного Саффолка, пожинавшего богатый урожай от опеки над ее имуществом⁴⁰.

Тем временем влияние герцога Саффолка шло на убыль – в 1449 г. палата общин выступила против де ла Поля. Генрих VI, чтобы успокоить парламентариев, отправил герцога в Тауэр. При этом одним из пунктов обвинения было желание захватить трон путем заключения брака Маргарет и сына герцога Саффолка – Джона де ла Поля⁴¹.

Эти слушания в парламенте многих, в том числе и некоторых историков, ввели в заблуждение, будто первым мужем леди Маргарет Бофорт был старший сын герцога Саффолка, а не Тюдор⁴². Даже если это так, Маргарет в то время было 6–9 лет, брак носил чисто политический характер и остался фиктивным⁴³.

Что известно об Эдмунде Тюдоре? Как отмечалось выше, благодаря браку Генриха V и Екатерина Валуа, дочери французского короля, Генрих VI унаследовал корону обоих государств: Англии и Франции. Однако, спустя два года после свадьбы Екатерина овдовела. На тот момент ей было всего 20 лет. Вероятность нового замужества королевы очень беспокоила знать. Это создало бы путаницу в престолонаследии, привело к борьбе за власть, усилению отдельных группировок. Поэтому парламент выдвинул условия, на которых Екатерина могла бы вступить в новый брак, условия нереальные для выполнения и ограждающие королеву от замужества в течение длительного времени. В частности, требовалось согласие на брак матери совершеннолетнего короля, а Генриху на тот момент было всего шесть лет. Кроме того, у потенциального супруга изымались все земли. Однако рожденные в браке дети признавались членами королевской семьи⁴⁴. Никто и не

³⁹ Funeral Sermon. P. 9 // *Halsted C. A. Life of Margaret Beaufort*. P. 25.

⁴⁰ См.: *Halsted C. A. Life of Margaret Beaufort*. P. 26.

⁴¹ См.: *Ibid.* P. 28.

⁴² См.: *Ibidem*.

⁴³ Сохранилось свидетельство того, что этот брак был аннулирован в 1452 году.

⁴⁴ См.: *Гриффитс Р. А., Томас Р.* Становление династии Тюдоров. Ростов-н/Д., 1997. URL: <http://www.rulit.me/books/stanovlenie-dinastii-tyudorov-read-262423-8.html> (дата обращения: 12.01.2015).

мог предположить, что новым избранником Екатерины станет тот, кому, по сути, нечего будет терять, кто не будет связан с английской аристократией. «Королева Катрин де Валуа, вдова Генри V Монмутского, вступила в связь с валлийцем Оуайном ап Маредидом ап Тюдором, королевским пажом»⁴⁵. Не понятно, был ли вообще заключен между ними брак, поскольку никаких документов, подтверждающих или опровергающих этот факт, до наших дней не дошло⁴⁶. Скорее всего, дети Екатерины Валуа и Оуэна Тюдора, в том числе и Эдмунд, будущий суженный леди Маргарет, были незаконнорожденными, но Генрих VI признал брата и даже возвел его в достоинство 1-го графа Ричмондского.

Через год после свадьбы и спустя два месяца после преждевременной смерти мужа, который скончался от чумы в замке Кармартен в Уэльсе 3 (или 1) ноября 1456 г.⁴⁷, 16-летняя Маргарет родила своего единственного сына – будущего короля Генриха VII Тюдора. Младенец появился на свет в замке Пемброк, в Уэльсе, в праздник св. Агнессы Второй – 28 января 1457 года. Как писала впоследствии сама Маргарет, «...этот день <...> принес в этот мир моего доброго и благородного рыцаря, короля и любимого сына»⁴⁸.

Маргарет предпочла оставаться в замке Пемброк у брата Эдмунда, Джаспера, поскольку возвращаться в Англию, где набирали обороты Войны Роз, было небезопасно⁴⁹.

После смерти в 1450 г. герцога Саффолка главным советником Генриха VI стал Эдмунд Бофорт герцог Сомерсет, дядя Маргарет Бофорт. Несмотря на то, что герцог со своей армией сдался французским войскам и полностью потерял Нормандию, его карьера шла в гору. Сомерсет был назначен верховным лордом-констеблем Англии, чему немало способствовало влияние на короля королевы Маргариты Анжуйской (племянницы жены короля Франции Карла VII). Маргарита понимала, какую опасность представляет Ричард Йорк⁵⁰, и предпочитала видеть среди сподвижников мужа человека верного и преданного. К тому же напомним, что Бофорты были лишены права наследования престола (указом Генриха IV в 1407 г.), тогда как Ричард Йорк

⁴⁵ Устинов В. Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. С. 42.

⁴⁶ См.: Там же.

⁴⁷ См.: *Halsted C. A. Life of Margaret Beaufort*. P. 44.

⁴⁸ Цит. по: *Gairdner J. Henry the Seventh*. L.; N. Y., 1889. P. 4. URL: <http://www.readanybook.com/ebook/henry-the-seventh-37506> (дата обращения: 21.01.2015).

⁴⁹ См.: *Halsted C. A. Life of Margaret Beaufort*. P. 48.

⁵⁰ Ричард Йорк (Плантагенет) (1411–1460) – сын Ричарда Конисбурга, 3-го графа Кембриджа, и Анны Мортимер. По отцовской линии Ричард был внуком пятого сына короля Эдуарда III – Эдмунда Лэнгли, 1-го герцога Йоркского, в то время как Генрих VI вел свой род от Джона Гонта – четвертого сына короля Эдуарда, 1-го герцога Ланкастера. По материнской линии происходил от герцога Лайонела Кларенса, третьего сына короля Эдуарда III, что давало ему право претендовать на корону.

имел все права на корону и был условным наследником не имевшего детей Генриха VI⁵¹.

Представитель «Белой розы», показавший себя прекрасным полководцем в войне с Францией, Ричард Йорк был фактически отправлен в ссылку в Ирландию. По возвращении в Лондон он активно включился в работу парламента, обвинил Сомерсета в потере английских территорий и всячески пытался его дискредитировать. Но Бофорт по-прежнему оставался правой рукой короля. Однако в 1453 г. Англия потерпела окончательное поражение в Столетней войне, и Генрих VI, и без того слабый и болезненный, впал «в безумие»: никого не узнавал, даже королеву, и не понимал, что происходит вокруг. Возникла необходимость назначить регента, которым мог быть условный (Ричард Йоркский) или безусловный наследник, либо мать несовершеннолетнего короля. Восемь лет брака Генриха VI и Маргариты не подарили им наследника, но в октябре 1453 г. королева родила сына, что полностью разрушало планы Йорка занять престол мирным путем. Кроме того, Королевский совет не мог допустить Ричарда, не так давно поднявшего восстание против короля, хотя и раскаявшегося в содеянном, к управлению страной. Однако он не терял зря времени. Стараниями Йорка Эдмунд Бофорт, обвиненный в потере Гиени, был помещен в Тауэр. Тем самым Ричард устранил самого влиятельного соперника. Ему удалось завоевать расположение парламента и получить поддержку Невиллов – очень влиятельной аристократической семьи Англии XV в., основатель которой, Ральф Невилл, женился на Джоанне Бофорт, дочери Джона Гонтского, которая приходилась Маргарет двоюродной бабушкой. Благодаря этому он все-таки был назначен лордом-протектором всего королевства. Но в конце 1454 г. Генрих VI вновь пришел в себя, и снова Ричард оказался в стороне. Однако сражение при Сент-Олбенсе, произошедшее в 1455 г. и столкнувшее Йорков и Ланкастеров, показало, насколько сильна партия Ричарда. Войска короля были разбиты, Эдмунд Бофорт убит. Ричард Йорк объявил о своей лояльности короне, но вскоре у короля опять случился приступ болезни, и вновь протектором стал Ричард – опять на недолгий период. Эта чехарда продолжалась до 1460 г., когда палата лордов вынуждена была признать Ричарда единственным наследником. Генрих VI пожизненно оставался правителем Англии, но его потомки этого права лишались. Однако в одном из ключевых сражений эпохи Войн Роз – 30 декабря 1460 г. при Уэйкфилде – Ричард погиб, герцогом Йоркским стал его старший сын Эдуард. И в сражении при Монтимерс-Кросс 2 февраля 1461 г. победа йоркистов была полной. Эдуард приказал казнить всех важных пленников, среди которых был и Оуэн Тюдор, «свекр» Маргарет, основатель дома Тюдоров⁵².

⁵¹ См.: Устинов В. Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. С. 153.

⁵² См.: Там же. С. 148–211.

Сражения не прекращались, но Ланкастеры в них терпели одно поражение за другим. Сам Генрих скрывался за границей, а в 1465 г. был выдан и заключен в Тауэр. Ему удалось вернуться на трон лишь в 1470 г., после переворота Уорвика. Однако его правление продлилось недолго. Весной 1471 г. армия Алой розы потерпела поражение при Тьюксбери, сын Генриха был взят в плен и сразу же казнен, а его само-го вскоре закололи в Тауэре⁵³.

Оба уцелевших Тюдора, Джаспер и его племянник Генрих, вместе с Маргарет Бофорт все еще скрывались в Пемброкшире, отказываясь признать Эдуарда IV королем. Они оставались в Южном Уэльсе еще три месяца. В сентябре 1471 г. Тюдорам пришлось отплыть в Бретань, оставив безуспешные попытки противостоять йоркистам.

У власти закрепились Йорки в лице Эдуарда IV. В 1483 г. корона перешла его сыну Эдуарду V, а спустя несколько месяцев дядя малолетнего короля Ричард Глостерский объявил племянника незаконнорожденным и сам принял королевский титул, став новым королем Ричардом III.

Вскоре против нового короля возник заговор. И как только Ричард отправился в путешествие по стране, приуроченное к его коронации и сопровождавшееся пирами и торжествами, «мятежники немедленно послали сообщение в Бретань, где в это время находился Генри Тюдор, призывая его поторопиться с прибытием в Англию»⁵⁴. В числе мятежников упоминается и Маргарет Бофорт, которая посылала письма Генриху и ратовала за его возвращение. Филипп де Коммин, как истинно средневековый историк, так описывает произошедшее: «Господь очень быстро послал королю Ричарду врага, у которого не было ни гроша за душой и, как кажется, никаких прав на корону Англии – в общем, не было ничего достойного, кроме чести»⁵⁵. Де Коммин видит в мятеже против Ричарда Божью кару, последовавшую вслед за вероломным захватом престола. Автор явно находится на стороне Тюдора, и симпатизирует ему, несмотря на отсутствие у того очевидных прав на трон.

Предпринятая попытка свергнуть неудобного монарха провалилась. Подавив мятеж, Ричард расправился с противниками и теми, кто был как-то причастен к этому делу. Однако Маргарет Бофорт удалось избежать столь трагической участи. Ричард III ограничился тем, что вызвал к себе ее мужа Томаса Стэнли⁵⁶ и напомнил, что тот несет пол-

⁵³ См.: *Рыжов К. В.* Все монархи мира. Западная Европа. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encMonarhi/85.htm> (дата обращения: 20.01.2015).

⁵⁴ *Устинов В. Г.* Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. С. 296.

⁵⁵ *Филипп де Коммин.* Мемуары. Кн. VI. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Kommin/frametext62.htm> (дата обращения: 12.02.2015).

⁵⁶ Томас Стэнли (1435 – 29 июля 1504) был четвертым мужем Маргарет Бофорт, брак между ними был заключен до октября 1473 г., после смерти ее третьего супруга сэра Генри Стаффорда (ок. 1425 – 4 октября 1471), за которого она вышла замуж около 1462 года.

ную ответственность за свою жену, и приказал держать бунтовщицу в полной изоляции в одном из северных замков, принадлежавших Стэнли⁵⁷. Однако «Маргарет продолжала сноситься со своим сыном Генри Тюдором через духовника Кристофера Арсуика. Тот передавал на континент ее сообщения, а иногда даже письма»⁵⁸. Арсуик был духовником Маргарет Бофорт и деканом Виндзора.

Несмотря на провал мятежа 1483 г. (Генрих так и не высадился в Англии, его задержал сильный шторм), Ричард III понимал, что следует готовиться к новому восстанию и ждать высадку Тюдора. Генрих и его сподвижники более тщательно продумывали наступление. В одном из заключительных сражений Войн Роз – битве при Босворте 22 августа 1485 г. – Ричард был обезглавлен, теперь Тюдору открывалась прямая дорога к престолу.

Если бы после победы при Босворте Генрих претендовал на корону по праву Ланкастерского дома, то королевой становилась бы именно Маргарет, его мать, которая впоследствии так и подписывала свои письма – Margaret R. Хотя она и не была королевой, но считала, что могла бы ей стать по праву⁵⁹. «Назвать Генри Тюдора наследником династического имени Ланкастеров совершенно неправомерно, – отмечает В. Г. Устинов, – поскольку он не принадлежал к этой династии. И Йорки, и Ланкастеры были Анжуйцами (Плантагенетами), так как происходили от них по прямой мужской линии <...> Генрих же был Тюдором – по своему отцу»⁶⁰. Однако, когда Ф. Бэкон перечисляет «тroyкого рода права на корону Англии»⁶¹, принадлежавшие Генриху VII, то вторым в его повествовании выступает «древнее и давно оспариваемое (и словом, и оружием) право Ланкастерского дома, наследником которого Ричмонд себя считал»⁶². Дж. Норвич, также говоря о том, что «притязания Генриха на наследование дома Ланкастеров или того, что от него осталось, были весьма сомнительные», отмечает, что «как бы то ни было, после битвы при Босворте немногие в Англии осмелились бы не преклонить колени перед Генрихом Тюдором»⁶³.

Маргарет Бофорт, хотя и называла себя королевой, вряд ли действительно претендовала на престол. Она ратовала за возвращение сына на родину, названа в числе мятежников, выступивших против Ричарда III, поддерживала Генриха на пути к власти и в годы его правления. Само воцарение Генриха, по сути, началось с помощью матери –

⁵⁷ См.: Устинов В. Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. С. 299.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ См.: Letters royal and illustrious ladies of Great Britain. P. 116.

⁶⁰ Устинов В. Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. С. 43.

⁶¹ Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. URL: http://drevlit.ru/texts/-b/b_bekon_genrih7_1.php (дата обращения: 08.01.2015).

⁶² Там же.

⁶³ Норвич Дж. Д. История Англии и шекспировские короли. URL: <http://www.lit-mir.me/br/?b=157041&p=80> (дата обращения: 07.01.2015).

решающую роль в битве при Босворте сыграл муж Маргарет, Томас Стэнли, изменивший королю Ричарду и пришедший на помощь Генриху со значительным отрядом. «Новый король, воспитанный благочестивой матерью»⁶⁴, – так пишет Ф. Бэкон, подчеркивая роль Маргарет в становлении личности Генриха.

Леди Маргарет была окружена королевскими почестями, хотя и не титуловалась королевой, а «Ее светлостью матерью короля». Генрих VII присвоил своему отчиму титул графа Дерби; тем самым мать короля стала графиней Дерби, но предпочитала чаще использовать именование графини Ричмонд.

Ее нежность и любовь к сыну действительно поразительны, и ее выражения полностью доказывают привязанность, которая существовала между ними⁶⁵. «Мой милый и самый дорогой король и вся моя мирская радость»⁶⁶ – такую роль в своей жизни отводит Маргарет Генриху. Генрих был ее единственным сыном, и на него она возлагала свои самые большие надежды.

Ответные письма Генриха VII свидетельствуют о том, что нежность Маргарет было окуплена сполна сыновьей любовью и почитанием, эти письма, по словам К. Хэлстед, даже оправдывают те резкие черты, которые историки приписывали монарху⁶⁷. «Госпожа, моя самая горячо любимая леди и мать, – обращается к ней Генрих. – Я обращаюсь к Вам в самом скромном и непритязательном благоразумии, на которое я способен, моля Вас о Ваших ежедневных и непрерывных благословениях»⁶⁸. Судя по этим словам, Маргарет также занимала важное место в жизни Генриха, он нуждался в ней и верил в ее поддержку.

В здании капитула Вестминстера сохранился оригинальный латинский акт дарения «лорду королю, нежно любимому сыну»: в знак «материнской и сердечной любви» Маргарет передает Генриху поместья в Суррее, оставляя только рыцарский титул ее дорогому кузену Чарльзу, герцогу Сомерсету. Датируется акт 28 октября 1505 года. Стиль, в котором графиня Ричмонд обращается к сыну – «Маргарет, графиня Ричмонд и Дерби, самая скромная мать самому прекрасному принцу, лорду Генриху VII»⁶⁹ – доказательство искренней любви, почитания и материнской преданности.

Безусловно, надо учитывать, что обращение к сыну-королю было выдержано с соблюдением традиции, так называемых «штампов» и «общих мест»: «Самым скромным образом, каким я могу, я обраща-

⁶⁴ Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. URL: http://drevlit.ru/texts/-b/b_bekon_genrih7_1.php#2 (дата обращения: 08.01.2015).

⁶⁵ См.: Halsted C. A. Life of Margaret Beaufort. P. 205.

⁶⁶ Margaret Beaufort to Henry VII. 1501 // Halsted C. A. Life of Margaret Beaufort. P. 206.

⁶⁷ См.: Halsted C. A. Life of Margaret Beaufort. P. 208.

⁶⁸ Henry VII to Margaret Beaufort. 1501 // Halsted C. A. Life of Margaret Beaufort. P. 208.

⁶⁹ Letters royal and illustrious ladies of Great Britain. P. 117.

юсь к Вашему сиятельству, и от всего сердца умоляю нашего Господа благословить Вас»⁷⁰. Но помимо выражения покорности и смирения мы можем увидеть и другую сторону – активность Маргарет в хозяйственной сфере и заинтересованность в делах управления. Так, одно из писем Маргарет было адресовано судебному приставу города Вар Ричарду Ширли, которого она информирует о прибытии в Вар рыночного клерка с ордонансом на поставку продовольствия для людей и животных, и просит всячески содействовать своему посланнику⁷¹.

Судя по другому письму Маргарет, графиня сама занималась взиманием выплат и наймом людей на королевские земли: «Мой добрый король, я послала моего слугу в Кендалл, чтобы получить выплаты, которые остались на счету сэра Уильяма Вэлла, священника моего лорда, которого я освободила от обязательств; и если это понравится сердцу Вашего Величества, на досуге, пошлите мне письмо, и прикажите мне, чтобы я не позволяла ни одному из моих арендаторов наниматься ни к одному человеку, но что они будут оставлены для <...> Вашего справедливого милого сына [будущего Генриха VIII – К. Э.]»⁷².

Упомянутый в письме Кендалл располагается в западной части страны, на реке Кент. Эта область была благоприятна для разведения овец и изготовления шерстяных тканей. Как следует из письма леди Маргарет, здесь в полной мере установились арендные отношения, что являлось одним из важнейших прогрессивных сдвигов в жизни английской деревни XV века.

Постепенно и аристократки втягиваются в систему новых хозяйственных отношений. Вдовствующие представительницы знатных семей, на которых ложится основная забота по хозяйству и управлению поместьем, все чаще выходят за рамки семейного круга в назначении своих служащих (адвокатов, управляющих, смотрителей) и привлекают людей с практическими навыками или тех, с кем будет выгоднее иметь дело. Так, к примеру, известно, что за время своей продолжительной жизни графиня Ричмонд наняла десятки клириков для работы по дому и в поместьях. Эта практика позволяла ей вознаграждать слуг за счет церкви, а не за свой собственный⁷³. Это было особенно важно, учитывая то, что Маргарет имела немало собственных владений: «мать Генриха VII, Маргарет Бофорт, назначила сэра Ричарда Чормелея управляющим ее усадьбы в Коттингеме и Йоркшире и сэра Джона Хасси управляющим замков Максей в Уорикшире и Дипинг в Линкольншире»⁷⁴.

⁷⁰ Margaret Beaufort to Henry VII. 1501 // *Halsted C. A. Life of Margaret Beaufort.* P. 206.

⁷¹ См.: Margaret Beaufort Countess of Richmond to servant Richard Shirley, Bailiff of Ware // *Letters royal and illustrious ladies of Great Britain.* P. 116.

⁷² Margaret Beaufort Countess of Richmond to her Son, Henry VII. A. D. 1501 // *Letters royal and illustrious ladies of Great Britain.* P. 118.

⁷³ См.: *Harris B. J. English aristocratic women. 1450–1550.* Oxford, 2002. P. 149.

⁷⁴ *Ibid.* P. 148.

Таким образом, жизнь леди Маргарет Бофорт пришлась на переломную эпоху, когда невероятно быстрыми темпами новые веяния в политической, экономической и социальной сферах приводили к ломке и трансформации старых порядков и устоев, когда своих соперников опережал тот, кто успевал подстраиваться под столь стремительно меняющуюся ситуацию. Графиня Ричмонд очень тонко чувствовала изменения в политической атмосфере, она была образованной и дальновидной женщиной и умело пользовалась обстоятельствами, доказательством чего являются письма, написанный рукой леди Маргарет. Ей удалось восстановить справедливость в отношении своей фамилии, лишённой права наследования престола, воспитать в своем сыне, будущем короле Генрихе VII, те качества, которые помогли ему направить Англию на путь формирования абсолютной монархии. Можно по праву считать прародительницу тюдоровских суверенов важным звеном в становлении новой династии в Англии и признать ее влияние на соединение двух враждующих «Роз» в одном мирном «букете».

Леди Маргарет Бофорт, графиня Ричмонд и Дерби, ненадолго пережила своего сына и умерла уже в царствование своего внука Генриха VIII – 29 июня 1509 г., похоронена в Вестминстерском аббатстве в Лондоне.

И. Я. Эльфонд (Саратов)

ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ ГЛАЗАМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ

Трудно назвать другого политического деятеля эпохи Реформации и Контрреформации, который получил бы такую широкую известность у потомков, как Екатерина Медичи. По выражению ее биографа И. Клула, она «занимает достойное место в нашей национальной мифологии»¹. Само упоминание о национальной мифологии показывает, что ее политическая деятельность, во-первых, оценивалась современниками и потомками, мягко скажем, неоднозначно, а во-вторых, эти оценки едва ли были объективны. Королева-мать и ведущая фигура французской политики эпохи гражданских войн привлекала к себе внимание как серьезных историков, так и писателей. Действительно, мало о ком из пантеона французской национальной истории создавались абсолютно противоречивые версии, которые выстраивались на столь же противоречивых оценках современников. Так что амплитуда колебаний велика: в трактовках различных авторов королева-мать и регентша Франции представляла и как гениальный политик, и как жесточайшее властолюбивое чудовище, не отступающее даже перед убийствами собственных детей, «иностранка и хитрая, и жестокая захватчица». А благодаря памятникам художественной культуры (литературы, театра, кинематографа, телевидения) образ этот со временем все более и более обогащался, так что в результате массовый европейский (в том числе и российский) читатель и зритель, начиная с эпохи романтизма, прочно усвоил среди культурно-исторических мифов, связанных с эпохой гражданских и религиозных войн, и миф о коварстве и жестокости Екатерины Медичи. К этому следует добавить, что и сам объект конструирования негативных мифов, прекрасно понимая роль имиджа в политике (а в дальнейшем и истории), немало потрудились над созданием альтернативного своего (столь же мифологического) образа. Культурно-исторические мифы оказались тем более живучи, что за ними стоит грандиозная культурно-историческая традиция, восходящая еще к XVI веку. Уже младший современник Екатерины английский драматург К. Марло в своей «Парижской резне» вкладывает именно в речь Екатерины (со сцены!) макиавеллистические формулировки. Впоследствии к числу хулителей королевы относились Вольтер и все представители французского романтизма, а в XX в. – Г. Манн и С. Цвейг, а среди ее защитников можно упомянуть О. де Бальзака. Миф о королеве во многом до наших дней вытесняет историю. Неслучайно П. Мериме, упоминая о Екатерине Медичи, счи-

¹ Клула И. Екатерина Медичи. Ростов-н/Д., 1997. С. 5.

тает, что о ней нечего сказать, иначе «чего бы стоила ее пресловутая выдержка»².

Содержание и характер всех этих мифов очень легко проанализировать при сопоставлении с их идейным основанием – той массовой политической литературой, которая служила инструментом обработки массового сознания эпохи и была с успехом воспринята позднейшей культурой.

Объективно это означает, что практически все историки и биографы шли за какой-то из традиций и так или иначе вносили свой вклад в эволюцию культурно-исторического мифа (включая самого Клула, несомненно, апологета Екатерины, и отечественного исследователя С. Л. Плешкову)³. Сразу можно отметить, что большинство следовало за традицией, созданной гугенотской историографией и публицистикой, то есть за образом, сконструированным политической оппозицией короне, и вероятно такая популярность королевы-матери, в принципе только подчеркивает, что именно ей оппозиция (религиозная и политическая) приписывала ту политику, которая торжествовала во Франции (которой были недовольны как крайние католики, так и протестанты). Следует отметить и тот факт, что все суждения относятся только к одному периоду ее жизни – в качестве вдовствующей королевы, с которым собственно и связана ее политическая деятельность, поскольку царствующая королева вообще во Франции находилась обычно в тени своего супруга, а положение Екатерины Медичи при французском дворе до этого было обусловлено особенностями происхождения и семейной ситуации.

Миф о злобной, жестокой и коварной властительнице во многом создавался в связи с определенной идеологической задачей дискредитации религиозной политики французского правительства, которое действительно во многом направлялась регентшей – королевой.

Насколько этот миф тенденциозен, можно судить по тому, что говорили другие современники. И, прежде всего, здесь следует прислушаться к голосу человека, которого считали руководителем оппозиции, немало претерпевшим от вдовствующей королевы, ее родственником по трем линиям. Когда Париж наконец-то перешел под власть короны, новый король произнес в ответ на реплику президента парламента Руана: «А что, скажите на милость, могла делать бедная женщина, оставшись вдовой с малыми детьми на руках, когда другие <...> только и думали, как бы захватить корону». Генрих IV прекрасно понимал и оправдывал ее политическую деятельность, даже если и рассматривал ее с позиций интересов семьи Валуа. Ему вторила в своих мемуарах и первая супруга, последняя из детей Екатерины. Королева Маргарита, не взирая на то, что между матерью и дочерью были весь-

² Мериме П. Хроника времен царствования Карла IX // Собр. соч. М., 1963. Т. 1. С. 216.

³ См.: Плешкова С. Л. Черная королева. М., 1995.

ма прохладные отношения (дочь впоследствии фактически была лишена наследства), утверждала, что Екатерина «жила только ради своих детей, готовая в любой час отказаться от своей жизни, чтобы сохранить их честь и корону»⁴.

Но политика регентши выходила далеко за рамки семейных отношений, поскольку трезвая и жесткая королева (а к этому ее подготовили страшное детство и унижения замужней жизни) пыталась спасти рушившееся под влиянием религиозных конфликтов государство, которое, заметим, еще только объединилось и не было политически и экономически унифицировано.

Но как и зачем конструировался образ жестокой и лицемерной убийцы? Какие элементы образа использовались? Р. Кнехт на московском коллоквиуме 1997 г., посвященном Варфоломеевской ночи, не зря указывал, что «во Франции XVI в. Екатерина являла собой отличную мишень для нападок, распаляемых ксенофобией, социальной спесью и женоненавистничеством»⁵.

Екатерина становится объектом нападок уже с самого начала идеологической и политической борьбы, даже до начала вооруженных действий. И публицисты не стесняются в выражениях. Но трактовка деятельности и личностей Екатерины Медичи и ее детей была обусловлена поставленной задачей – необходимостью конструирования нового образа власти с целью не просто дезавуирования политики, но и осуждения самого принципа абсолютизма. Особенно часто имя королевы-матери начинает упоминаться протестантскими публицистами после Варфоломеевской ночи. Миф был сконструирован по преимуществу в трех анонимных памфлетах, причем один из них непосредственно был посвящен личности королевы. В остальных красочная картина ее злодейств уточнялась и дополнялась. Уже в первом из программных памфлетов эпохи «Будильник французов» в жестком осуждении королевской власти и ее носителей во Франции ставится вопрос о том, что политика носителей власти опиралась на учение великого флорентинца, протестанты прямо обвиняют корону в тирании, а Макиавелли – в идейном обосновании этой тирании: «Они – способные ученики Макиавелли»⁶.

Еще более яркие обвинения присутствуют в памфлете «Франко-Турция». Памфлетист обвинял во всех бедствиях государства именно Екатерину Медичи: «королева-мать причастна ко всему, она ухудшает бедствия и губит французское дворянство»⁷. Памфлетист, наконец, стремится доказать ее жестокость и цинизм. В качестве одного из примеров ее морального растления отмечается и то, что «королева

⁴ Мемуары королевы Марго. М., 1995. С. 43.

⁵ Кнехт Р. Екатерина Медичи: святая или грешница? // Варфоломеевская ночь: событие и споры. М., 2001. С. 19–20.

⁶ Reveille-Matin des françois et de leur voisins. {Edinbourg}, 1574. P. 141–142.

⁷ France-Turquie. Orlean, 1576. P. 46.

свято следовала за советами своего Макиавелли». Моральное разложение доказывается и обвинением в атеизме и, наконец, в уголовном преступлении «отравила дофина», а заодно пыталась отравить как Гизов, так и Шатильонов (ярких врагов друг друга)⁸. Автор обвиняет ее в тех качествах, которые известны как макиавеллистические – хитрости, жестокости, лицемерии. В конечном счете, она предстает как инфернальное существо, ей, как и князю тьмы, необходимо для существования творить зло: «Для нее вполне нормально, что она не в состоянии отдыхать, если не совершила зла»⁹.

И все же особое место в создании ее образа занимает памфлет, по характеру наиболее антифеминистский, приписываемый перу знаменитого филолога-эллиниста А. Этьена «Рассуждение о достопамятных делах Екатерины Медичи» (1574). Здесь был использован впервые достаточно распространенный прием – оценки деятельности Екатерины сопровождались проведением аналогий и критикой деятельности других носительниц власти. Поэтому здесь присутствует исторический экскурс и оценки правления женщин с целью доказательства их вредоносного влияния на политические судьбы страны и ее политики. Этот ряд становится постоянным в публицистике; как правило, упоминаются одни и те же персонажи французской истории: королевы Бланка Кастильская, Брунгильда, Фредегонда, императрица Юдифь Баварская. И жена майордома Пипина Геристальского Плектруда. Отбор едва ли может быть случаен: почему-то никто из памфлетистов и теоретиков не упоминал, к примеру, Адель Шампанскую, которой также доверялось сыном правление, или несчастную Берту Бургундскую, из-за брака которой был наложен на Францию интердикт. По преимуществу критике подвергалась деятельность королев, бывших уроженками других стран. И это не случайно, поскольку все оценки такого рода доказывали, что правление их связано с ксенократией и призваны были вызывать массовую ксенофобию.

Памфлет включает и два новых имени – Анна де Боже и Луиза Савойская. Анну де Боже обвиняют в захвате власти и расправе с законными носителями ее: «Анна де Боже протянула руку к кормилу государства и отправила в узилище Людовика Орлеанского»¹⁰. Луиза Савойская в представлении памфлетиста в своем неумном честолюбии готова погубить все государство во время войны; именно ее объявляют «причиной потерь Милана, гибели Санблансе и пролившейся крови

⁸ См.: France-Turquie. P. 86, 146–147, 35.

⁹ Ibid. P. 83.

¹⁰ Discours merveilleuse de la vie, actions et deportemens de la royne Catherine de Medicis, mere de François II, Charles IX, Henri III, roys de France. [Amsterdam], 1563. P. 84. Только это сочинение подверглось изучению в контексте с рассматриваемой проблемой, но автор больше интересовался вопросом конструирования исторического мифа об «анти-герое». См.: Kingdon R. Myths about St. Bartholomew's Day Massacre. 1572–1576. Cambridge; L., 1988. P. 200–211.

при Павии»¹¹. Самое невероятное обвинение в этом памфлете относится к Бланке Кастильской – на ее совести то, что она сознательно разжигала войну из-за своего честолюбия, начала войну с альбигойцами, чтобы «воспрепятствовать попыткам знати устранить ее от дел управления»¹². Кроме того, она, конечно, объявляется источником раздоров. Практически честолюбие женщин, по мнению автора, приводило не только к войнам, но и к поражениям¹³. Даже древних франкских правительниц памфлетист обвиняет в том, что «Фредегонда, Брунгильда, Плектруда, Юдифь разжигали гражданские войны» из-за того, что они «завидовали мужу, сыну, брату»¹⁴. Подлинным «воплощением зла» памфлетист объявляет чужеземок – Изабеллу Баварскую и Брунгильду, неслучайно он даже называет королеву «флорентийской Брунгильдой». Достаточно негативные примеры власти женщин черпаются из всех исторических эпох истории Франции и служат для очернения чужеземок-королев и, прежде всего, Екатерины Медичи.

Сам приход женщины к власти ничего не сулит доброго для государства, поскольку «никогда не было женщины, правящей в королевстве, чтобы она не принесла бы беды», причем причина этих бедствий кроется в самой женской природе, «неумеренных страстях женщин»¹⁵.

Заклеймив и опорочив всех женщин во французской истории, имевших несчастье стремиться или находиться у власти, памфлетист обращается к главному объекту своего «исследования». Екатерина Медичи дискредитируется со всех мыслимых для того времени аспектов. Прежде всего, автор нападает на ее происхождение: Екатерина – низкого рода и предки ее – тираны¹⁶. Криминалом оказывается ее принадлежность к «купеческому роду», в силу этого она «не может любить дворянство», а ее низкое происхождение обусловило чудовищные замыслы – королева «стремилась истребить дворян»¹⁷. Екатерине приписываются речи, которых она не произносила, в коих выражены ее политические цели – расправы с оппозицией и жесточайшие методы этой расправы. В памфлете королева-мать заявляет: «я желала бы лишить головы всех тех, кто мог законно противостоят нашим злым замыслам, тех, кто не мог нам помочь в злодействах и предательствах»¹⁸. Ее враждебность к Франции и национальным политическим элитам изображается как следствие того, что она – чужеземка и флорентийка.

¹¹ Discours merveilleuse de la vie, actions et deportemens de la royne Catherine de Medicis, mere de François II, Charles IX, Henri III, roys de France. P. 85.

¹² Ibid. P. 143.

¹³ См.: Ibidem.

¹⁴ Ibid. P. 84.

¹⁵ Ibid. P. 87.

¹⁶ См: Ibid. P. 5–6.

¹⁷ Ibid. P. 146.

¹⁸ Ibid. P. 52–53.

Сомнения бросаются даже на ее приверженность католицизму, поскольку она «воспитана в безверии»¹⁹. Pamфлетист стремится доказать ее жестокость и цинизм, о чем мы писали выше.

Большую часть памфлета занимает сопоставление преступлений, творимых Екатериной, с деятельностью другой чужестранки – Брунгильды. Здесь приводится все – от морального разложения до утонченной жестокости, причем большая часть этих обвинений просто высосана автором из пальца. Но все служит главному обвинению в организации гражданских войн и направлены на дискредитацию власти. Поэтому королева только уничтожала имидж величия власти, которую она даже не захватила, но просто украла. Даже государственные таланты, гибкость и умение пользоваться тактикой лавирования ставятся ей в вину²⁰.

Обобщенная позиция противников королевы-матери и ее политики была сформулирована отчетливее всего в творчестве Ф. Отмана, провозгласившего: «ничего не существует в природе более противоземного, чем мужчина, которого направляет разум женщины»²¹. В особенности же это относится к Франции: «никто никогда не видел, чтобы в государстве франков правили женщины»²².

Наиболее развернуто эта позиция и опровержение всех, по его выражению, «сторонников гинекократии» было изложено во «Франкогаллии» (1573), где помимо главы о Салическом законе имеется глава о пагубности правления женщин во французском королевстве. Отман выступает как последовательный противник недопущения женщин к политической власти. С его точки зрения, правление женщин (пусть даже временное) недопустимо как с правовой, так и с политической точки зрения. Он полагал, что сама проблема «женщина и власть» надумана, «женщина не может быть королевой по своему праву, и наследственные права на корону не могут быть переданы ей или ее потомкам. Если же они и именуется королевами, то лишь по воле случая, так как они вышли замуж за королей»²³. Приход женщины к власти – слепая воля случая. И словно бы нехотя Отман отмечает, что он посвящает этой проблеме свое рассуждение, поскольку желает опровергнуть нелепое мнение о том, что «в Королевстве Франкогаллии некогда имелся обычай, согласно которому им управляли королевы, особенно вдовы или матери королей, находящихся еще в нежном возрасте, либо же находящиеся за пределами своей страны», то есть речь идет о легитимности власти современной королевы Екатерины Медичи.

¹⁹ Discours merveilleuse de la vie, actions et deportemens de la royne Catherine de Medicis, mere de François II, Charles IX, Henri III, roys de France. P. 6

²⁰ См.: Ibid. P. 144–145, 16.

²¹ Hotman F. Matagonis de matagonibus decretorum baccalavrey monitoreale adversus Italogalliam sive Antifrancogalliam Anth. Matharelli alvernogeni. S. l., 1574. P. 36.

²² Ibid. P. 61.

²³ Hotman F. Francogallia. Cambridge, 1972. P. 480.

Таким образом, речь идет вообще о возможности женщин править даже по доверенности, в качестве регентши или наместницы. Даже эту возможность Отман решительно отвергает, приводя «разумные возражения против подобной практики». Логика его сугубо юридическая: «если женщина не наделена правом стать королевой, то она не имеет права и на власть и правление»²⁴. Тем самым он трактует Салический закон расширительно, стремясь доказать полную невозможность во Франции законного женского правления даже временного. Естественно, что любое правление женщины интерпретируется им как неправомерная узурпация власти: «Власть была захвачена королевой, матерью Карла Лысого, по имени Юдифь»²⁵.

Отман не мог опровергнуть реальные исторические факты, но его объяснение сводится к тому, что государственный и общественный порядок нарушался вмешательством женщин, а результатом этого нарушения по злой воле или недомыслию оказывались серьезные потрясения в государстве. Он отмечает, что «конечно же, бывало и так, что и женщины добивались власти в управлении государством во времена наших предков, но это всегда вызывало крайние бедствия и приводило к большим несчастьям в государстве»²⁶. Характерно, что он говорит «о временах наших предков», относя, тем самым, подобные посягательства на общественный строй исключительно к временам становления государства и права.

Причина недопустимости правления женщин очень проста. Отман ссылается на традиции римского права, согласно которому женщины отстранялись от общественной жизни «по причине слабости их способности рассуждать». То есть мотив тот же и унаследован от средневекового представления. Отман признает за женщинами такие индивидуальные черты, как воля и честолюбие. Но хотя он полагал их необходимыми для правления короля-мужчины, наличие этих черт у женщин ни к чему хорошему не приводит. Женщины, правда, признает он, добиваются власти благодаря воле и честолюбию, но объективно это приводит только к бедствиям и несчастьям в государстве. Отман прозрачно намекает, что наличие воли и честолюбия непереносимо для мужчин, тем не менее, в бедствиях виновны женщины, а не самолюбие и властность мужчин, «не желающих покоряться власти женщины»²⁷.

Отман так же, как и более мелкие памфлетисты, анализирует длинный список правительниц в истории Франции и пытается выявить типологические черты властительниц. Первой он называет склонность к разврату и изменам; далее отмечается бессилие в случае необходимости принять жесткое решение. Отман впадает в противо-

²⁴ *Hotman F. Francogallia*. P. 480.

²⁵ *Ibid.* P. 488.

²⁶ *Ibid.* P. 482.

²⁷ *Ibid.* P. 480.

речие, одновременно обвиняя женщин в том, что им присуща склонность подавлять мужчин и подчинять их своей воле, что приводит к катастрофическим последствиям для слабых и влюбленных мужчин, а заодно и для государств, в которых воцаряется разброд и шатание. Кроме того, это приводит и к разрушению внутрисемейных связей, последнее, впрочем, для Отмана логическое следствие распутства и измен со стороны жаждущих власти и безнаказанности женщин: «Она разожгла роковую и разрушительную войну»²⁸. Как важную черту он отмечает несправедливость и предвзятость в политических решениях, определяющихся личными симпатиями или безудержными страстями. И, наконец, завершает ряд недостойных черт правительниц жестокость, в том числе и по отношению к своим же родственникам.

Отман приводит наиболее показательный пример неразборчивости выбора женщинами путей к власти. В его изображении это – франкская королева Фредегонда, которая показала пример захвата власти после гибели мужа: «как королева-мать, быстро захватила управление королевством от имени своего сына короля Хлотаря, удерживая власть в течение тринадцати лет»²⁹. Незаконно полученную власть она использовала ради незаконного совершения преступлений (отравлений и убийств родственников). Наконец, по убеждению Отмана, она ничем не брезговала ради того, чтобы сохранить власть и сознательно «вызвала гражданскую войну в государстве». Обвинения в провоцировании внутренних раздорах недостаточно, и он в качестве доказательства безграничной низости королевы, ее равнодушия к государству и народу бросает новое обвинение: призывании традиционных врагов своей страны для сохранения власти: «Затем подняла гуннов против сыновей своего мужа». Именно Фредегонду он обвиняет в подстрекательстве к распрям и усобицам VI в.: «Наконец, она вдохновляла все пожары, которые охватывали на протяжении долгих лет Франкогаллии», читай Франции.

Отман не стремится реабилитировать и главную историческую противницу Фредегонды королеву Брунгильду, обвиняя ее в ликвидации собственного потомства: «Она убила Меровея, сына Теодоберта и своего внука собственными руками. Она отравила Теодориха. Она стала причиной гибели десяти принцев крови...». И ныне правящая королева, достаточно прозрачно намекает автор, вполне заслуживает судьбы испанки Брунгильды, с каким-то садистским наслаждением описывается ужасная казнь последней. Параллель усиливается «пророчество» о том, что «другая Бруна придет не из Испании»... Таким образом, независимо от возраста, семейного положения и характера женщины итог ее правления один – разруха и бедствия в государстве.

Но при всех моральных слабостях или простоте женщина у власти, по мнению Отмана, всегда является источником мятежей, а чаще

²⁸ *Hotman F. Francogallia. P. 488.*

²⁹ *Ibidem.*

именно они «разжигают гражданские войны». Резюме Отмана очень простое; он дважды на нескольких страницах цитирует фразу Катона: «если вы ослабите узду на женщинах, как на нечестивых и неукротимых зверях, то всегда может произойти нечто непредвиденное». Но Отман почти не афиширует главный для него вопрос – как быть с уже захваченной Екатериной Медичи властью? Каждый штрих характеристики правления женщин вообще – мало прикрытая аллюзия на жизнь и правление королевы Екатерины.

Но подобная дискредитация королевы-матери служила дискредитации власти ее сыновей. Неслучайно название самого злобного из памфлетов: Екатерина не просто олицетворение зла, жестокости и макиавеллизма, но и мать нескольких королей Франции, а именно «*mere de François II, Charles IX, Henri III, roys de France*».

Согласно известной поговорке «яблочко от яблоньки недалеко падает», памфлетисты ненавязчиво наводят на мысль о том, что власть монархов – отпрысков «чудовища» не слишком соответствует требованиям к французским королям. И эта идея будет подхвачена и воплощена с блеском Агриппой д'Обинье в «Трагических поэмах», где уничтожающая характеристика Карла IX и Генриха III завершается отрицанием их связи с французскими королями, последние Валуа унаследовали «лишь душу матери и материнский яд» «свирепой Агриппины»³⁰.

В принципе роль д'Обинье в конструировании образа чудовища оказалась очень значительной, поскольку к ее образу он неоднократно обращается в «Трагических поэмах». Особо впечатляет гневная филиппика в первой книге «Бедствия». Поэт, кажется единственный, кто отказывает ей в наличии ума («слабая разумом»). Она «не способна делать добро», достаточно могущественна, чтобы «точить ножи для резни», мотив ее действий вполне традиционен для пропаганды протестантов – «бешеная жажда власти», поскольку исполнена «флорентийского яда». Обинье именуется ее не иначе как Иезавель, которая «утоляет кровью свою жажду власти». Поэт вменяет в вину и то, в чем королева-мать была уж совсем неповинна, – противостояние двух лагерей. По его мнению, именно она «разожгла распрю» из-за своей жажды крови. Наконец, Обинье обвиняет ее в том, в чем не обвиняли даже памфлетисты (хотя у Отмана есть намек при изложении истории Бругнгильды – королева обвиняется в отравлении собственного сына). Пламенная диатриба, да еще написанная великолепными стихами, по сути сводит воедино все обвинения, измышленные памфлетистами, уподобляя ее Нерону, а кровожадный дух был присущ ей с детства Короче, она – *verge des courroux; impure Florentine, squavage et carnaciere beste* (стержень ярости, нечестивая флорентийка, дикий и плотоядный зверь), который радуется и развлекается «ранами французов». С ее преступлениями не могут сравниться даже мифологические персонажи.

³⁰ Обинье А. Д' Трагические поэмы. М., 1996. С. 147.

Этого всего еще мало, и королеву обвиняют не только в безверии, но и в том, что «безбожница» верит в бесовские силы и связана с колдовством, и даже взывает к Сатане, которому «служит и поставляет аду соблазненные души». Ведьма, колдунья, слуга сатаны – всего этого оказалось мало, и в пятой книге «Мечи» поэт рисует картину того, как сам дьявол даже не завладевает душой королевы, но перевоплощается в нее. Из приспешницы Сатаны Екатерина Медичи превращается в его карнацию³¹

Таким образом, правление женщин памфлетистом характеризуется как анархия, осуществляемая обезумевшими от своих страстей и безнаказанности жестокими женщинами. Екатерина Медичи как бы соединяет в своем облике все недостойные черты женщин-правительниц. Она не просто «разожгла гражданскую войну в королевстве», но при этом «столкнула между собой братьев и соседей». Теоретические попытки осуждения власти женщин в итоге приобрели вполне конкретный выпад против королевы-матери, способствовали разрушению заботливо конструируемого ею образа власти и даже бросали тень на легитимность самой этой власти.

Обычно пытаются опровергнуть тезисы протестантов, что это ложь или гиперболизация, но именно подходы к трактовке образа свидетельствуют, что образ Екатерины Медичи идеально выстроен по сложившимся схемам политической пропаганды эпохи. В ней главным было конструирование образа врага. И именно образ королевы-матери выстраивается по уже сложившимся параметрам. В основе его лежало обвинение в стремлении к ксенократии, обусловленное ксенофобией. Враг – это чужестранец, что подчеркивается неоднократно, да еще и итальянец. Королева-мать выступает против бедной Франции и ее законных представителей именно потому, что она чужестранка. Подчеркиваются аморальные качества – жестокость, коварство. Пусть сама королева не развратна, но она сознательно сеет и разврат, она колдунья, ей присущи равнодушие, жажда власти и т. д. Сам образ выстраивается согласно сложившимся пропагандистским клише. Она сама становится злым гением Франции: «королева-мать причастна ко всему, согласно рекомендациям своих советников и должностных лиц она ухудшает бедствия и губит большую часть французского дворянства». К числу наиболее зловещих характеристик относится ее склонность к макиавеллизму и соответствующий подбор лиц на государственные должности. Так, в сочинении «Анти-Макиавелли» И. Жантийе доказывает, что «итальянцы, которые в настоящее время управляют Францией, четко придерживаются того мнения, что максимы Макиавелли – истина»³². Автор позволяет себе недвусмысленные аллюзии в адрес Екатерины Медичи; в его представлении именно она – провод-

³¹ Обинье А. *Д'Указ*. соч. С. 208, 198–212.

³² *Gentillet I. Anti-Machiavel*. Genève, 1576. P. 150.

ница идей Макиавелли на государственном уровне³³. Оценки ее политики в трактате как тирании открыто отражают не только неприятие ксенократии, но и италофобию автора.

Неизвестный враг, чужак, итальянец – его образ ассоциировался, прежде всего, с Екатериной Медичи. Она становится своего рода символом чужака, сознательно губящего Францию. Королева враждебна Франции и ведет политику, направленную на уничтожение страны, именно потому, что она – «чужеземка», «она принадлежит к иному народу, являясь итальянкой и флорентийкой».

Образ Чудовища, те обвинения, которые были сформулированы в трех памфлетах, тиражировался множеством других и конструировался именно как та модель, которая легла в основание традиционной версии. Но на создание этого образа при конструировании мифов отработывалась также и методика критики и приемы пропаганды, в частности, конструирование образа врага прежде всего как чужестранца. Чужестранка, враг, всеми ненавидимая, дочь купцов, разбогатевших на ростовщичестве (церковь осуждала эту деятельность) – идеальный образ врага. Ангелом она не была и смерти врагов радовалась, но реальный образ расчетливой и умной правительницы (а ум это то, что женщине не могут простить даже в наши дни) далек от inferнальной бестии, образ которой должен был поражать и возмущать широкого доверчивого читателя. Екатерина Медичи и сама успешно создавала свой имидж, для нее было особой заботой создать величие монарха, в том числе и своей персоны, но этот образ не затмевал того, который был сконструирован оппозицией. Можно отметить ряд идентичных, чаще всего демагогических приемов, использовавшихся независимо от партийной и религиозной принадлежности и ставших общей установкой в публицистике того времени.

На этом клише, утрачивающем подлинный образ вдовствующей королевы, памфлетисты оттачивали приемы и методы своей антироялистской пропаганды. И контрпропаганда идеологов легитимистов и лидеров-политиков была бессильна. Проникновенная эпитафия историка-эрудита Э. Пакье, возможно, была искренней: «Здесь упокоился цвет Флоренции, вдова и мать королей, которая своими неусыпными заботами спасала своих детей от насилия, отражая удары злобы и ненависти, именно она закрывала приход во Францию бедствий и с ее смертью вместе с обществом должна была умереть и королевская власть». Однако эпитафия плохо корреспондируется с политической действительностью: королева-мать умерла ненавидимой и последователями Лиги, и протестантами. Более того, из-за политических страстей она долго не смогла обрести последнее пристанище рядом с супругом в Сен-Дени: только в 1510 г. незаконная дочь ее мужа Диана Ангулемская (не родная дочь королева Маргарита) позаботилась о переносе

³³ См.: *Gentillet I. Op. cit.* P. 160 и далее.

останков королевы в ротонду Валуа, а в сам собор их перенесли только в 1719 году.

Средний путь в политике всегда вызывает ненависть оголтелых. Путь «неизменного инициатора политики сосуществования религий»³⁴ Екатерины, ставившей целью достижение торжества национально-государственной модели развития Франции, сохранить единство раздираемой религиозными и политическими противоречиями нации, был избран и ненавидимым королевой зятем, но, в конечном счете, привел к гибели и его; однако, посмертная их слава оказалась диаметрально противоположной.

³⁴ *Ле Руа Ладюри Э. де* Королевская Франция. М., 2004. С. 215.

ЖАН КАЛЬВИН И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ В ОЦЕНКАХ И. В. ЛУЧИЦКОГО

Имя Ивана Васильевича Лучицкого (1845–1918) достаточно хорошо известно нашим соотечественникам, интересующимся историей. Профессор Киевского университета, преподаватель Санкт-Петербургского университета и Высших женских курсов, депутат Третьей Государственной думы, И. В. Лучицкий был одним из столпов так называемой «русской школы»¹, представителем славной когорты «всеобщих» историков дореволюционной эпохи, которые отличались энциклопедичностью знаний, широтой кругозора, разнообразием тематики исследований. Труды Лучицкого по истории крестьянского вопроса перед Великой Французской революцией стали широко известны за рубежом и внесли весомый вклад в изучение проблемы в самой Франции.

Однако в начале научной деятельности И. В. Лучицкого интересовала другая тема. Его диссертации были посвящены истории религиозных войн во Франции XVI в.: диссертация на звание приват-доцента Киевского университета «Гугенотская аристократия и буржуазия на юге Франции после Варфоломеевской ночи» (1870), магистерская диссертация «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции» (1871), докторская диссертация «Католическая лига и кальвинисты во Франции» (1877)².

Как видно уже из названий трудов И. В. Лучицкого, объектом исследования здесь являлась не политическая история с акцентом на фигурах Колиньи, Гизов, Екатерины Медичи, не религиозная история противостояния протестантов и католиков, а история социальная – борьба сословий и классов, противостояние королевской власти, аристократии и буржуазии, возникновение и деятельность их политических группировок, называемых Лучицким «партиями».

Во французской историографии «последователем» И. В. Лучицкого можно считать историка Анри Озе (1866–1946)³, который стал первым во Франции, кто заговорил именно о социальной подоплеке Реформации и Религиозных войн⁴.

¹ См.: *Погодин С. Н.* «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., 1997.

² См.: *Лучицкий И. В.* Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871; *он же.* Католическая лига и кальвинисты во Франции. Киев, 1877.

³ См.: *Hauser H.* Etudes sur la Reformation française. P., 1909.

⁴ См. об этом: *Уваров П. Ю.* Что стояло за Религиозными войнами XVI в.? От социальной истории религии к «le vecu religieux» и обратно // Французский ежегодник. 2004. М., 2004.

Помимо исследования французского общества с точки зрения классов и их отношений⁵, Лучицкий ставил также задачу доказать, что в рассматриваемый период борьба гугенотов против королевской власти велась в интересах знати, была направлена против централизации и не носила демократического характера⁶. Здесь Лучицкий дискутировал с французским историком Ж. Мишле, автором знаменитой 17-томной «Истории Франции» (1833–1867), который истолковывал гугенотское движение как демократическое и республиканское и не связывал его с дворянством.

Тема религиозных войн в творчестве И. В. Лучицкого изучена у нас довольно полно – начиная с современников историка, заканчивая российскими и украинскими исследователями начала XXI века⁷. Однако проблема образа Кальвина и оценок политического учения реформатора в работах Лучицкого до сих пор не затронута.

Фигура женевского реформатора французского происхождения Жана Кальвина (1509–1564) не является для Лучицкого специальным объектом исследования, однако очевидно, что обращение к идеям Кальвина очень важно для раскрытия сути гугенотского движения. Наиболее цельная характеристика личности и взглядов Кальвина содержится во второй главе магистерской диссертации Лучицкого, причем она дается в контексте возникновения и состава кальвинистской партии во Франции.

Известно, что при написании магистерской диссертации в распоряжении Лучицкого были только «скудные» материалы Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге⁸ (тогда как докторскую он написал

⁵ См.: *Лучицкий И. В.* Католическая лига и кальвинисты во Франции. С. I.

⁶ См.: *Лучицкий И. В.* Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. С. III.

⁷ См., напр.: *Петров Е. Н.* Исследования И. В. Лучицкого по социальной истории Франции в эпоху религиозных войн // Научный исторический журнал. 1914. № 4. С. 9–17; *Шустерман Х. Б.* Проблемы религиозных войн во Франции в XVI веке в освещении И. В. Лучицкого // Ученые записки Хабаровского пединститута. Т. III. 1958; *Вебер Б. Г.* Происхождение религиозных войн во Франции в освещении И. В. Лучицкого // Французский ежегодник. 1958. М., 1959. С. 514–558; *Могильницкий Б. Г.* И. В. Лучицкий о роли народных масс в религиозных войнах во Франции XVI века // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1963. Вып. 1. С. 85–106; *Юшников А. В.* И. В. Лучицкий о характере религиозных войн во Франции XVI века // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 2003. Вып. 27. С. 150–164; *Кузеванов Л. И.* И. В. Лучицкий как историк религиозных войн во Франции второй половины XVI века // Российский исторический журнал. 1994. № 3. С. 36–46; *Лиман С. И.* Изучение истории Реформации и религиозных войн в трудах медиевистов Украины (1805 — первая половина 80-х гг. XIX в.) // Древности – 2005. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2005. С. 235–243.

⁸ См.: *Лучицкий И. В.* Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. С. IV.

после двухлетней командировки в Европу, где была собрана богатейшая коллекция архивных источников).

Среди источников, которые использовал Лучицкий в изучении наследия Кальвина, был его главный труд – «Наставление в христианской вере». Над этой книгой, которую Лучицкий называет «Кораном французских кальвинистов»⁹, Кальвин работал 25 лет, в результате чего появились пять редакций «Наставления...», несколько прижизненных десятков изданий на латыни, французском и других европейских языках. Историк пользовался французским изданием «Наставления...» 1609 года. Редакция и место издания в диссертации не указаны, однако, видимо, речь идет о женевском издании самой полной и объемной редакции 1560 года¹⁰. Также в работе в большом количестве приводятся цитаты из комментариев Кальвина к Библии, проповедей реформатора. Как известно, именно в этих работах (более поздних по сравнению с «Наставлением...» и часто написанных под влиянием конкретных событий) содержались наиболее смелые идеи Кальвина, которые он не позволял себе помещать в многочисленных редакциях «Наставления...»¹¹. Более радикальные высказывания и даже призывы, например, в комментариях к книге пророка Даниила (1561), проповедях на вторую книгу Самуила (1562), можно объяснить временем появления этих трудов (эскалация религиозного конфликта во Франции, на что Кальвин особенно болезненно реагировал), а также характером самих работ. Они были ориентированы на более узкий круг слушателей и читателей, тогда как «Наставление...» было нацелено на максимально широкую аудиторию и позиционировалось как практическое руководство в христианской жизни и «программное» произведение автора и возглавляемой им церкви.

И. В. Лучицкий цитирует эти сочинения по зарубежной научной литературе. Исследование кальвинизма в Европе началось гораздо раньше, и ко времени публикации диссертации Лучицкого там сформировалось целое направление кальвиноведения. Европейские историки опирались на самую полную к тому времени источниковую базу. В 1863 г. страсбургскими теологами Г. Баумом, Е. Куницем, Е. Рёссом была начата публикация трудов Кальвина под названием «*Ioannis Calvini opera quae supersunt omnia*» в рамках монументального издания «*Corpus Reformatorum*»¹².

⁹ См.: Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. С. 78.

¹⁰ См.: Бенуа Ж.-Д. Введение к французскому изданию // Кальвин Ж. Наставление в христианской вере: в 3 т. Т. 1. М., 1997. С. XLVI.

¹¹ См. об этом: *Nijenhuis W.* The limits of civil disobedience in Calvin's latest known sermons // *The Reformation. Critical concepts in historical studies.* V. III. L.; N. Y., 2004.

¹² Публикация в рамках «*Corpus Reformatorum*», посвященная Кальвину, завершилась 87-м томом в 1900 году.

Лучицкий называет лучшими исследованиями, посвященными Кальвину, работы немцев – П. Э. Генри¹³ и особенно Ф. В. Кампшulte¹⁴. Российскому историку импонирует беспристрастный взгляд этих исследователей¹⁵. Также Лучицкий использует первые жизнеописания Кальвина, написанные его современниками – соратником и преемником Кальвина в Женеве Теодором де Безом (1519–1605) и изгнанным из Женевы бывшим монахом-кармелитом Жеромом Эрме Бользеком (?–1585)¹⁶. Эти работы стали основой для двух традиций в литературе о Кальвине – преувеличенно хвалебной (от Беза) и очернительно-критичной (от Бользека). Однако, Лучицкий, зная о диаметрально противоположных оценках Кальвина первыми биографами, составляет на основе их сочинений характеристику реформатора, замечая, что они одинаково отразили основные черты характера Кальвина¹⁷.

Лучицкий подчеркивает присущие Кальвину силу, непреклонную волю, гордыню, упрямство, нетерпимость к другим мнениям и стремление уничтожать все препятствия, которые мешают на пути к достижению цели¹⁸. Надо сказать, это был достаточно хрестоматийный, хотя и относительно сдержанный образ. Например, Ж. Мишле изображал Кальвина воинственным и кровожадным фанатиком: «если где-нибудь в Европе нужны кровь и казни, если нужен человек для того, чтобы жечь и колесовать – то его можно найти в Женеве, он готов и расположен идти, благодаря Бога и прославляя его своими гимнами»¹⁹. По мнению Лучицкого, личные качества прямо отражались на характере политического и религиозного учения Кальвина. Кальвин характеризуется Лучицким как мыслитель, заимствующий и систематизирующий идеи предшественников (Лютера, Цвингли), и как талантливый организатор церкви²⁰. Характеризуя взгляды Кальвина на церковь Лучицкий подчеркивает, что догматические вопросы в меньшей степени занимали внимание Кальвина, в отличие от вопро-

¹³ См.: *Henry P. E. Das Leben Johann Calvin's des grossen Reformators: in 3 vols. Hamburg, 1835–1844.*

¹⁴ См.: *Kampschulte F. W. Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf. Leipzig, 1869. V. 1.*

¹⁵ См.: *Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. С. 70.*

¹⁶ См.: *Bèze T. de. L'histoire de la vie et mort de feu M. Jean Calvin. Genève, 1565; Bolsec J. H. Histoire de la vie, moeurs, actes, doctrine et mort de Jean Calvin. Lyon, 1577.* Выходные данные изданий, которые использовал И. В. Лучицкий, установить по тексту диссертации невозможно.

¹⁷ См.: *Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. С. 70–71.*

¹⁸ См.: Там же. С. 71–72.

¹⁹ *Мишле Ж. Реформа. Из истории Франции в XVI в. СПб., 1862. С. 232.*

²⁰ См.: *Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. С. 73, 70.*

сов об устройстве церковных учреждений и духовных лицах²¹. Соответственно, историк совершенно не касается учения Кальвина о предопределении, обращая внимание только на аспекты, имевшие практическую значимость для распространения кальвинизма во Франции. Главное для Кальвина, по Лучицкому, безусловность авторитета церкви у верующих, непреклонность дисциплины и единства, которые должны поддерживаться самим духовенством. Такие установки сделали кальвинистскую церковь воинственной и в высшей степени нетерпимой, но, с другой стороны, готовили верующих к исполнению долга и самопожертвованию²².

Роль пасторов в кальвинизме огромна. Лучицкий цитирует (по Кампшульту) слова Кальвина из его комментариев на книгу Самуила о том, что знаки священства должны быть более уважаемы, чем знаки королевской власти. Выбор пастора осуществляется с согласия народа, но, по представлению других пасторов (по мнению Лучицкого), такой порядок давал возможность не допустить «народного своеволия» и строго контролировать пасторское «сословие»²³. Лучицкий указывает на огромную роль консистории – «духовного трибунала» из пасторов и избранных народом старейшин. Однако консистория только определяла «качество проступка» – карать человека могла только гражданская власть. Исходя из этого, Кальвин признавал необходимость государства, однако такой характер взаимоотношений его с церковью, по мнению Лучицкого, делал светскую власть «подспорьем церкви», «простым орудием, которым располагала духовная власть». Тем самым Кальвин, по сути, воссоздавал католическое «преобладание церкви» с еще «большею силою» – теократию в духе Ветхого Завета. Не случайно Лучицкий называл Кальвина «женевским папой»²⁴.

В результате такого понимания отношений церкви и государства, пишет Лучицкий, сторонники кальвиновского учения впоследствии разделились на «консисториалов» – защитников интересов духовенства, и «политиков», которые преследовали лишь мирские цели²⁵. Последнее было связано с тем, что кальвиновские идеи давали дорогу «революционным страстям», создавали возможность законных перемен в политическом строе. Ведь, несмотря на то, что Кальвин говорил о полном повиновении власти предрержащим, по религиозным мотивам (в случае расхождения законов государственных с законом Божьим) он допускал два исключения: неповиновение (пассивное сопротивление) народа властям и активное сопротивление тирану со стороны Божьего избранника.

²¹ См.: Лучицкий И. В. Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. С. 73.

²² См.: Там же. С. 76.

²³ См.: Там же. С. 77–78.

²⁴ См.: Там же. С. 78–81, 93.

²⁵ См.: Там же. С. 77.

Однако, по мнению Лучицкого, Кальвин подспудно расширял возможности неповиновения, выводя причину за рамки религиозных причин. Например, подробно описывая то, каким должен быть государь, он как бы давал понять, что все остальные, не соответствующие идеалу посланника Божьего на земле, подпадают под вышеозначенные случаи²⁶.

В вопросе о лучшей форме правления Лучицкий отмечал эволюцию взглядов реформатора: от надежд на монархов (имеется в виду конкретный король – Франциск I, которому даже было посвящено первое издание «Наставления...» в 1536 г.) и превознесения монархии до недоброжелательного отношения к обоим. Монархия легко перерождается в тиранию, демократия в анархию (народное господство – еще большее зло, чем власть одного) – ни то, ни другое не может гарантировать «свободу народа».

Идеалом в данном случае, по мнению Лучицкого, у Кальвина выступает аристократия – только в этом случае государством руководят достойнейшие люди. Симпатии к аристократии Лучицкий объясняет воспитанием Кальвина в аристократической среде. Опираясь на оценки Капмшulte и Генри, историк указывает, что аристократическое воспитание влияло на частую жизнь Кальвина, который отдавал предпочтение людям из знатных родов, а также на его учение и организацию жизни в Женеве.

Что касается учения, имеется в виду то, что Кальвин допускал единственное исключение из правила безусловного подчинения государю: неправедным правителям могут сопротивляться облеченные властью и представляющие народ «народные защитники» (знать). В Женеве, по мнению Лучицкого, Кальвин сделал все, чтобы ввести «чисто аристократическое правление» и ослабить тамошние демократические учреждения²⁷.

Относительно положения Кальвина в Женеве Лучицкий утверждал, что Кальвин играл определяющую роль в управлении городом, где «он давал всему окончательную санкцию», был «безграничным <...> властителем» и «распорядителем <...> судеб» и имел «власть настолько обширную, что его могли смело назвать <...> главой республики»²⁸. Для Лучицкого очевидно, что в Женеве при Кальвине духовная власть торжествовала над светской, а коллегия пасторов представляла «власть более высокую, чем королевская»²⁹.

Историк отмечает, что Кальвин провел в Женеве реформу и религиозных, и политических учреждений. Однако о политических реформах Лучицкий ничего не говорит. Церковные ордонансы 1541 г.,

²⁶ См.: Лучицкий И. В. Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. С. 81–82.

²⁷ См.: Там же. С. 85.

²⁸ Там же. С. 72.

²⁹ Там же. С. 86–88.

разработанные Кальвином и «безусловно» принятые городским советом, по мнению Лучицкого, обеспечили интересы церкви и духовенства, влияние на мирские дела и нравственный контроль над горожанами посредством консистории. Опираясь на мнение Кампшulte, Лучицкий отмечает, что реформатор стремился ограничить влияние народа в Женеве, в том числе и в плане выборности пасторов. В конечном счете, он «сумел удержать за собою власть», подавив оппозицию («политических либертинов») в 1548 г., что Кальвину дало возможность «по произволу распоряжаться всеми делами города»³⁰. Характерно, что Лучицкий видит в стремлении Кальвина к власти в Женеве более глобальные цели, нежели само по себе управление городом. Реформа во Франции – вот что было «предметом постоянных забот» Кальвина, по мнению историка. Кальвин «вполне ясно осознавал выгодность» положения Женевы как убежища для преследуемых за веру и как центра пропагандистской деятельности – здесь можно было ковать из беглецов истых кальвинистов, суровых и нетерпимых, как сам Кальвин, и готовых организовывать церковные общины по примеру женеvской.

Лучицкий, ссылаясь на Т. Де Беза, констатирует, что с утверждением Кальвина в Женеве, начался наплыв женеvских проповедников во Францию – сюда приезжали носители «неотразимого влияния Кальвина», люди «нового закала» с более смелыми речами³¹. На основе переписки Кальвина³² Лучицкий отмечает, что пасторов во Францию готовил, посылал и строго контролировал их деятельность сам реформатор. В этом Лучицкий видит доказательства его неограниченной власти³³.

Успех в распространении кальвинизма во Франции объясняется, разумеется, не только отличной подготовкой пропагандистов, но и тем, что идеи его легли здесь на благоприятную почву: проповедуемое «как нельзя более подходило к требованиям и стремлениям большинства, как в среде знати, так и в народе». Как пишет исследователь, кальвинистские пасторы показывали французским «благочестивым людям» идеал жизни, контрастирующий с реальностью³⁴.

Личная заслуга Кальвина, по Лучицкому, в том, что он выработал основы организации, которая могла действовать в условиях отсутствия поддержки реформации со стороны власти, и «сумел привлечь к своему делу массы», предоставив им готовые формы борьбы с королевской властью. Кальвиновское учение позволяло отказывать королю в пови-

³⁰ Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. С. 88–89.

³¹ См.: Там же. С. 90.

³² См.: *Lettres de J. Calvin. Lettres francaises* / ed. J. Bonnet. Т. 1–2. Р., 1854.

³³ См.: Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. С. 93.

³⁴ См.: Там же. С. 94–95.

новении в определенных случаях, давало критерии «для оценки поступков власти», указывало на аристократический строй как лучший из возможных. Последнее, очевидно, импонировало французской знати, которая, по мнению Лучицкого, и сыграла решающую роль в усилении кальвинизма во Франции.

Кроме того, Лучицкий указывал, что Кальвин при всей его склонности к систематизированию и догматизму не оставил «строго определенной системы относительно области политики», давая тем самым определенную свободу действий своим последователям³⁵.

Советским ученым казалось недостаточным объяснение Лучицким успеха кальвинизма во Франции. По мнению Б. Г. Вебера, Лучицкий весьма «идеалистически» показывает причины распространения реформационного движения, нечетко и неконкретно указывая на социальные противоречия во французском обществе³⁶. Б. Г. Могильницкий отмечал, что Лучицкий не поднимал вопрос о социальной ориентации пасторов, считая, что они подчиняли свою деятельность исключительно религиозным идеалам³⁷.

Действительно, историк не рассматривал социально-экономическую и политическую ситуацию в преддверии гражданских войн во Франции, сосредоточившись на борьбе группировок и классов уже после 1572 года. За рамками обеих диссертаций осталась подробная предыстория политической организации гугенотов (до Варфоломеевской ночи). Лучицкий полагал, что посвятит этому вопросу специальную работу³⁸.

Тем не менее, Лучицкий констатировал, что, начавшись как религиозное, затем кальвинистское движение во Франции превратилось в политическое. Переход приоритета от религиозных идей к конкретным политическим вопросам историк связывал с изменением общественно-политической обстановки, с кризисом королевской власти, падением ее авторитета в обществе после окончания правления Франциска I (1515–1547). После конфликта дворянства с властью, вылившегося в резню 1572 г. и Булонский мир 1573 г., самая влиятельная часть французского общества увидела в гугенотских общинах основу сопротивления. После событий Варфоломеевской ночи задачей гугенотов стала не просто религиозная свобода, а «реформа в государстве в духе прежних, феодальных времен», когда королевская власть не была единоличной, а знать имела реальный политический вес. Религиозные вопросы остались в ведении пасторов, а власть в кальвинист-

³⁵ См.: Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. С. 303.

³⁶ См.: Вебер Б. Г. Происхождение религиозных войн во Франции в освещении И. В. Лучицкого. С. 537.

³⁷ См.: Могильницкий Б. Г. И. В. Лучицкий о роли народных масс в религиозных войнах во Франции XVI века. С. 96–97.

³⁸ См.: Лучицкий И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции. С. 6.

ском сообществе постепенно перешла от них к знати³⁹. По выражению французского историка Ж. Ливе, Лучицкий продемонстрировал, что религиозные войны стали для кальвинистов школой для выработки политических лозунгов и создания своих институтов⁴⁰.

Что касается непосредственно образа Кальвина в трудах Лучицкого, то он вполне соответствовал традиционным на тот момент представлениям и вписывался в контекст его исследования: Кальвин как защитник и апологет аристократии, «духовный оруженосец феодальной знати»⁴¹, борец с демократическими и республиканскими порядками в Женеве, идеолог и создатель женевской «теократии в духе чисто восточном». Негативный взгляд на Кальвина, по мнению Б. Г. Вебера, был связан с личными взглядами Лучицкого, с его «отрицательным отношением ко всякой нетерпимости», из-за чего у историка на первый план выдвигалась ограниченность кальвинизма, его сходство с католицизмом и средневековыми началами⁴².

Представляется, что не следует переоценивать степень влияния личных суждений и взглядов на исследование ученого. Возможно другое объяснение: в суждениях о Кальвине Лучицкий в большой степени опирался на труды своих европейских предшественников, не имея в распоряжении источников для достаточно глубокого анализа теории и практики реформатора, поэтому шел в русле уже заложенных тенденций, которые к тому же соответствовали его взглядам на религиозные войны во Франции.

Тем не менее, именно Лучицкий стал первопроходцем в плане серьезного научного изучения кальвинизма в России. До трудов Лучицкого Кальвин упоминался только в разделах лекционного курса у Т. Н. Грановского, М. Н. Петрова, В. В. Бауера. Теперь же фигура реформатора была вписана в контекст оригинальных монографических исследований, посвященных социальной борьбе, одной из причин которой была деятельность Кальвина и его последователей во Франции.

Хотя о «школе» Лучицкого говорить не приходится, несомненна его заслуга в привлечении внимания нового поколения исследователей к проблемам кальвинизма⁴³.

³⁹ См.: *Лучицкий И. В.* Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. С. 302–304.

⁴⁰ См.: *Ливе Ж.* Религиозные войны / пер. с фр. М., 2004. С. 67.

⁴¹ *Вебер Б. Г.* Происхождение религиозных войн во Франции в освещении И. В. Лучицкого. С. 540–542.

⁴² См.: Там же. С. 517–518.

⁴³ Изучение французского кальвинизма продолжил ученик Лучицкого Василий Петрович Клячин (см.: *Клячин В. П.* Политические собрания и организация политическая кальвинистов во Франции в XVI веке. Киев, 1888). Еще один ученик Лучицкого Николай Николаевич Любич изучал историю польской реформации (см.: *Любич Н. Н.* История Реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарии. Варшава, 1883; *он же.* Начало католической реакции и упадок реформации в Польше. Варшава, 1890).

А. Н. Галямичев (Саратов)

**КАРТИНА И ЕЕ АВТОР
(о чешском художнике Вацлаве Брожике и его шедевре
«Ян Гус на Констанцском соборе»)**

6 июля 2015 г. человечество отметит 500-летие со дня трагической гибели Яна Гуса.

Жизнь и судьба великого чешского реформатора в течение веков были и остаются предметом внимания не только ученых и мыслителей, но и мастеров искусства разных стран и поколений.

Образ Гуса вдохновлял поэтов, драматургов, прозаиков, кинематографистов, скульпторов и живописцев. Среди произведений последних особое место занимает написанная в 1883 г. картина чешского художника Вацлава Брожика (1851–1901) «Ян Гус на Констанцском соборе».

Оригинал картины украшает зал заседаний пражской ратуши¹, а ее репродукции хорошо известны каждому из нас: авторы большинства школьных учебников по истории средних веков при подборе иллюстраций.

¹ Картина была приобретена магистратом на средства, собранные жителями Праги. См.: *Kováč P. Brožíkův návrat na výsluní*. URL: <http://www.novinky.cz/kultura/2314-brozikuv-navrat-na-vysluni.html> (дата обращения: 20.10.2014).

люстративного материала к теме «Гуситское движение» останавливали свой выбор именно на этом шедевре исторической живописи.

Трудно не признать таковым полотно Брожика: на картине с редким мастерством и глубиной психологического проникновения в драматизм происходящего запечатлен кульминационный момент противоборства отважного обличителя пороков официальной церкви с Констанцским собором – многолюдным собранием высших церковных иерархов, осудивших Гуса на мучительную казнь на костре.

Картина Брожика имеет своеобразную судьбу. В настоящее время она живет как бы сама по себе, оставаясь одним из самых любимых чешским народом и прославленных за пределами страны произведений национального искусства. Имя же ее автора, в свое время широко известное, ушло в тень.

Для примера сошлемся на популярные в нашей стране справочные издания. В 1891 г., когда художник отмечал свое 40-летие, статья о нем и его творчестве была помещена в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона². Во втором издании «Большой советской энциклопедии» также нашлось место для краткой справки о Брожике³. Составители же третьего издания БСЭ сочли возможным оставить творческое наследие чешского художника без внимания.

Показателен, как нам представляется, и другой факт. Перу российских искусствоведов принадлежит целый ряд книг и брошюр о творчестве видных чешских художников XIX – начала XX вв.⁴, однако до настоящего времени, насколько нам известно, на русском языке не было написано ни одной специальной статьи о творчестве Вацлава Брожика.

Чем же обусловлено такое положение вещей? Его причины, по видимому, кроются в обстоятельствах жизненного и творческого пути художника.

Одна из причин заключается, на наш взгляд, в том, что творческая жизнь Брожика оказалась теснейшим образом связанной с Парижем. Именно здесь, в столице мировой живописи XIX в., прошла ее большая часть. Когда в 1876 г. молодой чешский художник приехал в Париж, его имя ни о чем не говорило знатокам искусства, а сам он не знал французского языка. Однако природный талант, помноженный на редкое трудолюбие, позволил честолюбивому чеху добиться признания: уже два года спустя ему была присуждена золотая медаль на Парижском салоне за картину «Свадебное посольство короля Лади-

² См.: Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Издатель: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (Санкт-Петербург). СПб., 1891. Т. 8 (IVa). С. 700.

³ См.: Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1951. Т. 6. С. 130.

⁴ См.: *Сапего И.* Чермак. М., 1957; *Гривнина А. С.* Швабинский. М., 1957; *Гривнина А.* Манес. Л.; М., 1960; *Эренбург И. Г.* Карел Пуркине. М., 1960; *Гривнина А. С.* Антонин Славничек. М., 1962; *Кишкин Л. С.* Миколаш Алеш и чешская культура. М., 1978; *Перова Д.* Альфонс Муха. М., 2011.

слава при французском дворе Карла VII», а известный парижский торговец произведениями искусства Карл Зедельмайер не только приобрел это полотно, но и счел возможным выдать свою дочь замуж за «восходящую звезду» живописи.

В 1896 г. Брожек был избран одним из сорока «бессмертных» членов Французской Академии изящных искусств, в конце жизни стал кавалером французского ордена Почетного легиона и закончил свои дни в Париже, где был похоронен на кладбище художников на Монмартре.

На протяжении всей жизни Брожек старался не прерывать связи с родиной, постоянно приезжал в Чехию, принял деятельное участие в росписи здания Национального театра в Праге, ставшего монументальным символом Чешского Национального Возрождения⁵ и давшего название целому поколению чешских художников⁶.

С 1893 г., когда Брожек стал профессором Пражской Академии художеств, он проводил большую часть времени в Чехии, возвращаясь в Париж только на летние месяцы. Однако при всем этом его связи с родиной, с поисками самобытных путей развития чешского искусства, его влияние на формирование творческого почерка новых поколений чешских художников оказались менее прочными в сравнении с теми из современников, кто постоянно жил в Чехии и делил с народом все его успехи и неудачи. Это не могло не отразиться на отношении к Брожку среди чешских ученых и художников⁷. К тому же значительная часть документальных свидетельств о Брожке осталась в Париже, что не могло не затруднить научно-искусствоведческое изучение его наследия в России и Чехии.

⁵ Здание Пражского национального театра оперы и балета, задуманное как храм чешского искусства, в тот момент, когда строительство близилось к завершению, было почти полностью уничтожено пожаром 1881 г., но все же было возобновлено и закончено на добровольные пожертвования представителей всех классов и сословий. Интерьеры театра были расписаны фресками на сюжеты национальной истории, а его сцена увенчана девизом: «Народ себе».

⁶ Имя Брожека принято причислять к числу ведущих представителей поколения Национального театра. См., напр.: *Цырлин И.* Изобразительное искусство Чехословакии. М., 1957. С. 12; *Гривнина А. С.* Антонин Славничек. С. 7; *Кишкин Л. С.* Миколаш Алеш и чешская культура. С. 4.

⁷ См., например, оценочные суждения из коллективного труда искусствоведов Чехословакии: «В 80-е годы развитие искусства принимает более интенсивный характер, но усиливается и его дифференциация. Встречаются художники, почти исключительно специализировавшиеся на определенных жанрах, по крайней мере, вращающиеся в определенном кругу тем.

Некоторые все еще тяготеют к загранице, и, хотя большинство из них не теряет связи с родиной, после возвращения в отечество они приносят к нам искусство чужеродное, так что развитие его принимает неравномерный характер. Особенно это сказывается в конце XIX века, когда и в Чехии мы наблюдаем борьбу традиции с упадочными тенденциями.

Первым художником этого поколения является *Вацлав Брожек* (1851–1901), жизнь которого всецело связана с Парижем» (*Новотны В.* Чешская живопись // Чехословацкое изобразительное искусство XIX и XX веков. Прага, 1953. С. 23).

Имела место, как нам представляется и иного рода причина ухода на второй план фигуры знаменитого художника в XX веке. Она связана с самим творческим *сredo* Брожика. Он остался в истории мировой живописи как выдающийся мастер исторического жанра, который на всем протяжении своей творческой биографии работал в русле традиций академизма.

Брожик воспитывался в этом духе в Пражской Академии художеств, с которой связаны истоки творческого пути мастера. Принципы академизма определяли содержание и формы его учебы в Академии живописи в Дрездене. Наконец, в Мюнхенской Академии художеств, где Брожик учился в 1873–1876 гг., судьба свела его с выдающимся академистом – мастером исторической живописи Карлом Теодором фон Пилоти, оказавшим большое влияние на формирование Брожика как художника. У своего учителя он унаследовал исключительную тщательность проработки деталей, стремление к возможно более полной исторической достоверности в изображении интерьеров, одежды, оружия, предметов быта ушедших в прошлое эпох.

Известно, что Брожик остался в стороне от смелых исканий своих современников – французских живописцев, но совершил специальную поездку в Нидерланды для обстоятельного изучения шедевров голландской реалистической живописи. Творческие же искания молодых чешских художников последних десятилетий XIX – начала XX вв. были устремлены в другое направление, что не могло не сказаться на отношении к творчеству Брожика в целом.

Свое слово в судьбе наследия Брожика сказали и его исторические взгляды, представления о движущих силах истории. Здесь он оставался сторонником уходивших корнями в первую половину XIX в. представлений о ведущей роли в истории выдающихся личностей – мыслителей и художников, но прежде всего – правителей. В его произведениях воспроизводились сцены коронаций, драматические эпизоды правлений, яркие события политической жизни и т. п. Брожик не ставил перед собой задачу исследования социальных противоречий, выявления роли народных масс, реконструкции бытовой повседневности прошлых эпох. Поэтому его подход к историческому прошлому выглядел в XX в. как поверхностный, наивно-аристократический⁸.

Трудно не признать обоснованности таких оценок, но при этом следует отметить, что такое видение истории Брожиком сложилось

⁸ Советский искусствовед Ю. Колпинский, в частности, отмечал: «Следует, однако, признать, что большие многофигурные станковые композиции мастера, такие, например, как «Ян Гус на Констанцском соборе» (1883) или «Послы короля Владислава при дворе Карла VII» (1878), хотя и отличаются красочным разнообразием характеров, верной передачей исторических костюмов и аксессуаров, все же грешат склонностью к внешним театральным эффектам и лишены глубины проникновения в исторический смысл изображаемых событий» (*Колпинский Ю. Искусство Чехословакии // Всеобщая история искусств: в 6 т. М., 1964. Т. 5. М., 1964. С. 354*).

не только под влиянием определенной системы исторических представлений, зафиксированной в научных трудах и учебниках, но и в ходе размышлений художника об уроках его собственного жизненного пути.

У родившегося в многодетной семье в селе Тремошна юноши, казалось бы, не было шансов стать всемирно известным художником. Тем не менее это произошло, прежде всего – благодаря невидимой извне, мало связанной с социальными противоречиями и политическими движениями эпохи внутренней духовной работе, неустанному труду. При этом важнейшие повороты жизненного пути Брожика были отмечены разделительными вехами – встречами с людьми, пересечение с жизненными тропами которых давали ускорение и даже новое направление жизни художника.

Главной из таких встреч стало то участие в судьбе Брожика, которое принял богатый пражский пивовар Павел Вноучек.

Юный Брожик, семья которого переехала в бурно развивавшуюся в середине XIX в. Прагу, встретился в церковном хоре с сыном Вноучека и поделился с ним своими мечтами стать художником. Павел Вноучек помог талантливому юноше получить необходимое для поступления в Пражскую Академию художеств образование, для чего он не имел средств, а затем следил за его успехами во время обучения, поддерживая в самые трудные минуты в начале творческого пути⁹.

Думается, что картина «Ян Гус на Констанцском соборе» не случайно стала главным его шедевром. В ней в полной мере присутствует искусство Брожика как мастера рисунка и композиции, опыт умелого портретиста, добросовестность вдумчивого реконструктора исторического прошлого. В этой картине проявился его глубокий патриотизм, восхищение мужеством самого знаменитого из чехов.

Эпизод мужественного противостояния Гуса с отцами Констанцского собора позволил Брожику, как никакой другой, показать свое, сокровенное видение истории и судеб людей в ней. В образе Гуса художник с наибольшей степенью полноты выразил ведущую роль внутренней каждодневной духовной работы человека на его жизненном пути. При этом внешнее поражение осужденного на казнь Гуса оказывается несущественным в свете его победы над страхом смерти и мучительной казни. В этом глубоком внутреннем созвучии образа Гуса и мировосприятия Брожика и коренятся причины огромной притягательной силы его полотна.

С момента появления картины Брожика прошло почти полтора столетия, но она и сегодня остается непревзойденным опытом художественного постижения подвига великого чешского реформатора и его вклада в духовную историю человечества.

⁹ Вацлав Брожик – один из последних великих художников исторического жанра URL: <http://art-assorty.ru/2893-vaclav-brozik.html> (дата обращения: 20.10.2014).

А. П. Пащинин (Саратов)

**БОРЬБА ИРЖИ ИЗ ПОДЕБРАД
С КАТОЛИЧЕСКИМ ПАНСКИМ СОЮЗОМ
(середина XV века)**

К началу 1430-х гг. экономическая и политическая ситуация в Чехии была очень сложной. Гуситские войны означали для Чешского королевства почти 15 лет иноземных вторжений и внутренних войн, которые крайне истощили экономические ресурсы небольшой страны. Кризисные явления в чешской экономике не только не исчезли, но, напротив, еще более усилились. Сократилась площадь обрабатываемых земель, ухудшилось качество обработки почвы¹. Сократилось поголовье скота². Положение усугублялось чередой неурожайных лет. Экономическая блокада Чехии, начавшаяся в 1420 г., привела к прекращению торговых связей с соседними странами и росту цен на товары. Торговые пути, ранее проходившие по территории Чехии, были нарушены³. На протяжении всего периода гуситских войн продолжалось падение курса чешского гроша. Содержание серебра в чешской монете постоянно уменьшалось и падала его меновая стоимость.

В условиях экономического кризиса все более широкую поддержку среди различных слоев населения получала идея заключения компромиссного мирного соглашения с королем Сигизмундом при условии признания им тех перемен, которые произошли в политической и экономической сферах в Чехии в годы гуситских войн. Условия такого мира были выработаны в ходе Святомартинского сейма в Праге.

Регентом Чешского королевства и маркграфства Моравского был избран пан Алеш из Бржештова и из Ризенбурка⁴. При нем был создан совет из 12 человек⁵. В первой статье на него возлагается обязанность «охранять мир и покой земель»⁶. Таким образом, на первом месте стоит требование обеспечить порядок в стране. При этом «полученные права и свободы не должны быть ущемлены»⁷. Здесь прямо указывается одно из важнейших условий: подтверждение всех привилегий, которые шляхта получила при Вацлаве IV, а также признание за шляхтой права активно влиять на внутренние дела в Чехии, как это вошло в обычай в годы гуситских войн.

¹ См.: *Рубцов Б. Т.* Гуситские войны. М., 1955. С. 274; *Мацек Й.* Гуситское революционное движение. М., 1954. С. 158–159.

² См.: *Рубцов Б. Т.* Гуситские войны. С. 275.

³ См.: *Мацек Й.* Гуситское революционное движение. С. 158–159.

⁴ См.: *Archiv Český. Praha, 1844. Dil III. S. 413.*

⁵ См.: *Ibid. S. 412.*

⁶ *Ibidem.*

⁷ *Ibidem.*

К теме порядка и мира в стране сейм возвращается и позднее. Пану Алешу из Бржештова и совету предоставляются широкие полномочия, начиная от вызова в суд и заканчивая применением вооруженной силы⁸. В тексте документа прямо не указывается на то, с какой стороны ожидалось противодействие решениям сейма, по всей видимости, здесь, подразумевались полевые войска таборитов.

В специальном пункте решений говорилось о том, что провозглашается свобода причащения под обоими видами и свобода проповеди, смертные грехи и пророчества должны быть искоренены⁹.

В решениях сейма были заложены основы компромисса с католической церковью. Именно так можно расценивать положение об искоренении смертных грехов и пророчеств. Уступкой католической церкви было и признание ее права на владение собственностью. Указывается лишь, что священникам «закона нового» «неприлично» владеть имуществом¹⁰. Тем не менее, возвращать уже захваченные церковные земли никто не собирался. Владельцы всех бывших церковных и монастырских имений должны были заявить об этом и заплатить бывшим владельцам¹¹, но захваченные имения церкви должны были остаться за их новыми владельцами. Такое же решение было принято и в отношении королевских земель¹².

Святомартинский сейм закрепил и сохранение церковного суда. Правда, под его юрисдикцию попадали исключительно лица духовного звания. Миряне же должны были обращаться в светский суд¹³.

Регент и совет получили также право назначать регентов для управления краями Чешского королевства. Регенты краев наделялись исполнительной и судебной властью¹⁴.

В начале 1434 г. был создан панский союз, направленный против таборитов и сирот. Победа панского союза при Липанах в 1436 г и разгром радикального крыла гуситского движения означали победу короля Сигизмунда, чьи наиболее решительные противники были побеждены. Однако это была и победа панства, которая означала дальнейшее ослабление королевской власти в Чехии. Король Сигизмунд, обладавший всеми законными правами на чешскую корону, был признан в качестве короля лишь после того, как подписал в июне 1436 г. соглашение, гарантирующее чешским сословиям, прежде всего – шляхте, их привилегии. Логическим завершением процесса усиления шляхты стало подписание в 1440 г. документа, согласно которому власть в стране осуществлялась ландфридами, т. е. организованными политическими

⁸ См.: Archiv Cesky. S. 413.

⁹ См.: Ibidem.

¹⁰ См.: Ibidem.

¹¹ См.: Ibidem.

¹² См.: Ibidem.

¹³ См.: Ibid. S. 402.

¹⁴ См.: Ibid. S. 412.

группировками, которые создавались представителями высших слоев шляхты при активной поддержке других социальных групп чешских феодалов с целью обеспечить осуществление своих политических, экономических, а в случае необходимости – и религиозных требований.

Еще в начале гуситских войн необходимость организации вооруженной борьбы против гуситов в условиях отсутствия централизованной королевской власти вызвала к жизни своеобразную форму военно-политического сплочения шляхты – так называемые ландфриды. Ландфриды создавались по территориальному принципу – как объединение шляхты определенного края. Первые ландфриды были созданы летом 1420 г. после указа короля Сигизмунда, по которому шляхте разрешалось создавать объединения против гуситов¹⁵. Наибольшей активностью в борьбе против гуситов отличался Пльзеньский ландфрид.

После указа 1440 г. панство и рыцарство в большинстве краев Чехии создали такие ландфриды. Главой ландфрида был гетман, наделенный значительными полномочиями. В частности, ему подчинялись войска края, и именно гетман был судьей в спорах между шляхтой края. Каждый гетман имел в подчинении несколько шляхтичей, выступавших от его имени.

Как указывалось, главной целью создания ландфридов было предупреждение междоусобных войн между шляхтой, однако в условиях слабости королевской власти ландфриды стали заменять собой центральное земское правительство.

Гетманами Пражского края стали пан Менгарт из Градца, наивысший бургграф пражский, и пан Януш Коловрат. Пан Иржи из Кунштата был избран гетманом градецкого края, пан Ольдржих из Рожмберка – бехинского, пан Вацлав из Михаловец – прахенского, пан Гинек из Кумбурга – пльзеньского, пан Буриан из Гутштейна и на Рабштейне – жатецкого, пан Збынек Зайиц – ржипского, пан Михалец – бехинского¹⁶.

Таким образом, все гетманы принадлежали к шляхте, причем к высшей шляхте – панству. Среди гетманов встречаются и католики, и утраквисты.

Первым ландфридом, созданным после 1440 г., стал союз католической шляхты в главе с паном Ольдржихом из Рожмберка. Кроме него в союз вошли пан Ян Швиговский из Ризмберка, пан Ян из Швамберка, паны из Гутштейна, паны из Коловрат. Вскоре после образования католического ландфрида был создан и союз утраквистской шляхты, в который вошли пан Голицкий, пан Иржи из Вишемберка, пан Ян Займач из Кунштата, Микулаш из Липы. Главой утраквистов

¹⁵ См.: Archiv Cesky. S. 220.

¹⁶ См.: Stare letopisy ceske z Vratislavskeho rukopisu // Centrum medievistických studií. URL: http://147.231.53.91/src/index.php?s=v&action=jdi&cat=20&bookid=582&page=-95&action_button.x=0&action_button.y=0 (дата обращения: 05.01.2015).

стал сын знаменитого гетмана периода гуситских войн пана Викторина Бочека из Подебрад – пан Иржи из Подебрад¹⁷.

Таким образом, к 1445 г. в Чехии складываются два враждебных союза – католический и уtrakвистский. Между ними начинается борьба за господство в королевстве. Территориально владения панов-католиков были сосредоточены в Западной Чехии, кроме пана Ольдржиха из Рожмберка, большая часть панств которого находилась в Южной Чехии. Сложное положение было в Пльзеньском крае. Здесь находились владения панов-католиков, однако гетманом был пан-утраквист Гинек Крушина из Кумбурга. Большая часть уtrakвистских панств была сосредоточена на востоке королевства. Сильны были позиции уtrakвистов в Моравии.

Важным представляется вопрос: что было главной причиной поддержки шляхтичами католического или уtrakвистского союза? Что было основным мотивом присоединения к тому или иному союзу? Можно выделить следующие группы причин – политические, религиозные, военные и соображения личной материальной выгоды. Вполне вероятно, что на принятие решения оказывала влияние и репутация двух лидеров – пана Ольдржиха из Рожмберка и пана Иржи из Подебрад.

В отличие от периода гуситских войн существенно снижается и роль территориальных факторов. Большинство союзов предгуситского времени и периода гуситских войн были территориальными, однако встречаются и союзы, созданные по политическому или религиозному признаку. В 1394 г. паны создали вооруженный союз, с помощью которого они попытались заставить короля Вацлава IV управлять страной, сообразуясь с интересами панства. Таким был и панский союз, созданный в 1434 г. и направленный против таборитов.

Достаточно сложно оценить численность враждующих сторон. Источники не содержат прямых указаний на этот счет. Однако в нашем распоряжении есть документы, касающиеся участия чешских панов во внутренней войне в Австрии в начале 1450-х гг., отдельные намеки на численность встречаются при описании военных столкновений и в документах о ландфридах. Кроме того, есть сведения о численности панских отрядов, приведенных на поле битвы при Липанах. Разумеется, эти данные не позволяют говорить о точной численности войск панского союза, но с их помощью можно определить хотя бы порядок величин. Относительно точные данные есть только по численности войск пана Ольдржиха из Рожмберка. Он мог без ущерба для защиты своих панств выставить в поле 2 тыс. воинов и 40 боевых возов¹⁸. Думается, что в случае необходимости это число могло быть увеличено. Численность войск остальных католических панов можно оценить

¹⁷ См.: Stare letopisy ceske z Vratislavskeho rukopisu.

¹⁸ См.: Čornej P. Lipanska křižovatka. Příčiny, průběh a historicky význam jedné bitvy. Praha, 1992. S. 185–187.

примерно в 4–5 тыс. человек. Утраквисты располагали меньшими силами.

Сразу после образования союзов начались военные столкновения между католическими панами и утраквистскими. В хрониках того времени под 1446–1448 гг. нередки упоминания о нападениях на города и замки.

Пан из Рожмберка весной 1444 г. осадил и взял штурмом Прахатицы, королевский город. Грабежа в городе не было, и Прахатицы вошли в состав рожмберкских владений¹⁹. Никаких ответных действий не последовало, что указывает на крайнюю слабость центрального правительства.

Паны-католики упрочили свое положение и в Пльзеньском крае. В 1445 г. отряды панов из Коловрат и пана из Швамберка заняли область, собрали сейм, на котором вместо пана Гинека из Кумбурга были избраны гетманами пан Януш из Коловрат, пан из Швамберка и пан Буриан²⁰. Таким образом, Пльзеньский край перешел под контроль католического союза.

Рыцари Вратислав и Геральт осадил и взяли крепость Слуп, затем передали ее пану из Смирницы²¹.

Утраквисты в долгу не оставались. Пан Птачек занял город и замок Белков, принадлежавший пану Менхарту. Пан Голицкий взял крепость Йидашку²².

Причем, некоторые шляхтичи не принадлежали ни к одному из союзов, а просто стремились поправить путем грабежа свои дела или свести счеты с недругом. Так, некий Свойша (остается открытым вопрос: принадлежал ли он к шляхте?) захватил замок Вилштейн, принадлежавший Збынко из Косово, взял там богатую добычу. Неизвестными была сожжена крепость, принадлежавшая пану Птачеку²³.

Интересно, как повели себя в этих условиях некоторые моравские паны. Продолжая «традицию», которую заложили в конце XIV – начале XV вв. пан Ян Сокол из Ламберка, пан Сигизмунд Кржижановский, пан Гинек Худой Черт из Кунштата, моравские паны Бенеш из Босковца и Пертольд из Липего вторглись с целью грабежа в Австрию, где «много шкод людям учинили»²⁴. Австрийцы жаловались на их действия, но, как и в начале века, их жалобы остались без ответа.

Если проанализировать боевые действия 1444–1448 гг., можно прийти к выводу что никакого общего плана действий не было. Каждый пан действовал на свой страх и риск. Едва ли не единственным эпизодом, когда паны из одного союза сотрудничали друг с другом,

¹⁹ См.: Stare letopisy ceske z Vratislavskeho rukopisu.

²⁰ См.: Ibidem.

²¹ См.: Ibidem.

²² См.: Ibidem.

²³ См.: Ibidem.

²⁴ Ibidem.

стал захват Пльзеньского края. Остальные действия носят хаотичный характер. Если в военной сфере паны-католики одерживали верх, то в политической преобладании получили утраквисты. Пан Иржи из Подебрад встречался с королевой Барбарой, вдовой короля Сигизмунда, и получил от нее право защищать ее земли, управлять ее городами²⁵. Первое, что сделал пан Иржи из Подебрад в качестве чемпиона королевы, – заменил коншелов в подконтрольных городах. После этого он не стал размениваться на мелкие уколы с католиками, а, собрав своих панов, рыцарей и земанов, в сентябре 1448 г. занял Прагу²⁶. Из числа пражских коншелов были удалены сторонники католической партии.

Пан Ольдржих из Рожмберка, как только узнал про захват Праги, начал собирать войска. Ему оказали поддержку почти все паны католического союза. Осенью 1448 – весной 1449 гг. в центральной Чехии произошло несколько сражений, победа в которых досталась пану Иржи из Подебрад²⁷, пан Ольдржих из Рожмберка вынужден был отступить. Пан Иржи из Подебрад с этого момента фактически стал правителем королевства. Думается, именно успех в противостоянии конца 1440-х гг. позволил ему получить поддержку чешских панов и добиться сначала избрания регентом, а затем и королем.

²⁵ См.: Stare letopisy ceske z Vratislavskeho rukopisu.

²⁶ См.: Ibidem.

²⁷ См.: Ibidem.

Е. Н. Многолетняя (Саратов)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РЕПЕРТУАРЕ РАННЕГО ЧЕШСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Первой печатной книгой, изданной в чешских землях, считается «Троянская хроника» – средневековая развлекательная повесть с псевдоантичной сюжетикой итальянского автора Гвидо де Колумна, переведенная на чешский язык. Хроника – одно из выдающихся произведений древнечешской литературы, восходит к латинскому оригиналу – поэме XII в. Бенуа де Сент Мора «Роман о Трое», появившемуся во Франции в первой редакции во второй половине XII в. (1155–1160 гг.). В 1287 г. итальянец Гвидо де Колумна составил свою латинскую версию этого произведения под названием «История разрушения Трои». Собственно, Троянская война здесь дополнена рассказом о плавании аргонавтов за золотым руном и изложением судеб героев после их возвращения с войны¹. Много места в романе Гвидо уделено описанию любовных коллизий: повествуется о любви Медеи и Язона, Париса и Елены, о внезапно вспыхнувшей страсти Ахилла к юной дочери Приама Поликсене, о ветреной красавице Брисеиде. Ослабляя или совсем отбрасывая мифологический элемент рассказа, Гвидо вносит в произведение ряд черт социального строя, идеологии и быта высших слоев современного ему общества. Такая подмена античного мира современным в глазах тогдашнего читателя только усиливала историческую правдоподобность произведения и тем самым наделяла историческую повесть чертами политической публицистики.

Произведение приобрело большую популярность в средневековой Европе и славянских литературах под названием «Троянских историй» или «Троянских сказаний». В латинской редакции она получила известность в Польше в XV веке².

В Чехии особую известность памятник приобрел в канун и в годы гуситского движения. Списки, сохранившиеся от этих десятилетий, свидетельствуют о популярности «Троянской хроники» в среде чешских читателей конца XIV – начала XV вв., преимущественно из среды мелкопоместного дворянства и горожан. За XV в. нам известно, по меньшей мере, четыре рукописных списка «Троянской хроники» – 1437, 1442, 1467 и 1468 годов. В приписке к списку 1437 г., например, указывалось: «...завершены эти книги по приказу славного и доблестного рыцаря пана Вацлава из Баштка, прежде всего, ко славе Божьей и

¹ См.: *Výbor z české literatury od počátků po dobu Husovu*. Praha, 1957. S. 561.

² См.: *Мыльников А. С.* Где и когда началось славянское книгопечатание // Книга: Исследование и материалы. М., 1967. Вып. 4. С. 128.

к чести и пользе людей рыцарского звания земли чешской, чтобы, читая или слушая ее, научились славным и храбрым поступкам рыцарским для защиты закона Божьего и своей родины чешской, бедных и честных людей от насильников»³.

Как видно, в глазах современников бурных событий XV в. «Троянская хроника» приобретает морализирующее значение, а выдвинутое в приписке требование – по примеру троянцев «защищать закон божий и свою родину чешскую» – сближалось с боевыми лозунгами таборитов, за несколько лет перед тем повергавших в страх феодально-католическую Европу. Но и с окончанием гуситских войн современники не могли не воспринимать с особым чувством те эпизоды, которые повествовали о верности долгу, где говорилось, как пала от предательства «великая Троя». «Троянская хроника» была любимым чтением и во время гуситского движения. Читательский интерес к ней пережил его, и она осталась актуальной и в последующий период чешской истории вплоть до XIX века⁴. Нам известны два ранних издания «Троянской хроники» – 1468 и 1487 годов.

Первое чешское печатное издание «Троянской хроники», как и некоторые другие первопечатные книги, сохранившиеся до нашего времени, не содержит сведений о месте издания, владельце типографии и даже времени выхода в свет. Споры по этим вопросам не утихали несколько столетий. Анализируя итоги почти 200-летнего ее изучения, чешский библиограф Ф. Горак отмечал, что «проблема ее возникновения является не менее сложной, чем вопрос о первопечатных книгах Гуттенберга или о печатных московских книгах, вышедших до Ивана Федорова»⁵. Прежде всего, был найден ответ на вопрос о месте издания «Троянской хроники». Сегодня считается общепризнанным, что она была напечатана в Пльзене. Й. Добровский (чешский филолог, историк и просветитель, одна из важнейших фигур Чешского Национального Возрождения) в качестве одного из возможных мест называл Прагу⁶.

По вопросу о чешском первопечатнике нет единого мнения. Й. Добровский и поддержавший его К. Р. Унгар (директор Пражской университетской библиотеки) указывали на многочисленные погрешности чешского языка и полагали, что «Троянская хроника» была изготовлена кем-то из заезжих типографов⁷. Эта точка зрения не полу-

³ *Straka A. Nástindějin české slovesnosti v obdobích před rozkladem feudalismu. Praha, 1955. D. I. S. 85.*

⁴ См.: *Výbor z české literatury od počátků po dobu Husovu. S. 561.*

⁵ *Горак Ф. К истории чешского книгопечатания / пер. с чешск. Т. А. Мыльниковой // Книга: исследования и материалы. М., 1960. Вып. 2. С. 275–285.*

⁶ См.: *Dobrovsky J. Überdie Einführung und Verbreitung der Buchdruckerkunst in Böhmen. Prag, 1782. // Urbankova E. Prameny a literatura k počátkům českého knihtisku. Sv. I/I. Praha, 1986. S. 203.*

⁷ См.: *Dobrovsky J. Überdie Einführung und Verbreitung der Buchdruckerkunst in Böhmen. S. 209.*

чила, однако, подтверждения в дальнейшем. Анализ шрифта «Троянской хроники» показал, что аналогичный шрифт не использовался в зарубежных типографиях. Между тем, сходство литер с предшествующей рукописной традицией и с рядом вышедших позднее инкунабул не подлежит сомнению⁸. Это позволяет говорить о том, что «Троянская хроника» напечатана типографом, который жил и работал в Чехии и был тесно связан с традицией национальной культуры.

Наиболее спорным оказался вопрос о дате выхода в свет этого издания. Научный спор по данному вопросу начался в конце XVIII в. – в эпоху Чешского Национального Возрождения. По традиции хронику датируют 1468 годом. Некоторые исследователи высказывались в пользу отнесения даты издания на более позднее время. К ним принадлежал и Й. Добровский, который датирует «Троянскую хронику» 1476 годом⁹.

Такая ситуация возникла ввиду того, что в рукописном варианте существует экземпляр хроники, датированный также 1468 г., который, по мнению некоторых исследователей, и служил наборным оригиналом для издания и, следовательно, печатное издание должно было выйти несколько позднее. Такими же доводами руководствовался К. Р. Унгар, полагавший, что дата «1468 г.» взята из рукописи, а сама книга «Троянская хроника» издана несколько позже первопечатной чешской книги «Новый завет», помеченной 1475 годом¹⁰.

Чешский филолог и поэт, деятель Чешского Национального Возрождения В. Ганка попытался оспорить мнение Й. Добровского и Р. Унгара. Он датировал «Троянскую хронику» 1468 годом. Ганка полностью отвергает предположение о более поздней начальной дате книгопечатания в Чехии¹¹.

Впоследствии еще один выдающийся чешский и словацкий славист и общественный деятель П. Й. Шафарик присоединился к точке зрения Й. Добровского и датировал «Троянскую хронику» 1476 годом¹². Й. Юнгман поддержал мнение В. Ганки и спор об установлении года выхода в свет этого произведения счел напрасным¹³.

В XX в. спор по данному вопросу продолжился. Историк и сотрудник библиотеки З. Тоболка приступил к сравнению печатных экземпляров «Троянской хроники» с Осецкой рукописью как предполагаемым оригиналом. Он пришел к выводу, что рукопись не является ни оригиналом, ни даже образцом, а возникла совершенно независимо от

⁸ См.: Мильников А. С. Чешская книга. Очерки истории. М., 1971. С. 27.

⁹ См.: Dobrovsky J. Geschichte der böhmischen Sprache und ältern Literatur. 2 Ganzum gearbeitete Auflage. Prag, 1818. S. 309–314.

¹⁰ См.: Ungar K. R. Neue Beiträge zur alten Geschichte der Buchdruckerkunst in Böhmen // Urbankova E. Prameny a literatura k počátkům českého knihtisku. Sv. I/I. S. 284–335.

¹¹ См.: Hanka V. Prvotiskčeský a prvotiskpolský // Ibid. S. 422–446.

¹² См.: Safarik P. J. Geschichte der slawischen Sprachen und Literaturnachallen Mundarten // Ibid. S. 404.

¹³ См.: Jungmann J. Historie literatury české. Praha, 1825. S. 49–50.

печатного текста. Свое предположение он обосновывает наличием грамматических отступлений, различным употреблением прописных и строчных букв, сокращений и знаков препинаний¹⁴.

Выводы З. Тоболки встретили возражение Э. Урбанковой, склонявшейся к мнению Й. Добровского, что «Троянская хроника» не могла быть издана в 1468 году. Она вновь сравнивает рукописный и печатный экземпляры и приходит к заключению, что образцом для набора инкунабул служила Осецкая рукопись, поэтому нельзя 1468 год, который мы читаем в заключительных строках, считать годом печатания. Помимо чисто технических и палеографических аргументов Э. Урбанкова выдвигает довод исторического порядка. По ее мнению, 1468 г. был «неблагоприятным» для начала чешского книгопечатания из-за внутри- и внешнеполитических трудностей, которые переживало тогда правительство чешского короля Иржи из Подебрад. Признавая «Троянскую хронику» первой чешской инкунабулой, Э. Урбанкова склонна датировать ее появление началом 70-х гг. XV века¹⁵.

Однако довод, высказанный Э. Урбанковой, на наш взгляд, был бы вполне убедительным, если бы речь шла о создании государственной типографии в Праге. Поскольку же издание «Троянской хроники» приписывается печатнику, действовавшему в Пльзене в качестве частного лица, нет сколько-нибудь веских оснований для отрицания возможности выпуска «Троянской хроники» до 1471 г. (т. е. после установления правления в Чехии династии Ягеллонов).

Чешский славист И. Даньгелка по этому поводу высказал следующее соображение: «Это сочинение [«Троянская хроника» – Е. М.] было <...> политически актуально, и поразительно, что его актуальность вновь проявилась в конце 60-х гг., в бурный период правления Иржи, как о том говорит доктор Э. Урбанкова. Не было, конечно, случайным, что в 1468 г. завершен новый список (упомянутая музейная рукопись, так называемая Осецкая), а в 1469 г. – следующий список, клементинский, интересный тем, что текст датировки в нем исправлен; каждое новое исправление текста служит подтверждением живого интереса к сочинению <...> И если 1468 г. нельзя принять по соображениям более или менее технического порядка, то можно остановиться на 1468–1471 гг., в течение которых «Троянская хроника» могла не только выйти в свет, но и когда ее издание при той ситуации было мотивировано ее актуальностью»¹⁶.

В результате дискуссии исследователи остановились на 1468 г., который упоминается в заключительной части «Троянской хроники»

¹⁴ См.: *Tobolka Z.* Česky slovník bibliografický. Praha, 1910. T. I: Česke prvotisky. S. 6–9; *idem.* Dějiny česko slovenského knihtisku v době nejstarší. V Praze, 1930. S. 8.

¹⁵ См.: *Urbankova E.* K počátkům českého knihtisku // *Věstník Královské české společnosti nauk. Třída filosoficko-filologická.* 1952. Praha, 1953. IV. S. 16.

¹⁶ *Danhelka J.* K první české tištěné knize // *Dar přátelství.* Olomouc, 1956. S. 24–26.

(«...и что от Рождества Христова начинаем 1468 год»). Эта дата по традиции считается годом начала чешского книгопечатания. Она вошла в большинство трудов по истории книги и в литературу по истории Чехии¹⁷.

Важно отметить, что первая чешская инкунабула оказалась светского содержания. Для изучения чешской культуры факт издания «Троянской хроники» знаменателен, ее популярность позволяет говорить о широком распространении грамотности и чешского языка, о том, что чтение становится повседневным занятием в бюргерской и рыцарской среде. Отмеченное явление стало одним из последствий гуситского движения, давшего толчок распространению грамотности среди чешского дворянства и широких слоев бюргерства. Лучшим свидетельством этого явилось то, что первой созданной типографским способом книгой стало произведение занимательной литературы.

В инкунабульный период в Чехии были изданы и другие произведения художественной литературы.

Среди первопечатных книг был представлен жанр хроники¹⁸. Ему полностью отвечала чешская первопечатная версия хроники поляка-доминиканца Мартина Полона (XIII в.), посвященная истории папства и императоров. Она была переведена с немецкой версии Якоба Твингера фон Кёнигсхофера («заморского рыцаря») в 1400 г. Бенишем из Хоржовиц и получила название «Мартимиани». Издал ее Ян Камп в Праге (1488 г.)¹⁹.

Еще одной хроникой, изданной в инкунабульный период, является «Венгерская хроника» Яна Туроци, венгерского теолога, историка и юриста, изданная в Брно (1488 г.)²⁰. Она предназначалась для распространения в Венгрии, о чем свидетельствует посвящение Матиашу Корвину, и была там очень популярной.

Жанр путешествий был представлен сочинением Бернарда Брейденбаха, декана Майнцкого собора в 1483–1484 г., совершившего паломничество в Палестину, «Паломничество в Святую землю». Оно было использовано для двух чешских первопечатных книг с услов-

¹⁷ См.: Přehled česko slovenských dějin. Praha, 1958. D. I. S. 296; История Чехословакии / под ред. Г. Э. Санчука, Н. Н. Третьякова. М., 1956. Т. 1.

¹⁸ В чешской средневековой литературе термин «хроника» использовался как для названия историко-географических сочинений, так и для забавных поэтических повествований. В подобном значении использовался термин «история».

¹⁹ См.: Knihopis česko slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. století. Díl I. Prvotisky (do r. 1500). Text, Tabule. V Praze: Vydala Komise pro knihopisný soupis česko slovenských tisků až do konce XVIII. století, 1925. (Vytiskla Státní tiskárna v Praze). Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. století. Díl II. Tisky z let 1501–1800. Část I–IX. Praha. 1939–1967. Knihopis. Č. 22. (Ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания).

²⁰ См.: *Dokoupil V. Počátky brněnského knihtisku: prvotisky.* Brno, 1974. S. 71.

ными названиями «Трактат о Святой Земле» (1498 г.)²¹ и «Жизнь Магомеда» (1498 г.)²², изданных в пльзенской типографии Микулаша Бакаларжа.

Сочинение Брейденбаха в оригинале, на латинском языке, было издано десятком лет раньше, в 1486 г., в Майнце. Эти путевые заметки, которые автор издал после своего возвращения, стали очень популярными в Европе и были переведены на французский, испанский и немецкий языки²³. Книга Брейденбаха, в отличие от ранее выпускавшихся книг о путешествиях, содержит много личных наблюдений – это рассказы автора о собственных впечатлениях, о сведениях, почерпнутых им в пути, а также подробное описание природы, нравов и обычаев населения, этнических типов и костюмов, архитектуры городов и особенностей быта²⁴. «Трактат о Святой земле» был первым печатным описанием путешествия на чешском языке.

«Жизнь Магомеда» открыла в чешском книгопечатании целый ряд произведений на «турецкую» тематику, которую иногда называют антитурецкой. Они будут изданы, главным образом, в следующем веке. Появление этого рода литературы было связано с долговременной турецкой угрозой европейским странам, а Чехия в силу своего географического положения оказалась в числе тех стран, которые непосредственно противостояли турецкому продвижению.

Тенденции к беллетризации чешской литературы нашли свое выражение в жанре басен. Первопечатный вариант басен вышел в Праге из типографии Яна Кампа в 1488 году²⁵. Вероятно, был использован более ранний вариант чешского перевода басен, приписываемых Эзопу²⁶. Этот жанр литературы будет долгое время присутствовать в чешской книжной продукции.

Еще одним жанром чешской первопечатной книги оказалась сатира. Она представляет собой результат критически насмешливого отношения автора к действительности и проявляется в разных формах. Среди чешской книжной продукции инкунабульного периода доминировала сатира в форме спора. Это было сочинение неизвестного чешского автора «Конюх и студент» (1498 г.)²⁷, изданное в Пльзне у Микулаша Бакаларжа. Автор показал социальную приниженность и зависимость панской прислуги и студенчества. Эти социальные явле-

²¹ См.: *Knihopis*. Č. 4.

²² См.: *Ibid.* Č. 5.

²³ См.: *Pauliny J. Nejstarší česka tlač o prorokovi Mahomedovi a jeho uceni // Mikuláš Bakalár Štetina: Štúdie a materiály o živote a diele slovenského prvotlačiaru v Plzni*. Bratislava, 1966. S. 112.

²⁴ См.: *Нессельштраус Ц. Г.* Немецкая первопечатная книга. Декорировка и иллюстрация. СПб., 2000. С. 179.

²⁵ См.: *Knihopis*. Č. 1.

²⁶ См.: *Kopecký M. Daniel Adam z Veveslavina*. Praha, 1962. S. 84–85.

²⁷ См.: *Knihopis*. Č. 19; *Dějiny české literatury*. D. I. Starší česká literatura. Praha, 1959. S. 145.

ния существовали и в 1400 г., когда была написана сатира, и позже, когда она издавалась. Вероятно поэтому спор конюха и студента, полный динамики и метких характеристик, был избран для издания. Его литературно-историческое значение усиливается идейной и художественной оригинальностью произведения. Сатира «Конюх и студент» была очень популярна у чешского читателя.

К жанру сатиры можно отнести две книги, которые издал М. Прейнлейн в Оломоуце в 1499 году. Это латинские сатирические жалобы Иоганнеса Фабри «Плач разоренной церкви» (1499–1500 гг.)²⁸ и шуточные речи Иоганнеса Шрама «Невероятные разговоры» (1500 г.)²⁹.

К художественной литературе можно отнести также сочинения, которые первоначально вдохновлялись оригиналами религиозных источников. Стремление домыслить предание о «первых людях» привело к написанию многих сочинений. Из них латинская версия «жизни Адама и Евы» оказала влияние на самостоятельную чешскую рукописную, а позже – печатную версию религиозного рассказа «Жизнь Адама и Евы» (1498 г.)³⁰, которую издал в Пльзне Микулаш Бакаларж. К этой же группе изданий, вдохновляемых некогда религиозными источниками, принадлежит также брненская первопечатная книга «Сновидения Даниила» (1495 г.)³¹.

В последующий период чешского книгопечатания, в первой половине XVI в., литература для домашнего чтения характеризовалась доступностью сюжета, занимательностью, а подчас и завораживающей фантастикой волшебной сказки. Оставив в стороне большинство классических произведений Античности и Средневековья с их сложной фабулой, издатели XVI в. остановили свой выбор на сборниках коротких басен, притч и всевозможных забавных историй, а также на некоторых особенно популярных античных и средневековых романах.

К первой группе принадлежат выдержавшие рекордное число изданий «Басни Эзопа» и притчи о «Семи римских мудрецах»³². Последнее издание впервые в переводе на чешский язык появилось в 1501 г. у Микулаша Бакаларжа в Пльзне. В его основе – древняя индийская легенда, получившая широкое распространение в Европе с XII в. в переводе на латинский и греческий языки, а также на национальные языки. Книга чрезвычайно редкая: в «Библиографии чешских и словацких изданий» зарегистрировано всего два сохранившихся экземпляра, один из которых принадлежит Музею книги в Праге, другой – РГБ³³.

²⁸ См.: *Bohatcová M.* Česká kniha v proměnách staletí. Praha, 1990. S. 139.

²⁹ См.: *Ibid.* S. 140.

³⁰ См.: *Knihopis. Č. 31; Kopecký M.* Daniel Adam z Veleslavina. S. 85; *Dějiny české literatury. D. I. S. 135.*

³¹ См.: *Dokoupil V.* Počátky brněnského knihtisku. Prvotisky. S. 93.

³² См.: *Knihopis. Č. 4462.*

³³ Книжные сокровища Российской Государственной Библиотеки. Вып. 5. Зарубежная книга XV – первой половины XX века. Каталог. М., 2001. С. 82.

Издававшиеся романы представляют собой пеструю смесь рассказов о любви, войнах, подвигах и необычных приключениях, почерпнутых из античной литературы и истории. Типичный пример – «Роман об Александре Македонском» (1513 г.)³⁴, изданный в Пльзне у Микулаша Бакаларжа.

Литература для повседневного чтения пополнялась переведенными на чешский язык сочинениями итальянских гуманистов. В число установленных нами изданий вошли три сочинения Дж. Боккаччо: «Филиппа Бериальда, история о несчастной любви двух влюбленных» (1507 г.)³⁵ и «Хроника о Симоне Глупом» (1509 г.)³⁶ – изданы у Микулаша Конача из Годишково, «История Флорио и Бианчефлоры» (1519 г.)³⁷ – издана в типографии Яна Шмерховского. Немного раньше в 1501 г. были изданы «Две книги о врачевании счастья и несчастья» Ф. Петрарки – трактат, переведенный чешским гуманистом Ржегоржем Грубым из Елени и изданный в Севериновской типографии³⁸.

В Пльзне у Микулаша Бакаларжа был издан чешский перевод индийского романа «Варлаам» (1504 и 1512 гг.)³⁹.

Очень популярным в XV–XVI вв. стал жанр описания путешествий. Динамизм людей новой эпохи, их реальный интерес к окружающему и далекому миру, взаимосвязи человека и природно-географической среды, многообразию и полноте жизни непосредственным образом отразились в жанре описания путешествий. Было издано сочинение врача и путешественника Иоханна де Мандевилле «Книга о его странствиях по свету, земле и по морю»⁴⁰ (1510 и 1513 гг.) в типографии Микулаша Бакаларжа в Пльзне.

Во второй половине XVI в. издавалась литература для повседневного чтения (называемая в чешских работах забавной литературой). Она включала самые разнообразные сочинения рыцарской эпической поэзии XIV века⁴¹. Можно выделить следующие названия: «Хроника о Штильфриде и Брунцвике»⁴², «Хроника об императоре Юлиане (?)»⁴³, чешская «Хроника о Яне Жижке»⁴⁴, «Хроника о фее Мелюзине»⁴⁵, «Хроника о Аполлонии Турском»⁴⁶.

³⁴ См.: Knihopis. Č. 4434.

³⁵ См.: Ibid. Č. 1190.

³⁶ См.: Ibid. Č. 1191.

³⁷ См.: Ibid. Č. 1195.

³⁸ См.: Horak F. Pět století českého knihtisku. Praha, 1968. S. 50; Bohatcová M. Česká kniha v proměnách staletí. S. 193.

³⁹ См.: Knihopis. Č. 954, 955.

⁴⁰ См.: Ibid. Č. 5167, 5168.

⁴¹ См.: Dějiny české literatury. D. I. S. 304, 352.

⁴² См.: Knihopis. Č. 4498 (в типографии Яна Гюнтера 1565 г.).

⁴³ См.: Ibid. Č. 4473 (в типографии Кашпара Аргуса 1560 г.). Č. 4459 (в типографии Иржи Мелантриха 2-ая половина XVI в.).

⁴⁴ См.: Ibid. Č. 4469 (в Праге, вторая половина XVI в.).

⁴⁵ См.: Ibid. Č. 3516; Dějiny české literatury. D. I. S. 362.

⁴⁶ См.: Ibid. Č. 4438 (в Праге у Иржи Нигрина, 1605 г.).

О популярности этих произведений у чешского читателя свидетельствует список книг книжного склада, принадлежавшего Оломоуцкому издателю Яну Оливетскому, относящийся к периоду до 1547 года. В списке зафиксированы более ранние издания этих произведений, нежели вошедшие в «Библиографию чешских и словацких изданий»⁴⁷. Это позволяет говорить о том, что данная литературная продукция вошла в сферу книгопечатания гораздо раньше, чем было принято считать, то есть не во второй половине XVI в., а несколькими десятилетиями ранее⁴⁸.

Иржи Мелантрих – выдающийся чешский типограф XVI в. в своей типографии издавал пользовавшиеся читательским успехом повести и романы. Им была издана «Хроника о Геркулесе» (1565 г.)⁴⁹, а затем «Хроника о римском императоре...» (вторая половина XVI в.)⁵⁰. Из типографии Мелантриха выходили поэтические сборники на латинском языке. Были напечатаны комедии Теренция (1568 г.), а также два гуманистической направленности сборника авторов из окружения Бошелава Гозиштейнского из Лобковиц, которые составил Томаш Митис (1562 и 1570 гг.)⁵¹. В сотрудничестве с Сикстом из Оттерсдорфа Иржи Мелантрих издал цикл сочинений Эразма Роттердамского под общим названием «О приготовлении к смерти» (1563, 1564 гг.)⁵².

Таким образом, в репертуаре раннего чешского книгопечатания произведения художественной литературы занимали значительное место. Это были не только оригинальные чешские сочинения, но и произведений зарубежных авторов, в том числе – виднейших представителей ренессансной культуры. Эти произведения были востребованы в Чехии, о чем свидетельствует их бытование и в рукописной чешской традиции, и неоднократное последующее их переиздание.

⁴⁷ См.: *Voit P.* Moravský knihtiskprvní poloviny 16. století a jeho vztahy českým tiskárnám. // *Knihtisk v Brně a na Moravě* / red. J. Kubiček. Brno, 1987. S. 105.

⁴⁸ См.: *Ibid.* S. 105–106.

⁴⁹ См.: *Knihopis. Č. 228; Dějiny české literatury. D. I. S. 331.*

⁵⁰ См.: *Ibid. Č. 4459. Dějiny české literatury. D. I. S. 352.*

⁵¹ См.: *Bohatcová M.* Česká kniha v proměnách staletí. S. 216.

⁵² См.: *Knihopis. Č. 2356, 2357.*

Т. В. Мосолкина (Саратов)

ВЛИЯНИЕ СТРАН ВОСТОКА НА БЫТ АНГЛИЧАН В XVII ВЕКЕ

В исследованиях, посвященных отношениям Англии со странами Востока, традиционно акцент ставится либо на экономических выгодах торговли, либо на колониальной экспансии Англии. Я бы хотела немного сместить акценты и рассмотреть, как торговые и колониальные связи вносили что-то новое в повседневную жизнь англичан.

Р. Хаклюйт в посвящении к своим «Путешествиям», которое он адресовал Ф. Уолсингему, еще в конце XVI в. перечислял те страны Востока, с которыми торговала Англия – Персия, Турция, Сирия, Индия, Молуккские острова, остров Ява и даже Китай. Товары, которые поступали оттуда, многое меняли в привычном укладе жизни – питании, одежде, оформлении жилищ и даже развлечениях.

Начать можно с кухни. Значительную долю, и самую прибыльную, среди восточных товаров составляли пряности. Уже в первой четверти XVII в. ежегодно только перца потреблялось в Англии около 200 тыс. фунтов из 2,5 млн импортированных¹. Кроме перца ввозились гвоздика, корица, мускатный орех. Т. Мен, взывая к здравому смыслу англичан, писал: «...кто же так мало сведущ, что не согласится с умеренным потреблением полезных лекарств и приятных пряностей?»² И чуть ниже добавляет, что они необходимы «для сохранения здоровья или лечения болезней»³.

Действительно, из-за невозможности долгого хранения свежего мяса пряности были жизненно необходимы. По свидетельству иностранцев, англичане потребляли много мяса, преимущественно в отварном или жареном виде. Если почитать дневники англичан, то можно обнаружить, что обед практически постоянно состоит из мяса, а еще чаще ограничивается пирогом с олениной. Например, С. Пипс в сентябре 1660 г. записал: «Сегодня мистер Гудмен пригласил своего друга мистера Мура, а также меня и еще несколько человек к себе на обед, каковой имел место в «Бычьей голове» и состоял из пирога с олениной, лучшего, какой только я ел в своей жизни»⁴.

Интересно отметить, что практически никогда англичанин XVII в. не приглашал гостей «к себе» на обед домой – приглашенные шли

¹ См.: Кудрявцев А. Е. Ост-Индская проблема в Англии XVII века // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1938. Т. XI. С. 33.

² Purchas S. Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes: in 20 vols. Glasgow, 1905–1907. Vol. V. P. 265. Далее: Purchas his Pilgrimes.

³ Ibidem.

⁴ Пипс С. Домой, ужинать и в постель. Из дневника. М., 2001. С. 137–138.

в одну из таверн. Скорее всего, этот обычай возник в связи с тем, что в XVII в. приготовить обед дома было крайне затруднительно из-за нехватки топлива. В любом случае, мяса потреблялось много. Поскольку продавалось оно большими кусками, иногда даже «тушами», то хозяйки после покупки засаливали мясо, и в таком виде оно хранилось несколько дней до употребления. И даже зажиточные слои зимой питались солониной. Тот же Пипс в дневнике отмечал, что, вернувшись домой, он получил от своей жены «кусочек солонины» – подарок от супруги его покровителя лорда Монтегю⁵. Обычным делом было есть отваренный или жареный кусок мяса в течение целой недели. Поэтому понятно, что без ароматических добавок такое мясо было трудно есть. В самом начале XVIII в. Д. Дефо писал, что «в особенно жаркую погоду, когда продукты не могли храниться от воскресенья до субботы, нам приходилось выбрасывать большое количество протухшего мяса, и обеды бывали довольно скудными, поскольку торговцы не продавали маленькие куски»⁶.

Помимо пряностей страны Востока «подарили» Англии некоторые растения – фрукты и деревья. Дж. Эвелин угощал своих гостей «китайскими апельсинами», снятыми с его собственного дерева⁷, а его сосед м-р Бохун показал ему чинару, или платан, и сказал, что такие деревья растут вокруг города Испахан в Персии⁸.

В XVII столетии в Англии появились новые напитки – кофе, шоколад и чай. Хотя мы привыкли к тому, что англичане предпочитают чай, но он стал популярен в стране не раньше XVIII столетия. Объяснялось это тем, что стоимость чая долгое время была очень высокой – даже в 1700 г. фунт чая стоил не меньше 1 фунта стерлингов. Если учесть, что годовой доход семьи из средних классов составлял от 15 до 50 фунтов, то понятно, что новый напиток в это время большинству англичан был недоступен⁹. Этим же объяснялся и размах контрабандной торговли чаем. Если вспомнить произведения художественной литературы XVIII–XIX вв., то многие хозяйки прятали от прислуги баночки с чаем в закрытых на ключ шкафах.

Кофе появился в Англии примерно с середины XVII века. Дж. Эвелин писал о некоем Натаниэле Конопиусе, который в 30-е гг. «был первым, кого я видел пьющим кофе, какой обычай придет в Англию только спустя 30 лет»¹⁰.

⁵ См.: *Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. A new and complete transcription: in 3 vols / ed. by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I. P. 5.*

⁶ Цит. по: *Уоллер М. Лондон. 1700 год. Смоленск, 2003. С. 211.*

⁷ *Evelyn J. The Diary of John Evelyn: in 2 vols / ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. II. P. 137.* Далее: *Evelyn J. The Diary.*

⁸ *Ibid.* P. 185.

⁹ См.: *Уоллер М. Лондон. 1700 год. С. 226.*

¹⁰ *Evelyn J. The Diary. P. 21.*

Первая кофейня появилась в Лондоне в 1652 г. недалеко от Корнхилла¹¹. Во времена Реставрации кофейни стали центрами общественной жизни. В одном только Лондоне их было несколько сотен. Интересно, что в кофейнях пили не только кофе, но и шоколад, хотя он и не был широко распространенным напитком.

Появление кофе в Англии изменило повседневную жизнь тысяч английских горожан. Посещение кофейни организовывало распорядок дня людей разных профессий – в них не только завтракали, но и узнавали деловые новости, отдыхали, читая газеты у камина. Тем более, что дома у многих горожан было холодно. Так что женщины жаловались, что мужчины большую часть дня проводят на работу и в кофейнях, а домой приходят только ночевать.

Несмотря на то, что кофейни, в отличие от более поздних клубов, были вполне демократическими заведениями, у представителей разных слоев населения имелись свои излюбленные места. Так, представители знати предпочитали «Дерево какао», литераторы чаще собирались в кофейне рядом с Ковент-Гарден «У Уилла», духовные лица – в кофейне Треби, ученые – в «Греческой кофейне» и т. п.¹²

Помимо перечисленных товаров с Востока в Англию привозили очень большое количество разнообразных тканей – шелковых и более 60 видов хлопчатобумажных (х/б) тканей. Наибольший объем ввоза тканей пришелся на 1684 г. – 1 млн 760 тыс. кусков индийских тканей ввезла только Ост-Индская компания¹³. Благодаря дешевизне, яркости красок и узоров они быстро нашли распространение и составили серьезную конкуренцию английским шерстяным тканям. Это было одной из причин для критики Ост-Индской компании.

Т. Мен, напротив, утверждал: «Эти товары также чрезвычайно полезны, в особенности для нашего государства»¹⁴. Один из доводов в пользу этого утверждения был очень оригинальным: они «...снижают чрезмерно высокие цены на батист, голландское полотно и другие льняные ткани, которые ежегодно ввозятся в Англию на очень большие суммы»¹⁵.

Из восточных тканей шили дамские платья, занавеси, они служили для обивки мебели, комнат. В 1682 г. Дж. Эвелин отправился навестить своего соседа м-ра Бохуна, «чей дом является шкатулкой всего изящного, особенно индийского»¹⁶, а в холле японские ширмы заменяют традиционные панели.

¹¹ См.: *Акройд П.* Лондон. Биография. М., 2005. С. 370.

¹² См.: Там же. С. 371.

¹³ См.: *Chaudhury K. N.* The trading world of Asia and the English East-India Company, 1660–1760. Cambridge, 1978. P. 512.

¹⁴ Purchas his Pilgrimes. Vol. XIX. P. 265.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ *Evelyn J.* The Diary. P. 170.

В 1708 г. Д. Дефо в статье в «Еженедельном обозрении» с иронией писал: «Мы видим знатных господ, обряжающихся в индийские ткани, кои незадолго до того находили для себя вульгарными их горничные. Индийские ткани возвысились, они поднялись с пола на женские спины; из ковриков они сделались юбками, и сама королева в эти времена любила показаться одетой в Китай и Японию – я хочу сказать, в китайские шелка и ситцы. И это не все, ибо наши дома, наш кабинет, наша спальня оказались наводнены этими тканями: занавеси, подушки, стулья – вплоть до самого постельного белья – это только ситцы и индийский хлопок»¹⁷.

В XVII в. появилась мода на домашние халаты из хлопка или шелка, которые носили и мужчины, и женщины поверх платья или рубашки и панталон. С. Пипс, который следил за модой и тратил на свою одежду гораздо больше денег, чем на наряды для жены, упоминает и о такой детали своего гардероба как халат. Известный поэт Дж. Драйден изображен на портрете 1698 г. в домашнем халате. Эти халаты, или как их по-другому называли «мантии» (undress), как уже отмечалось, шили из хлопка или шелка, поэтому назывались «индийскими» мантиями. Под давлением английских сукноделов парламент стал издавать постановления, запрещающие носить х/б набивные ткани, привозившиеся из Ост-Индии, Персии или Китая. Во второй половине XVII в. парламентом был принят акт, который предписывал, чтобы умерших англичан хоронили только в английском сукне¹⁸. После этого Александр Поуп в «Моральных посланиях» написал:

«Как! Лечь в сукне? Святой бы возмутился! –
Сказал Нарцисс – и с жизнью распростился»¹⁹.

В 1700 г. в Англии был установлен запрет на любое использование привозных тканей, после чего начался долгий период борьбы с контрабандой и изъятием тканей у их обладателей. Запрет был отменен только во второй половине XVIII века.

Торговля с Востоком внесла много нового и в оформление жилищ англичан. Модным стало украшать городские дворцы и сельские усадьбы китайскими, японскими и персидскими изделиями – посудой, коврами, шкатулками, ширмами и прочим. Особенно много упоминаний об этом встречается в дневнике Дж. Эвелина, который часто описывал дома знакомых и дворцы знати. Выше уже приводилось описание дома м-ра Бохуна, который Эвелин сравнивал со шкатулкой, в которой хранится много изящных вещей из Индии и японские ширмы. В доме миледи Мордаунт была комната, «полная изображений,

¹⁷ Цит. по: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 168.

¹⁸ См.: *Тревелиан Дж. М.* Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М., 1959. С. 291.

¹⁹ Там же.

больших и малых, хорошо представляющих различные ремесла и занятия индийцев (Indians), а также их обычаи»²⁰. Обстановку в доме лорда Вуттона Эвелин оценивает как специфическую «из-за индийских шкатулок, фарфора и других более крупных предметов»²¹.

Мода на собирание восточных редкостей распространялась не только среди отдельных людей. Описывая свое посещение Оксфордского университета, Эвелин сообщает: «В кабинете башни (Tower) они показали некоторое индийское оружие, урны (возможно, кофейники или чайники – urns), лампы и др., но самым замечательным является полный Коран, написанный на длинном куске х/б ткани (calico)...»²². В мае 1664 г. он записал: «Некто Томсон, иезуит, показал мне коллекцию редкостей, отправленных иезуитами Японии и Китая в их орден в Париже, но доставленных в Лондон на кораблях Ост-Индской компании <...> Главные из них – рога носорога. Прекрасные церемониальные облачения из золотой ткани, пояса, ножи, веера, подобные тем, которые используют наши леди, но намного больше и с длинными ручками, оригинально расписанные в китайской манере, бумага и желтый янтарь, печатные пейзажи с изображением их идолов, святых, пагод, зарисовками людей и местностей, напечатанные на полосках х/б ткани...»²³.

Интерес к Востоку проявлялся и в подборе книг для чтения. С. Пипс, не только любивший читать, но и собравший довольно большую библиотеку, для которой заказывал специальные полки, в марте 1667 г. писал: «В экипаже – в Темпль, где купил пару книг; забавно, что книгу Райкотта о Турции, которую до пожара мне предлагали за 8 шиллингов, сегодня я готов купить за 20, с меня же просят 50; и я, пожалуй, эту сумму выложу – потому хотя бы, что она будет служить мне напоминанием о пожаре»²⁴. Такой рост цен, несомненно, был связан с последствиями пожара 1666 г., когда сгорели практически все книжные лавки и склады. Но можно предположить, что на книгу, которая не пользовалась спросом, вряд ли настолько подняли бы цену. Даже в театре ставили пьесы, посвященные Востоку. Так, Дж. Эвелин упоминает трагедию «Индийская королева», которую он смотрел в декабре 1664 г. и считал, что она хорошо написана и прекрасно поставлена²⁵.

Таким образом, установление прочных торговых связей со странами Востока не только принесло большие экономические выгоды Англии, но внесло существенные изменения в повседневную жизнь и быт англичан второй половины XVII века.

²⁰ *Evelyn J. The Diary.* P. 11.

²¹ *Ibid.* P. 111.

²² *Ibid.* P. 231.

²³ *Ibid.* P. 296–297.

²⁴ *Punc C. Домой, ужинать и в постель.* С. 123.

²⁵ См.: *Evelyn J. The Diary.* P. 295.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЗАПАДА: ОТ НОВОЙ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

С. М. Морозов (Саратов)

КРУГ ГРЕЙТ ТЬЮ – ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЦЕНТР АНГЛИИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА

В пасторальном уголке Англии, примерно в 16–18 милях к северо-востоку от Оксфорда, располагается деревушка Грейт Тью, которой в середине первой половины XVII столетия было суждено стать интеллектуальным центром Англии, не имевшим, по словам архиепископа Мэтью, себе аналогов со времен распада круга Т. Мора¹. Здесь на протяжении 1630-х гг. собирались как именитые, так и только начинающие литераторы, ученые, философы и теологи, которые во время долгих бесед за ужином обсуждали религиозные, литературные и философские проблемы. В продолжительных дискуссиях, которые по вечерам вели эти люди, постепенно выкристаллизовывались идеи, предвосхитившие или сформировавшие важные интеллектуальные течения последующих десятилетий. В частности, именно в Грейт Тью были найдены основные положения английского конституционного роялизма², важнейшие элементы латитудинарианства, впоследствии акцептированные группой кембриджских неоплатоников³, а также именно здесь проходило интенсивное обсуждение и адаптация теории Гуго Гроция о договорном происхождении общества и государства к английским реалиям, в результате чего возникали новые теории договора.

Конституирующим стержнем круга стал молодой Люциус Кери, второй виконт Фолклэнд, в доме которого примерно с 1632 г. и проходили упомянутые встречи. Сам он не был интеллектуальным лидером круга (хотя и являлся одним из наиболее заметных его представите-

¹ См.: *Harris R. W.* Clarendon and the English Revolution. Stanford, 1983. P. 12.

² См.: *Smith D. L.* Constitutional royalism and the search for settlement, c. 1640–1649. Cambridge, 2002. P. 318.

³ См.: *George E. A.* Seventeenth century men of latitude: Forerunners of the new theology. N. Y., 1908; *Roberts J. D.* From Puritanism to Platonism in Seventeenth Century England. The Hague, 1968. P. 40, 228; *Müller P.* Latitudinarianism and Didacticism in Eighteenth Century Literature: Moral Theology in Fielding, Sterne, and Goldsmith. Münster, 2007. P. 17–19; *Griffin M. I. J.* Latitudinarianism in the Seventeenth-Century Church of England. Leiden, 1992. P. 89–104.

лей), однако лишь благодаря его гостеприимству и любознательности существование круга стало возможным.

Он был сыном Генри Кери, получившего в 1620 г. стараниями герцога Бекингема титул виконта Фолклэнда, а два года спустя назначенного наместником Ирландии (1622–1629). Матерью Люциуса была выдающаяся женщина Элизабет Кери (урожденная Тэнфилд), интеллектуалка, полиглот, переводчица и драматург, от которой Люциус унаследовал интерес к литературе, впоследствии в немалой степени повлиявший на его жизнь⁴.

Все то время, пока его отец служил в Ирландии, Люциус провел вместе с ним. В 1625 г. он унаследовал поместье своего деда по материнской линии, куда переселился в 1629 г., в возрасте 19 лет⁵. В 1631 г. он женился на Летиции Морисон⁶. Из-за этого брака рассорился со своим отцом, отказался от всех карьерных возможностей и даже уехал вместе с женой в Голландию, где планировал начать жизнь наемника, однако вскоре (в 1632 г.) вернулся обратно, желая посвятить себя интеллектуальным занятиям⁷. В следующем году Генри Кери скончался, и Люциус унаследовал его титул и владения, оцениваемые в 57 тыс. ф. и дававшие ежегодный доход в 2700 фунтов⁸.

В это время и возникает Грейт Тью с его удивительной организацией. Это был своего рода форум для обмена идеями. Любой джентльмен был желанным гостем в этом доме, и, как вспоминал Э. Хайд, близкий друг Фолклэнда и частый гость в его доме, хозяин сам никогда не знал, кто навестит его в течение дня⁹. Соответственно и в самом доме поддерживалась абсолютная свобода дискуссии: любой из присутствующих, не взирая на свой ранг или статус, мог высказать свое мнение по обсуждаемому вопросу.

Значительную долю участников встреч в Грейт Тью составляли теологи и священники. Центром притяжения этой группы стала фигура выдающегося богослова Уильяма Чиллингворта, близкого друга Фолклэнда, проживавшего в его поместье месяцами¹⁰. Последователь Ричарда Хукера, он радикально переосмыслил его теологию и пришел

⁴ О литературных достижениях Элизабет Кери см.: *Lewalski B. K. Writing Women in Jacobean England*. Harvard, 1993. P. 179–212; *Howard S. The politics of courtly dancing in early modern England*. Amherst, 1998. P. 93–109; *The Literary Career and Legacy of Elizabeth Cary, 1613–1680* / ed. by H. Wolfe. N. Y., 2007.

⁵ См.: *Marriott J. A. R. The life and times of Lucius Cary, Viscount Falkland*. N. Y.; L., 1907. P. 52, 66; *Smith D. L. Constitutional royalism and the search for settlement*. P. 54.

⁶ См.: *Marriott J. A. R. The life and times of Lucius Cary, Viscount Falkland*. P. 67.

⁷ См.: *Ibid.* P. 71.

⁸ См.: *Smith D. L. Constitutional royalism and the search for settlement*. P. 55.

⁹ См.: *Clarendon E. H. The Life of Edward Earl of Clarendon, a Lord High Chancellor of England, and Chancellor of the University of Oxford: in 3 vols. V. 1*. Dublin, 1759. P. 42–43.

¹⁰ См.: *Ibidem.*

к латитудинарианскому тезису о том, что доктринальные различия в христианской религии маловажны в вопросах веры и не могут быть причиной для раздоров и тем более войны¹¹. Среди его единомышленников и последователей, время от времени проводивших вечера в Грейт Тью, следует упомянуть Джона Холса (1584–1656), Гилберта Шелдона (1598–1677), Джорджа Эглионби (1603–1643), Томаса Барлоу (1607–1691), Джона Ирла (1601–1665), Джорджа Морли (1597–1684) и Генри Хаммонда (1605–1660)¹². Некоторые из них впоследствии заняли высокие посты в англиканской церкви. Так, Г. Шелдон стал архиепископом Кентерберийским; Т. Барлоу – епископом Линкольнским; в 1660 г. Г. Хаммонд был назначен епископом Вустерским, но скончался прежде, чем успел вступить на этот пост, который в итоге достался Дж. Морли, ставшему через два года епископом Винчестерским; в том же году, когда Дж. Морли оставил пост епископа в Вустере, его занял Дж. Ирл, который позднее был назначен епископом Солсберийским¹³.

На состав посетителей Грейт Тью повлияли и любовь Люциуса к литературе. Он был восхищенным почитателем таланта Бена Джонсона¹⁴, и это восхищение привело в его поместье как самого придворного драматурга, так и широкий круг его литературных последователей. Сам Джонсон лишь изредка приезжал в дом Фолклэнда, но члены «племени Бена», как называл себя круг почитателей его таланта, стали навещать в Грейт Тью регулярно¹⁵. Приезжали туда и другие литераторы: Сидни Годольфин (1610–1643), Джон Саклинг (1609–1642), Эдмунд Уоллер (1606–1687), Джордж Сэндис (1577–1644), Исаак Уолтон (1594–1683)¹⁶. Также с кругом Фолклэнда контактировали такие люди, как антиквар Джон Селден (1584–1654), философы Роберт

¹¹ См.: *Roberts J. D.* From Puritanism to Platonism in Seventeenth Century England. P. 40.

¹² См.: *Clarendon E. H.* The Life of Edward Earl of Clarendon. V. 1. P. 42–44, 49–59.

¹³ См.: *Packer J. W.* The Transformation of Anglicanism, 1643–1660: With Special Reference to Henry Hammond. Manchester, 1969. P. 43–44; *Beiser F. C.* The Sovereignty of Reason: The Defense of Rationality in the Early English Enlightenment. Princeton, 2014. P. 85.

¹⁴ Люциус Кери написал в честь Бена Джонсона оду «Послание к благородному отцу, мистеру Джонсону», в которой провозгласил его бессмертным, «живущим до тех пор, покуда жив язык наш», а также он написал «Эклогу на смерть Бена Джонсона». См.: *Ben Jonson: The Critical Heritage* / ed. by D. H. Craig. Cambridge, 1996. P. 151–152, 181–184.

¹⁵ См.: *Clarendon E. H.* The Life of Edward Earl of Clarendon. V. 1. P. 41–42.

¹⁶ См.: *Ibid.* P. 46–47; *Aubrey J.* «Brief Lives», chiefly of Contemporaries, set down by John Aubrey, between the Years 1669 & 1696 / ed. by A. Clark: in 2 vols. V. 1. Oxford, 1898. P. 151; *Beiser F. C.* The Sovereignty of Reason. P. 84; *Martinich A. P.* Hobbes: A Biography. Cambridge, 2007. P. 103; *Rosenthal A. S.* Crown under Law: Richard Hooker, John Locke, and the Ascent of Modern Constitutionalism. Lexington, 2008. P. 149.

Пейн (1596–1651), Томас Гоббс (1588–1679) и уже упомянутый юрист Эдвард Хайд (1609–1674)¹⁷.

Как точно заметил Ричард Так, в Грейт Тью сошлись два прежде практически не пересекавшихся¹⁸ интеллектуальных круга: круг людей, прямо или опосредованно связанных со двором, и круг богословов¹⁹. В результате такого синтеза в Грейт Тью возникли предпосылки для формирования религиозно-политических теорий²⁰. Вероятно, первый вариант политической теории Гоббса, изложенный в «Элементах естественного и политического закона», был сформулирован в ходе дискуссий в Грейт Тью. Сегодня хорошо известно, что члены круга были знакомы с этой работой задолго до ее публикации и что многие из них соглашались с ее основными тезисами²¹, понимаемыми, однако, отлично от классической академической интерпретации, рассматривающей «Элементы» в качестве своего рода пролегоменов к «Левиафану»²². В то время как в «Левиафане», который Гоббс посвятил Френсису Годольфину, погибшему во время войны брату Сидни Годольфина, Гоббс разорвал преемственность по отношению к идеям, развиваемым в доме лорда Фолклэнда, о чем свидетельствует явно враждебное отношение членов Грейт Тью к этому произведению²³. Однако даже в «Левиафане» осталось характерное для Грейт Тью единение политических и теологических вопросов, выводимых из общих пропозиций.

Главными интеллектуальными авторитетами в Грейт Тью были Гуго Гроций (1583–1645) и теолог Ричард Хукер (1554–1600). Преимущественно идеи этих двух авторов развивали и переосмысливали члены круга виконта Фолклэнда. В их обращении к наследию Хукера не было ничего необычного: на протяжении всего XVII столетия Хукер являлся авторитетом для многих англичан, причем независимо от их

¹⁷ См.: *Clarendon E. H.* The Life of Edward Earl of Clarendon. V. 1. P. 31; *Aubrey J.* «Brief Lives», chiefly of Contemporaries, set down by John Aubrey. P. 151; A collections of letters Illustrative of the Progress of Science in England: From the Reign of Queen Elizabeth to that of Charles the Second / ed. by J. O. Halliwell. L., 1841. P. 69.

¹⁸ Ср.: *Burgess G.* The Politics of the Ancient Constitution: An Introduction to English Political Thought, 1603–1642. University Park, Pennsylvania, 1993.

¹⁹ См.: *Tuck R.* Philosophy at the Country House: The Ideas of the Tew Circle // Studies in the History of Art. V. 25. Symposium Papers X: The Fashioning and Functioning of the British Country House. L., 1989. P. 300.

²⁰ См.: *Tuck R.* Philosophy and government, 1572–1651. Cambridge, 1993. P. 272–278.

²¹ См.: *Dzelzainis M.* Edward Hyde and Thomas Hobbes's Elements of Law, Natural and Politic // Historical Journal. 1989. V. 32. P. 303–317; *Tuck R.* Philosophy at the Country House. P. 300; *Kahn V.* Wayward Contracts: The Crisis of Political Obligation in England, 1640–1674. Oxford; Princeton, 2004. P. 104–108; *Martinich A. P.* Hobbes: A Biography. P. 60–64.

²² См.: *Collins J. R.* The Allegiance of Thomas Hobbes. Oxford, 2005. P. 59–60; *Skinner Q.* Hobbes on Persons, Authors and Representatives // The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan / ed. by P. Springborg. Cambridge, 2007. P. 161–163.

²³ См.: *Tuck R.* Philosophy at the Country House. P. 302–303.

личных взглядов и убеждений. На его основополагающий труд «О законах церковной организации» ссылались такие, казалось бы, не совместимые в пределах одной аксиоматики люди, как архиепископ Уильям Лод и философ Джон Локк²⁴. Как и следует предполагать в подобной ситуации, трактовка его сочинений была весьма вольной и разнообразной (что равнозначно полному непониманию его книг), так что, как заметил Роберт Экклешелл, если принимать во внимание каждую интерпретацию сочинений Хукера, то он тогда был бы предтечей одновременно договорной теории, рационализма, позитивизма, равно как и виггизма, либерализма и консерватизма²⁵. И круг виконта Фолклэнда не был уникален в испытываемом к сочинениям Хукера интересе. Хотя, возможно, именно в Грейт Тью «культ Хукера» проявился со всей очевидностью. К идеям Хукера в своих работах обращались Чиллингворт, Холс, Хаммонд и Шелдон²⁶. В Хукере им больше всего импонировало стремление к рациональному осмыслению религии, отбрасывающему в сторону обрядовые нюансы между различными деноминациями²⁷. В то же время ключевые понятия концепции Хукера были переинтерпретированы. В частности, как отмечает Мартин Гриффин, представления Чиллингворта о «разуме» – важном концепте теологии Хукера – были гораздо ближе использованию этого концепта Локком, нежели самим Хукером²⁸.

Восторг перед идеями Хукера испытывал и далекий от теологии юрист Э. Хайд. Позднее, во времена протектората Оливера Кромвеля, он, находясь в изгнании в Кёльне, взялся переводить главное сочинение Хукера – трактат «О законах церковной организации» – на латынь, чтобы познакомить европейцев с идеями английского гения²⁹. Также вполне вероятно, что историческая концепция, изложенная Хайдом в «Истории мятежа», была вдохновлена представлениями Хукера об обществе как сложно устроенной иерархической системе, в которой нарушение иерархии может привести к катастрофическим последствиям³⁰. Позднее, во времена Реставрации, литератор И. Уолтон

²⁴ См.: *Donnelly P. J.* Milton's Scriptural Reasoning: Narrative and Protestant Toleration. Cambridge, 2009. P. 62.

²⁵ См.: *Eccleshall R.* Richard Hooker's Synthesis and the Problem of Allegiance // *Journal of the History of Ideas*. V. 37. No. 1. 1976. P. 112. Ср.: *MacCulloch D.* Richard Hooker's reputation // *A Companion to Richard Hooker* / ed. by W. J. Kirby. Leiden, 2008. P. 563–610.

²⁶ См.: *Stanwood P. G.* Community and Social Order in the Great Tew Circle // *Literary Circles and Cultural Communities in Renaissance England* / ed. by C. J. Summers, T.-L. Peabworth. Columbia, 2000. P. 178.

²⁷ См.: *MacCulloch D.* Richard Hooker's reputation. P. 586–587.

²⁸ См.: *Griffin M. I. J.* Latitudinarianism in the Seventeenth-Century Church of England. P. 92.

²⁹ См.: *Donnelly P. J.* Milton's Scriptural Reasoning. P. 62.

³⁰ См.: *Kirkley M. H.* Clarendon's History of the Rebellion: Its Themes and Literary Strategy. Stanford, 1971. P. 48–49; *Stanwood P. G.* Community and Social Order in the Great Tew Circle. P. 179.

по просьбе Г. Шелдона, ставшего к тому времени епископом Кентерберийским, составил жизнеописание Хукера³¹. Даже мать виконта Фолклэнда отмечала влияние на нее работ Хукера (в частности, она утверждала, что именно после чтения трактата «О законах церковной организации» она обратилась в католицизм)³².

Голландский мыслитель Гуго Гроций почитался в круге ничуть не меньше. В 1639 г. Дж. Сэндис перевел поэтическую драму Гроция «Christus patiens»³³, а виконт Фолклэнд в качестве предисловия к этому переводу написал восхвалявшую голландца поэму³⁴. Позднее Э. Хайд и Г. Хаммонд называли Гроция одним из ученейших людей современной эпохи³⁵. Несмотря на то, что Гроций был современником круга, нет никаких свидетельств того, чтобы кто-нибудь из членов Грейт Тью когда-либо встречался с ним³⁶. Да и сам Гроций, похоже, не был осведомлен о том, какое влияние имеют его идеи в Англии, хотя он вступал в краткую переписку с Хаммондом, а также в одном из своих писем упомянул поэму Фолклэнда³⁷.

Симпатий и восхищения со стороны членов круга удостоились прежде всего религиозные взгляды Гроция³⁸. На протяжении всех 30-х гг. XVII в. Гроций оставался для них единственным авторитетным в вопросах религии современником³⁹. Позднее, когда разгоревшийся конфликт между королем и парламентом подтолкнул страну к гражданской войне, члены Грейт Тью обратились к политическому теоретизированию,

³¹ См.: *Walton I.* The Lives of Dr. John Donne, Sir Henry Wotton, Mr. Richard Hooker, Mr. George Herbert, and Dr. Robert Sanderson. L., 1857. О написании этой работы см.: *Secor P. B.* Richard Hooker: Prophet of Anglicanism. L., 1999. P. 336–340.

³² См.: *MacCulloch D.* Richard Hooker's reputation. P. 580. Впрочем, искушения католицизмом не избежал и сам Чиллингворт, вскоре, правда, вернувшийся к англиканской вере. См.: *Serjeantson R. W.* Elizabeth Cary and the Great Tew Circle // *The Literary Career and Legacy of Elizabeth Cary, 1613–1680.* P. 168.

³³ См.: *Tuck R.* Philosophy and government. P. 272.

³⁴ См.: *Falkland L. C.* The Poems of Lucius Carey, Viscount Falkland / ed. by A. Grossart. Blackburn, 1871. P. 71–78.

³⁵ См.: *Clarendon E. H.* On an active and on a contemplative Life, and when and why the one ought to be preferred to the other // *Clarendon E. H.* A collection of several tracts of the right honourable Edward, earl of Clarendon, author of the History of the rebellion and Civil wars in England. Published from his Lordship's Original Manuscripts. L., 1727. P. 180–181.

³⁶ См.: *Beiser F. C.* The Sovereignty of Reason. P. 92. Хотя Чиллингворт и добивался встречи с Гроцием в 1632 г. См.: *Mortimer S.* Reason and Religion in the English Revolution. The Challenge of Socinianism. Cambridge, 2010. P. 70.

³⁷ См.: *Tuck R.* Philosophy and government. P. 272; *Mortimer S.* Reason and Religion in the English Revolution. P. 83.

³⁸ См.: *Tuck R.* Philosophy and government. P. 272–273.

³⁹ См.: *Trevor-Roper H.* The Great Tew Circle // *Catholics, Anglicans and Puritans.* Chicago, 1988. P. 193–195; *Mortimer S.* Reason and Religion in the English Revolution. P. 70, 83.

вновь не без оглядки на некоторые идеи Гроция⁴⁰. Прежде всего, обратившиеся к политике члены Грейт Тью взяли на вооружение тезис Гроция о необходимости подчинения законной власти и соблюдения существующих общественных договоров при любых обстоятельствах⁴¹. Парадоксальным образом они, однако, за исключением разве что Томаса Гоббса, который к тому времени уже отдалился от круга, отвергли фундаментальное для всей теории Гроция положение о договорном происхождении власти. В круге виконта Фолклэнда стойким оставалось убеждение в божественном происхождении власти, что, вероятно, можно объяснить принадлежностью практически всех постоянных участников встреч в Грейт Тью к англиканской церкви, в которой именно король был главой религиозной общины⁴². Деятельность круга, таким образом, не сводилась к простому заимствованию идей: точнее было бы сказать, что труды Хукера и Гроция служили для его участников источником вдохновения, поскольку в их интерпретации идеи Хукера и Гроция трансформировались порой до полной неузнаваемости.

Благодаря своей открытости Грейт Тью был едва ли не единственным для Англии того времени явлением. Обычно интеллектуальная жизнь сосредотачивалась вокруг двора, дома богатого аристократа или – реже – университета. Творческая интеллектуальная деятельность не была профессионализирована. Авторского права не существовало вовсе, всю прибыль от публикации книг получали издатели и книготорговцы, причем обе функции зачастую осуществлялись одним человеком⁴³. Потому интеллектуальная деятельность становилась либо предметом досуга состоятельных людей и обладавших свободным временем юристов и священников, либо людей, находящихся под патронажем богатых аристократов.

Однако дом Фолклэнда, несмотря на титул его владельца (в действительности – совершенно незначительный), совсем не походил на

⁴⁰ См.: *Hammond H.* Of Resisting the Lawfull Magistrate under colour of Religion. 1647; *Diggs D.* The Unlawfulness of Subjects taking up Armes against their Sovereigne, in what case soever. Together with an Answer to all Objections scattered in Their Severale Bookes. And a prooffe that notwithstanding such resistance as they plead for, were not damnable, yet the present Warre made upon the King is so, because those cases, in which onely some men have dared to excuse it, are evidently not now; His Majesty fighting onely to preserve Himselfe, and the Rights of the Subjects. 1647; [Clarendon E. H.] A complaint to the House of Commons: and resolution taken up by the free Protestant subjects of the cities of London and Westminster, and the counties adjacent. Oxford, 1642.

⁴¹ См.: *Гроций Г.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1994. С. 47–48. В своем трактате Гроций также специально оговаривает возможности несоблюдения договора (см.: Там же. С. 171–172).

⁴² Ср.: *Tuck R.* Philosophy and government. P. 271–278.

⁴³ См.: *Алябьева Л.* Литературная профессия в Англии в XVI–XIX веках. М., 2004. С. 12–23.

эти богатые аристократические дома. Озвученный годовой доход Фолклэнда (2700 ф.) не сильно отличался от дохода среднего сельского джентльмена (для сравнения: доход графа Девоншира, покровительствовавшего Гоббсу, составлял 15 тыс. ф. в месяц⁴⁴). То есть у Фолклэнда не было материальной возможности быть покровителем науки и искусств, что существенно влияло на характер его круга. Прежде всего, этим обстоятельством определялся «демократический» характер встреч в Грейт Тью. Было и другое интересное следствие финансового положения Фолклэнда, на которое обратил внимание Ричард Так: поскольку Фолклэнд не был покровителем интеллектуалов (хотя, конечно, его гости всегда могли рассчитывать на комнату в его доме и на ужин, но никто из них не находился у него на содержании⁴⁵), большинство людей, посещавших Грейт Тью, были встроены в существовавшие социальные и профессиональные системы, что отражалось на способах их мышления, поскольку многие из них разделяли определенные социальные и профессиональные мифы. Контраст, заметный по сравнению с теми немногими счастливыми, что находились на попечении у состоятельных аристократов, как, например, Томас Гоббс, Джон Селден или – позднее – Джон Локк. Эти люди, жившие в домах своих патроннов, были отделены от традиционных профессий и традиционного семейного уклада⁴⁶. Они были свободными узниками в башне из слоновой кости, где они могли отправиться в полет мысли, уносящий их далеко от традиционных и общепринятых взглядов. В частности, все трое, будучи вырванными из традиционных отношений, отвергали получившую широкое распространение патриархальную теорию Роберта Филмера, в соответствии с которой власть государя есть отеческая власть как по своим свойствам, так и по происхождению⁴⁷.

Совершенно иначе обстояло дело в Грейт Тью, где большинство гостей были заняты в какой-то профессиональной сфере и репродуцировали принципы, казавшиеся им незыблемыми (богословы поддерживали принцип епископальной церкви, юрист Хайд – принцип исконности и верховенства права над любой властью и т. д.) Эти ограничения не позволили членам Грейт Тью сформулировать радикально новую теорию,

⁴⁴ См.: *Tuck R. Philosophy at the Country House. P. 300–301.*

⁴⁵ См.: *Clarendon E. H. The Life of Edward Earl of Clarendon. V. 1. P. 42–43.*

⁴⁶ См.: *Tuck R. Philosophy at the Country House. P. 299.*

⁴⁷ См.: *Laslett P. Introduction // Filmer R. Patriarcha and Other Political Works. Oxford, 2009. P. 20–43.* Как блестяще продемонстрировал Питер Ласлетт, теория была популярна именно в силу распространенности казавшихся естественными патриархальных семейных отношений, господствовавших в аристократических семьях в первой половине XVII века (см.: *Laslett P. The World We Have Lost: Further Explored. L., 1999; idem. The history of the family // Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America, with Further Materials from Western Europe / ed. by P. Laslett, R. Wall. Cambridge, 1972. P. 1–89.*

но само создание поля диалога, в котором мог проходить интенсивный обмен мнениями и убеждениями, стало мощным толчком для интеллектуальной жизни Англии. Грейт Тью был своего рода плавильным котлом, в котором смешивались различные и зачастую несовместимые теории, консервативным полем-экспериментом, на котором выращивались причудливые гибриды, казавшиеся своим создателям вполне естественными и жизнеспособными. Однако именно дальнейшая работа над сформулированными в Грейт Тью идеями позволила появиться концепциям более стройным и непротиворечивым, наподобие тех, что сформулировали Томас Гоббс, Джон Локк и кембриджские латинисты.

ОРДЕН РОЗЫ И КРЕСТА В ИСТОРИИ МАСОНСКОГО ДВИЖЕНИЯ XVII–XVIII ВЕКОВ

Тесная связь масонских структур с представителями европейской творческой элиты достаточно подробно освещена в научной литературе¹. Многие специалисты убеждены, что именно интеллектуалы являлись подлинными создателями и теневыми лидерами этой влиятельной международной организации². Несмотря на то, что сами масоны относят возникновение Ордена «вольных каменщиков» к временам глубокой древности (античной и даже библейской), подобная интерпретация событий не лишена оснований.

На стадии перехода Европы от Средневековья к Новому времени «люди знания» были в наибольшей степени увлечены идеями переустройства общества на принципах гуманизма, веротерпимости и научных знаний. Их мировоззрение первым вступило в сражение с традиционными представлениями о мироздании, основанными на теологии и схоластике. Одним из наиболее эффективных приемов борьбы за утверждение новых взглядов стало обращение к наследию древних цивилизаций. Достижения Античности в области науки, культуры и политики мыслителями эпохи Возрождения и Просвещения представлялись в качестве абсолютного эталона, которому надлежало следовать и подчиняться. Подобные убеждения способствовали, в частности, романтическому истолкованию деятельности древних мастеров-строителей, а позже, в эпоху Просвещения, помогли новым поколениям интеллектуалов Европы провозгласить «строительные» ложи духовно-нравственными центрами всего человечества. Напомним, что основной миссией, зародившегося в начале XVIII столетия нового масонства, была заявлена мирная пропаганда универсальных знаний, которые следовало использовать в целях улучшения общественной жизни и самой личности.

Мессианские устремления, постепенно овладевавшие мыслителями Европы, были подкреплены особым статусом интеллектуальной деятельности, которая воспринималась современниками как занятие священное, сакральное. Это признание способствовало появлению евро-

¹ См.: *Agulhon M. Pénitents et Francs-Maçons de l'ancienne Provence. Aix-en-Provence, 1968; Острецов В. М. Масонство, культура и русская история: историко-критические очерки. М., 2004.*

² См.: *Hamill J. The History of English Freemasonry. Addlestons, 1994; Piatigorsky A. Freemasonry. The Study of a Phenomenon. L., 1997; Ridley J. G. The Freemasons. L., 1999; Reinalter H. Die Freimaurer. München, 2001; Киясов С. Е. Масоны и век Просвещения: Становление интеллектуального феномена. Саратов, 2006.*

пейской интеллигенции, которая «стала участвовать в формировании передового общественного мнения»³. Важно отметить, что ценности гуманистического свободомыслия признавались не только философами, поэтами и писателями, но также зодчими, художниками. Крупнейшие архитекторы, скульпторы и живописцы, начиная с эпохи Ренессанса, предстают перед нами в качестве выдающихся идеологов свободного и гармоничного развития человека⁴. Столь тесное творческое единение свидетельствует о поразительной точности универсальной масонской аллегории, выстроенной на осознании причастности «вольных каменщиков» к символическому строительству Духовного храма Человечества.

Стремление к познанию неумолимо приближало европейских интеллектуалов к сфере политики. Например, один из родоначальников европейского гуманизма, поэт и философ Данте (1265–1321) в своем трактате «О монархии» выступил с идеей создания всемирной монархии. Его идеалом был монарх-философ, а главным противником задуманного – католический Рим⁵. Можно привести значительное количество других фактов социально-политической ангажированности ученых, философов, художников Европы, которые постепенно сформировали практическое содержание процесса, получившего в современной литературе наименование «интеллектуальной революции», идейно подготовившей грядущие перевероты.

Будучи активными, но «внесистемными» критиками существующих общественных порядков, европейские интеллектуалы изначально нуждались в появлении такой организационной структуры, которая могла бы способствовать распространению их учений. Она же могла обеспечить безопасность и необходимое общественное влияние. Как следствие, Европа в эпоху Раннего Нового времени пережила период распространения конспирологических настроений и была буквально наводнена тайными, как правило, эзотерическими обществами. Наибольшую известность среди них приобрел Орден или Братство Розы и Креста⁶.

Впервые о существовании этой организации было заявлено в 1614 г. в анонимном трактате под названием «Откровение Братства Высокопочтимого Ордена Розового Креста» («Fama Fraternitatis R. C.»). Текст Откровения, с изложением учения розенкрейцеров на латыни

³ Сказкин С. Д. К вопросу о методологии истории Возрождения и Гуманизма // Средние века. М., 1958. Вып. 11. С. 140.

⁴ См.: Дворжак М. История искусства как история духа / пер. с нем. СПб., 2001. С. 69, 71.

⁵ См.: Баткин Л. М. Утопия всемирной монархии у Данте (к вопросу о социально-политических взглядах Данте) // Средние века. М., 1958. Вып. 11. С. 88.

⁶ См.: Ambesi A. C. L'enigma dei Rosa-Croce. Roma, 1990; Розенкрейцеры: из молчания – свет / под ред. А. Чериотти; пер. с итал. М., 2010; Галтье Ж. Сыны Калиостро: египетское масонство, розенкрейцерство и новое рыцарство / пер. с франц. М., 2012.

(с переводом на немецкий), адресовался «всем ученым и правителям Европы»⁷. Здесь была впервые представлена история Ордена, считавшего своей задачей «реформацию всего мира, приведение человечества к истинной философии». Здесь же излагались шесть наиглавнейших принципов розенкрейцеров. На первом месте упомянуто ремесло врачевания «больных безнадежно»⁸, что подразумевало оказание помощи бедствующему человечеству. Второй пункт определял правила поведения членов интернационального Ордена в повседневной жизни. В частности, все они обязывались носить одежду, соответствующую обычаям той земли, где они находились. Третий пункт предусматривал обязательность ежегодных общих собраний розенкрейцеров. Четвертый – предлагал каждому «брату» найти себе преемника, а пятый – устанавливал для братьев специальный пароль (слово «розенкрейцер»). Последний, шестой пункт, объявлял сроки тайной деятельности Ордена – 100 лет⁹.

Основателем Ордена в Откровении назван немецкий мистик Христиан Розенкрейц. Автор сообщал, что этот человек родился в 1378 году. По его словам, будучи воспитанником одного из монастырей, Христиан в юном возрасте побывал в Палестине, Аравии и Египте, где в течение семи лет приобщался к мудрости. Вернувшись на родину в 1400 г., он создал тайное общество с целью реализации полученных знаний, которые являлись синтезом иудейского, исламского и христианского гнозисов. Общество получило название Орден розенкрейцеров¹⁰. Сам Розенкрейц, как сообщалось далее в Откровении, умер в возрасте 106 лет, однако сам Орден продолжал существовать. Позже его последователи отыскали в саркофаге учителя рукопись с изложением новых тайн и откровений розенкрейцеров, чем продлили свою деятельность на 120 лет¹¹.

Мифическая история Ордена розенкрейцеров не могла раскрыть подлинных обстоятельств его рождения и деятельности. Один из признанных знатоков этой темы, французский философ-мистик Рене Генон, полагал, что европейские розенкрейцеры вообще не сумели создать тайного общества. Он утверждал, что эти люди быстро покинули Европу, поскольку, как и тамплиеры, не смогли выполнить своей главной миссии – соединить воедино усилия исламских и христианских эзотериков¹². Современные исследователи также не располагают

⁷ *Fama Fraternitatis*, То есть Вещание Братства высокохвального Ордена Р. К. к государям разного состояния, людям и ученым в Европе / пер. с нем. В. П. Б. В. 1784 года (б.м.) // НИОР РГБ. Ф. 14 (В. С. Арсеньев). Ед. хр. 178. Л. 1–60.

⁸ Там же. Л. 25.

⁹ См.: Там же. Л. 25–26.

¹⁰ В христианской символике Роза – символ вечности; Крест – символ страдания.

¹¹ Откровение сообщает, что данная рукопись является величайшим сокровищем после Библии (см.: *Fama Fraternitatis*. Л. 42).

¹² См.: *Генон Р.* Символы священной науки / пер. с франц. М., 2004. С. 369. Будучи чистокровным французом, Генон в 1912 г. принял ислам и прославился в

заслуживающей доверия информацией о движении розенкрейцеров. По их мнению, наиболее реальна в этом направлении деятельность и творчество протестантского богослова, члена филологического «Плодоносного Общества» (*Die fruchtbringende Gesellschaft*) Иоганна Валентина Андреэ (1586–1654). Во всяком случае, известно, что его перу принадлежат основные программные сочинения розенкрейцеров¹³. В частности, он являлся автором «*Confessio Fraternitatas*» («Исповедание Братства Высокопочтимого Ордена Розового Креста»), опубликованного в Касселе в 1615 г.¹⁴, а также изданного в 1616 г. в Страсбурге трактата «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца» (*Chymische Hochzeit Christian Rosenkreutz*). В 1619 г. вышла свет его книга «Описание республики христианополитан» («*Respublicae Christianopolitanae Descriptio*»), в которой изображена жизнь идеального общества в городе, спроектированном по законам герметической геометрии¹⁵. В том же году Андреэ опубликовал в Страсбурге сочинение «Образ Христианского сообщества» («*Christiana Societatis Imago*»), в котором содержались Устав и Программа тайного объединения ученых, о деятельности которого могли знать только посвященные¹⁶.

В 1620 г. усилиями Андреэ были созданы первые Христианские Братства, которые можно рассматривать в качестве организационных структур мифического Ордена розенкрейцеров. Известно также, что именно Андреэ пользовался печатью с изображением андреевского (косого) креста с четырьмя розами. Как подчеркивают специалисты, именно эта символика была использована при создании герба Ордена розенкрейцеров¹⁷.

Возглавить ученое сообщество Андреэ, оставаясь его идеологом и вдохновителем, предложил аристократу – герцогу Августу Брауншвейг-Люнебургскому, который должен был также руководить деятельностью Тайного совета розенкрейцеров (12 человек)¹⁸. Важно отметить, что участниками интеллектуального Братства (Ордена) явля-

арабских странах под именем шейха Абдель Вахед Яхья. Он прожил на Востоке, в частности в Египте, более двух десятилетий. До своего обращения в мусульманскую веру входил в ближайший круг известного французского мистика Папюса. Убежденный сторонник соединения христианства и ислама в единое вероучение; намеревался возродить Орден тамплиеров.

¹³ См.: Балакин В. Д. Из социальной утопии И. В. Андреэ // История социалистических учений. М., 1985. С. 249–288.

¹⁴ См.: Йейтс Ф. А. Джордано Бруно и герметическая традиция / пер. с англ. М., 2000. С. 363.

¹⁵ См.: Балакин В. Д. Из социальной утопии И. В. Андреэ. С. 253–288. Общевой Христианополя управляли «лучшие люди», в том числе – ученые.

¹⁶ См.: Балакин В. Д. Ученое сообщество в Германии начала XVII века // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 222.

¹⁷ См.: Андреев А. Р. Ассасины, карбонарии, розенкрейцеры, масоны. М., 2001. С. 93.

¹⁸ См.: Балакин В. Д. Ученое сообщество в Германии начала XVII века. С. 223.

лись лютеране, а результаты их научных изысканий предполагалось публиковать на немецком языке¹⁹. Как полагают некоторые специалисты, структуры Ордена действовали в большинстве стран Европы, а во главе их находился таинственный Император²⁰.

Обретенное идейное могущество вплотную приблизило розенкрейцеров к политике. Политической нацеленности организации способствовала также ее мировоззренческая платформа. Орден был ярким врагом Рима и активно выступал против католической церкви. Поддерживая Реформацию, его участники мечтали об установлении в Европе и в мире единой религии, которая бы отстаивала интересы «Единого Всеведающего и Всеблагого Господа Бога»²¹. Подчеркивая роль и влияние идеологии Ордена на современников, современные исследователи ввели в научный оборот понятие «розенкрейцерского просвещения»²².

В 1622 г. структуры Ордена розенкрейцеров распространили свою деятельность на эмигрантскую резиденцию протестантского курфюрста Фридриха Пфальцского, зятя английского короля Якова I Стюарта, располагавшуюся в то время в голландской Гааге²³. Этот аристократ прославился своими претензиями на корону Богемии, что спровоцировало начало Тридцатилетней войны (1618–1648) в Европе.

В последующие годы реализацией конспиративных и научных идей Андреэ занимался чех Ян Амос Коменский (1592–1670). В 1641 г. по приглашению парламента он приехал в Англию, где преуспел в создании местных протестантских школ. Помимо этого, великий гуманист, педагог и розенкрейцер активно пропагандировал деятельность «универсальных коллегий», «универсальное знание» (пансофию, панисторию, пандогматику) и новый «универсальный язык»²⁴.

Разнообразная, но короткая деятельность Коменского в Англии (в 1642 он уехал в Швецию) привлекла внимание антиквара Самуэля Хартлиба (1628–1662), который, находясь под влиянием розенкрейцеровских концепций, в 1641 г. опубликовал книгу об идеальном госу-

¹⁹ См.: Балакин В. Д. Ученое сообщество в Германии начала XVII века. С. 229. Латынь, длительное время признававшаяся в ученой среде в качестве универсального средства общения, получила от гуманистов-протестантов ярлык «языка Церкви» и быстро потеряла свое значение.

²⁰ См.: Бейджент М., Ли Р. Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии / пер. с англ. М., 2004. С. 100. Французский историк Серж Ютен называл императором розенкрейцеров Ф. Бэкона.

²¹ См.: Андреев А. А. Ассасины, карбонарии, розенкрейцеры, масоны. С. 101.

²² См.: Йейтс Ф. А. Розенкрейцерское просвещение / пер. с англ. М., 1999.

²³ Ранее двор Фридриха – вождя немецких протестантов – располагался в Гейдельберге (1613–1619) и в Праге (1619–1620).

²⁴ В 1897 г. в качестве изобретателя нового универсального языка – эсперанто (от исп. – надеющийся), который активно пропагандировался масонами, стал польский врач и лингвист Людвиг Лазарь Заменгоф (1859–1917).

дарстве – «Описание знаменитого королевства Макарии» (A Description of the Famous Kingdom of Macaria)²⁵.

Коменский и Хартлиб вынашивали совместные планы создания нового международного ученого сообщества, черты которого позже отчетливо просматривались в структурах Невидимого колледжа (Оксфорд) и Королевского Общества (Лондон). Важно отметить: реформаторы интеллектуального Ордена в Англии использовали те же самые организационные технологии, которые были взяты на вооружение масонскими ложами. Так, розенкрейцеры, как и «вольные каменщики», пытались искусственно, в целях собственного престижа, «составить» Братство; связывали его рождение с деятельностью мифического лидера; наконец, они использовали в своей практической работе особые степени посвящения²⁶. Участники интеллектуального движения располагали также обязательными атрибутами культового облачения, например, треугольными фартуками.

Во второй половине XVII столетия эпицентром угасающего движения розенкрейцеров стала буржуазная Англия, заявившая о себе в качестве родоначальницы эпохи Просвещения. Наиболее выдающимися представителями Ордена розенкрейцеров здесь являлись врач Роберт Фладд (1574–1637)²⁷, антиквар Элиас Эшмол (1617–1692), физик Роберт Бойль (1627–1691) и архитектор Кристофер Рен (1632–1723). Впрочем, немногочисленность и замкнутость местных розенкрейцерских структур заставила влиятельных британских интеллектуалов приобщиться к масонской культуре (Эшмол, Рен). Именно ложи «вольных каменщиков» стали в Англии новой и наиболее распространенной формой консолидации интеллектуальной элиты.

На рубеже XVII–XVIII столетий немногочисленные европейские розенкрейцеры, исчерпавшие надежды на сохранение организационной самостоятельности, были вовлечены в систему масонской просветительской конспирации. Усилиями поклонников шведского мистика Э. Сведенборга (1688–1772), какими являлись французы Луи Клод де Сен-Мартен (1743–1803), Мартинес де Паскалли (1727–1774) и

²⁵ См.: Павлова Т. А. Споры вокруг «Макарии» // История социалистических учений. М., 1989. С. 122–130. По мнению современных английских историков (К. Хилл, Ч. Уэбстер), действительным автором книги был ученый-химик, член просветительского кружка Хартлиба – Габриэль Плэттс. «Макария» способствовала рождению утопии Д. Гаррингтона (1611–1677), получившей название «Республика Океании». Это сочинение было посвящено О. Кромвелю и проповедовало республиканские принципы, а также идеалы свободы совести, но без учета интересов идолопоклонников, католиков и евреев.

²⁶ Исследователи полагают, что в Ордене было 9 степеней, высшие из которых получили характерные названия: «Магистр храма» (Magister templi) и «Маг» (Magus). См.: Парнов Е. Трон Люцифера. Критические очерки магии и оккультизма. М., 1991. С. 199.

²⁷ По мнению специалистов, предположительно, он являлся первым Великим Мастером британской ветви Братства Розы и Креста (см.: Розенкрейцеры: из молчания – свет. С. 64).

Жан Батист Виллермоз (1730–1824), во Франции было образовано мистическое направление масонства, весьма близкое к традициям розенкрейеров – Обряд Избранных Коэнов (Rite des Elus Coëns). Поклонниками этого направления, получившего в России наименование «научного масонства», или мартинизма, стали также московские «вольные каменщики» во главе с И. Е. Шварцом и Н. И. Новиковым. В 1773 г. французские масоны, увлеченные эзотерическими тайнами, основали Орден филалетов (Любителей истины), первым Великим мастером которого стал маркиз Савалет де Ланж. В 1779 г. его соратник, мальтийский рыцарь Франсуа Чиф де Бьен, объявил о создании Ордена Нарбонского, который следовал традициям розенкрейцеров²⁸. В 1710 г. в Германии Зигмунд Рихтер основал Орден Золотого и Розового Креста, главным назначением которого были научные исследования алхимического характера. В последней трети столетия, в 1770 г., его участники присоединились к прусско-германскому масонскому Обряду «Строгого послушания»²⁹. Следы розенкрейцерского влияния прослеживались также в широко распространенном с начала XIX в. Древнем и Принятом Шотландском Обряде. Он включал 33 степени посвящения, 18-я из которых получила наименование Рыцарь Розенкрейцер.

Несмотря на завесу таинственности, которая по-прежнему окружает деятельность Ордена розенкрейцеров³⁰, следует признать то колоссальное влияние, которое оказали его идеологи, организаторы и участники на развитие научного мировоззрения. Отечественный специалист в области истории тайных обществ, Е. Б. Черняк, справедливо подчеркивал, что вопрос о реальности существования того или иного тайного союза исторически оказывается куда менее значительным, чем влияние слухов о его деятельности на развитие общественно-политической мысли³¹. «Унаследованные формы мистики и магии, – писал исследователь, – служили порой лишь оболочкой, в которой происходило формирование новых научных идей, основ передового мировоззрения последующей эпохи Просвещения, складывание по сути противостоящего церковной схоластике взгляда на природу и общество»³².

²⁸ См.: Розенкрейцеры: из молчания – свет. С. 119.

²⁹ См.: *Пикнет Л., Принс К.* Леонардо да Винчи и Братство Сиона / пер. с англ. М., 2005. С. 119. Значительным влиянием Орден пользовался и в России (см.: О приеме в первый класс Ордена Златого и Розового креста // НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 176. Л. 1–24).

³⁰ Современные розенкрейцеры – активные участники создания международной организации (см.: *Галтье Ж.* Сыны Калиостро. С. 352–354).

³¹ См.: *Черняк Е. Б.* Невидимые империи: тайные общества старого и нового времени на Западе. М., 1987. С. 20.

³² Там же. С. 21.

В. В. Кирюшкина (Саратов)

АНГЛИЙСКИЕ ПУТЕВОДИТЕЛИ XVIII ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В учебной и научно-популярной литературе по истории туризма родоначальником путеводителя как жанра европейской литературы обычно называется австрийское издание Карла Бедекера, относящееся к 30-м гг. XIX столетия. В более строгих энциклопедических статьях указывается на английские издания Джона Мюррея, первое из которых вышло в 1836 г. («*A Handbook for Travellers on the Continent*»), как предшественников популярных томов Бедекера. Элизабет Маккеллар, профессор Открытого Университета в Милтон-Кинс (Бакингемшир), посвятившая теме зарождения путеводителя несколько своих работ, относит их появление к середине XVII в., а именно – к творчеству француза Жермена Бриса, который, в свою очередь, «возможно, испытал влияние итальянских путеводителей по римским древностям»¹, существовавшим, как полагает Маккеллар, в качестве уникального местного явления еще с XVI века².

В эпоху Просвещения путешествие становится значимым фактором жизни и культуры европейца. Путешествие как завершающий этап классического образования европейского аристократа дополняется новыми прикладными задачами буржуазного общества: деловое, торговое путешествие, государственная служба. И эти задачи все более актуализируются по мере расширения непосредственных политических и экономических контактов европейских стран с остальным миром, по мере развития колониальных систем. Соответственно, в XVIII столетии складывается такой жанр литературы как просветительский роман-путешествие. Жанровой основой таким романам послужили путевые записки, а классическими примерами стали английские романы Д. Дефо и Дж. Свифта.

Деловые поездки Дефо по Великобритании, состоявшиеся в период с 1706 по 1714 гг., вылились в его «Путешествие через весь остров Великобритания», опубликованные в трех томах с 1724 по 1726 годы³.

Британская аристократка Мэри Монтегю, прожившая в качестве жены посла в Константинополе два года, с 1716 г. вела активную переписку с такими виднейшими литераторами как Дж. Аддисон и А. Поуп.

¹ *McKellar E. Tales of Two Cities: Architecture, Print and Early Guidebooks to Paris and London // Humanities. 2013. № 2. P. 330.*

² См.: Там же.

³ См.: *Defoe D. A Tour Through the Whole Island of Great Britain, (1724–1726). L., 1971.*

Ее «Турецкие письма» были опубликованы в 1763 году⁴.

Литература путешествий занимает и страницы периодической печати. Так, например, Оливер Голдсмит с января 1760 г. начинает публиковать в журнале «Public Ledger» свои «китайские письма» – одно из многочисленных в то время подражаний «Персидским письмам» Шарля Монтескье. В основе этих писем лежит жанр вымышленных путешествий. В 1762 г. наблюдения О. Голдсмита воплотились в книгу под названием «Гражданин мира» («A Citizen of the World»), а ее автор сразу оказался в ряду самых заметных журнальных авторов XVIII века.

В контексте этой формирующейся буржуазной «культуры путешествий» развивается и путеводитель – совершенно специфический жанр, связывающий культуру и повседневные практики жизни общества как никакая другая литературная форма.

Нас же больше интересует история ранних английских публикаций в жанре путеводителя, посвященных конкретно Лондону. При этом важно учесть обоснованное заявление Э. Маккелар об «общеевропейском характере» рынка путеводителей, где определяюще часты не только взаимные влияния, переводы, но и билингвальные издания, а порой – и издания на трех языках⁵.

Очевидное влияние книги Бриса на английские путеводители объясняется не только популярностью его издания, но и переводами на английский язык, появившимися в 1687 и 1688 годах. Автор одного из самых ранних лондонских путеводителей Эдвард Хаттон в предисловии к своему изданию 1708 г. явно имеет в виду «Описание Парижа» Бриса, когда признается, что отчасти брал за основу «небольшую книжицу, названную «Гид по Парижу»»⁶. В 1681 г. выходят сразу два английских издания в этом жанре: Натаниэля Кроча (Crouch) и Де Лона (De Laune). В их заглавиях («Исторические заметки о древнем и современном состоянии Лондона и Вестминстера» и «Современное состояние Лондона, или Памятники, рассмотрение их древнего и современного состояния») хотя еще не узнается стандарт жанра, но фиксируется главное отличие от традиционных «антикварных» работ о Лондоне, таких как, например, «Лондинополис» Джеймса Хоуелла (Howell) 1657 г. издания⁷. Кроме того, эти издания отличались уже карманным форматом, а в книгу Де Лона было включено даже несколько иллюстраций⁸, что также можно считать заявкой на массовый и развлекательный характер этих

⁴ См.: *Montagu M. W.* Letters of the Right Honourable Lady M--y W---y M----e: written, during her travels in Europe, Asia and Africa, to persons of distinction, men of letters, &c. in different parts of Europe: which contain. L.: Becket and P.A. De Hondt, 1763.

⁵ См.: *McKellar E.* Tales of Two Cities. P. 229–230.

⁶ *Hatton E.* Preface // *Hatton E.* A New View of London (or, An Ample Account of That City): in 2 vols. L., 1708.

⁷ См.: *Howell J.* Londinopolis; an Historicall Discourse or Perlustration of the City of London: Whereunto is Added Another of the City of Westminster. L., 1657.

⁸ См.: *McKellar E.* Tales of Two Cities. P. 333.

издательских проектов. Это, а также сочетание исторического материала с современными наблюдениями, стало основой нового жанра. Исторический материал в основном заимствовался из сочинения английского любителя старины, историка Уильяма Стоу («Заметки о Лондоне»), изданного в 1598 году.

В 1693 г. появляется еще одно издание о Лондоне, написанное французом Франческо Каспаро Кольсони. Его «Путеводитель по Лондону» на французском языке был издан затем еще дважды – в 1697 и 1700 годах. Лондон здесь представлен пятью маршрутами, сопровождаемыми советами – когда и где лучше пообедать, информацией о часах работы, плате за посещение различных достопримечательностей, днях особых церемоний, праздников и т. д.⁹

Следующей важной вехой стало появление издания Эдварда Хаттона «Новый вид Лондона», представленного самим автором как «книга полезная не только иностранцам, но и местным жителям» (1708 г.). «New View» дополняется в этом издании «New Map» – раскладной картой, составленной Ричардом Чисвелом и «дополненной, в соответствии с требованиями современности, пригородами в их новом состоянии»¹⁰.

Путеводитель Хаттона не состоит из отдельных маршрутов, но скорее напоминает справочник – материал структурирован тематически и по алфавиту, например: раздел «Церкви» включает в себя перечисление и описание церквей Лондона по алфавиту.

Но не история жанра нас интересует здесь в первую очередь, а значение путеводителя в качестве исторического источника. Историко-графический анализ приводит к выводу о непопулярности этого первоисточника среди отечественных исследователей¹¹. О подобной ситуации в европейской историографии свидетельствует и Э. Маккеллар, отмечая, в частности, в своей статье, что жизнь Лондона и даже его вид, архитектура восстанавливаются исследователями преимущест-

⁹ См.: *McKellar E. Tales of Two Cities. P. 335–338.*

¹⁰ *Hatton E. Preface.*

¹¹ Редкое исключение представляют собой работы И. И. Руцинской, посвященные культуре региональных городов России второй половины XIX – начала XX вв., проблеме восприятия их культурного пространства и т. д. См., напр.: *Руцинская И. И. Путеводитель как историческая форма презентации регионов // Россия и Запад: диалог культур. Сб. ст. XII Междунар. конф. Вып. 14. Ч. 1. М., 2008. Путеводители по Ленинграду оказываются в центре внимания А. Ю. Давыдова. См.: Давыдов А. Ю. Источник по истории культурной жизни крупного города – путеводители // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Т. 4. История. СПб., 2013. № 2. С. 33–46. Применительно к Лондону конца XVI в. см.: *Чернова Л. Н. Городское пространство Лондона конца XVI века в восприятии современника (на материале «Путешествий по Англии» Томаса Платтера) // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 30–36; она же. Культурное пространство Лондона конца XVI века в восприятии современника (на материале «Путешествий по Англии» Томаса Платтера) // Британские исследования. Сб. ст. СПб., 2014. Вып. IV. С. 166–179.**

венно на основе художественной литературы, даже поэтических текстов, записок путешественников¹².

К этому перечню наиболее употребляемых первоисточников, используемых для исторической реконструкции облика и жизни города нужно добавить и другие жанры различной мемуарной литературы, в частности, дневники, как, например, в исследовании М. Дж. Баттена, основанном на дневниках Робера Хука – ассистента Кристофера Рена¹³.

Но путеводитель остается недооцененным свидетелем развития города и изучается, как правило, в качестве прямого объекта исследования в работах, посвященных истории книги¹⁴. Конечно, можно вспомнить о таком бестселлере как книга Питера Акройда «Биография Лондона», где активно используются старые путеводители для исторической реконструкции города, но этот текст скорее публицистического характера и не укладывается в формат исторического исследования.

Между тем, путеводитель может стать не только полезным дополнительным, но и по-своему незаменимым источником по городу, городской жизни в тот или иной исторический период. Для обоснования этого тезиса данной статьи сформулируем основные свойства путеводителя как жанра, выйдя, таким образом, на определенный потенциал его как источника.

Во-первых, речь идет о типичном образце печатной культуры нового времени, создающей общее пространство аристократической и «массовой» буржуазной культуры. Это очевидно проявляется как в формальных признаках формирующегося в XVII–XVIII вв. стандарта путеводителя, так и в содержании изданий этого типа. Формальное свидетельство этого – заголовки ранних путеводителей с еще редко встречающимся определением *Guidebook* – Путеводитель. Часто это заголовки с подзаголовками через союз *или (or)* в лучших литературных традициях века Просвещения – поучать, развлекаая, и развлекать с пользой. Примеры, собственно, уже приведены выше. Книга Эдварда Хаттона называется «Новый вид Лондона, *или* Пространное описание этого города», а анонимное издание 1729 г. – «Путеводитель иностранца, *или* Полезный и поучительный компаньон как для иностранца, так и местного жителя в их путешествии по Вестминстеру и Лондону» (*The Foreigner's Guide: Or a Necessary and Instructive Companion Both for the Foreigner and Native, in their Tour Through the Cities of Westminster and London*). Издание Жермена Бриса полностью озаглавлено так: «Новое описание всего самого примечательного в Париже» (*Description nouvelle de ce qui'il ya de plus remarquable dans la Ville de Paris*).

¹² См.: *McKellar E. Tales of Two Cities. P. 329.*

¹³ См.: *Batten M. I. The Architecture of Dr. Robert Hooke F. R. S. Walpole Society 25 (1936–37): 91–93.*

¹⁴ См., напр.: *Harris M. London Guidebooks before 1800. In Maps and Prints: Aspects of the English Booktrade / ed. by R. Myers and M. Harris. Oxford, 1984.*

А заголовки уже упомянутых сочинений Кроча и Де Лона специально обещают актуальную информацию о современном состоянии города, наряду с историческими сведениями.

И французские, и английские издания такого формата позиционируются как нейтральные в «споре древних и новых», стремясь соединить антикварную информацию для любителей древности и буржуазную ценность самой свежей информации.

В предисловиях авторы подчеркивают демократический, общедоступный характер своих сочинений. Яркий пример – Э. Хаттон, который в предисловии к своему «Новому виду Лондона» так обозначает свою целевую аудиторию: «Исторические названия улиц, возникновение и названия площадей будут интересны любителю древности, описания церквей, памятников, их декора, скульптур – архитектору, художникам, скульпторам; раздел о гербовых знаках, надписях, кенотафах, гробницах, надгробиях – любителям геральдики, истории, поэзии; ширина и протяженность улиц, размеры площадей, длина, ширина, высота церквей и колоколен – математическому гению, а то, что посвящено музею Королевского общества – любителям натуральной философии»¹⁵.

Сам язык текстов стремится к простоте изложения, подтверждая свою ориентированность на широкую аудиторию. Так, если сравнивать тексты Бриса, Кольсона и Хаттона, то два последних гораздо больше опираются на разговорную речь, что отражает определенную динамику. Хаттон в своих описаниях достопримечательностей ограничивается простой лексикой – *fine*, *new*, *excellent*, стараясь избегать специальной архитектурной и художественной терминологии. Но это кажется автору недостаточным для создания доступного пониманию текста, и Хаттон прилагает в конце издания раздел «Объяснение терминов искусства», где объясняет предельно просто, используя, как он сам пишет «язык рабочих», те термины, без которых ему не удалось обойтись в своих описаниях. Так, например, значение слова «фронтон» (*pediment*) поясняется следующим образом: «украшения <...> расположенные над дверьми или на передней стене дома – наклонные, треугольные или, как говорят рабочие, «срубленные» (*reaking*)»¹⁶.

Наконец, в содержании путеводителей наблюдается не только сочетание исторических сведений с возрастающим значением современных наблюдений, но и откровенный акцент на зрелищность предлагаемых видов Лондона.

Итак, подытоживая наше «во-первых»: ранние путеводители как издания сугубо коммерческие должны были найти баланс между кратким форматом *handbook* (или лат. *vade mecum*) и максимальной информационностью, между историей и современностью, знанием и опытом, «высокой», элитарной культурой и интересами среднего

¹⁵ *Hatton E.* Preface.

¹⁶ *Hatton E.* A New View of London. P. 810.

буржуа и, судя по всему, наиболее популярные издания этот баланс находили. Путеводитель оказался важным явлением в области той печатной культуры, которая формировалась в процессе буржуазно-демократического развития европейского общества.

Во-вторых, путеводитель рождается как общеевропейское явление, формируясь в условиях взаимовлияний английских, французских, итальянских, голландских и германских изданий, многочисленных переводов и билингвальных изданий, как, например, *The Foreiner's Guide*, 1729 г. – издание с параллельными текстами на французском и английском языках. Как уже отмечалось, авторы большинства ранних путеводителей подчеркивают, что их книга будет полезна как для иностранцев, так и для местных жителей, то есть, ориентированы на общие потребности, сходные интересы европейского читателя, независимо от его национальной и языковой принадлежности, что может само по себе быть очень интересным свидетельством для историка.

В-третьих, путеводитель дает уникальный временной ракурс, уровень восприятия исторических изменений. Он не столь остросовременен как публицистические тексты периодической печати, но чутко и своевременно отражает те физические изменения городской среды, трансформацию общественного сознания, вкусов, образа жизни, которые происходят в течение от нескольких лет до десятилетия (учитывая частоту появления новых изданий и переизданий в этом жанре). Так что временной шаг, зафиксированный в текстах путеводителей, очень удобен для историка.

Еще один удобный момент для исследователя – стандартизированность подачи материала, что делает особенно эффективным сравнительный анализ текстов. Так, например, путеводитель Хаттона фиксирует изменения, которые произошли в архитектуре Лондона после пожара, давая описания «до» и «после», чем пользовались последующие авторы, даже Стивен Рен в своей «*Paretalia*» опирается на Хаттона, описывая церкви Сити. Кольсон описывает собор св. Павла на момент строительства.

Помимо изменений самой архитектуры города, путеводитель фиксирует изменение ее восприятия обществом. У того же Хаттона мы наблюдаем ранний случай изменения оценки готического стиля на более позитивную (по сравнению с принятым в классицизме). Описывая архитектуру Вестминстерского аббатства и часовни Генриха VII, Хаттон, будучи свободным от правил использования специальной лексики классицизма, применяет слово «древность» (*Antiquity*) для характеристики сооружений откровенно готического стиля¹⁷. Для сравнения: в сочинении Джона Эвелина *Antients* как «классическое» противопоставляется *Modern* или *Gothic* («варварское»)¹⁸.

В-четвертых, путеводитель не только описывает город в конкрет-

¹⁷ *Hatton E.* A New View of London. P. 496–497.

¹⁸ См.: *McKellar E.* Tales of Two Cities. P. 344.

ный период, но и показывает, как население осваивает городское пространство. Так, в уже упомянутом описании строящегося собора св. Павла Кольсона обращает внимание на то, что его используют как смотровую площадку с великолепным видом на город, а еще одна такая популярная видовая площадка – здание Колледжа врачей¹⁹.

Путеводители конца XVII – начала XVIII вв. описывают ставшие популярными и даже необходимыми во всех крупных городах Европы прогулочные зоны, причем они становятся все более удаленными от центра, значительно расширяя пространство того, что теперь называют городом. На страницах путеводителей мы наблюдаем, как Сеуен Дайлс (в Ковент Гардене), задуманный в конце XVII – начале XVIII вв. как «хороший район», постепенно превращается в трущобы.

Таким образом, путеводитель отражает не только «тело» города, но, если можно так выразиться, его «дыхание», жизнь, поведение, практики использования городского пространства людьми.

В-пятых, XVIII в. – время формирования стандарта путеводителя, следовательно, для этого периода его ценность как источника повышена, ведь сами структурные, стилевые изменения, также как и изменения в содержании текстов, которые мы обнаруживаем от одного издания к другому, отражают важные особенности общественного сознания в ту эпоху. Так, интересно наблюдать, как путеводители все больше уходят от формального, застылого изображения города и отражают текучесть, изменчивость городского пространства, что было действительно очень важным фактором жизни общества в тот период. Это мы замечаем, когда Кольсон строит свои маршруты, игнорируя муниципальные границы города, когда тот же путеводитель в третьем издании удлиняет пятый маршрут за счет новых пригородных районов, освоенных горожанами (к Ислингтону и Челси добавляются королевские дворцы в Гринвиче и Хэмптон Корте, а также – Эпсом и Виндзор, расположенные на расстоянии около 20 миль от города)²⁰.

Наряду с явственным ощущением подвижности городского пространства, ранние путеводители передают стремление видеть город классицистски регулярным, рационально познаваемым, удобным для буржуазного контроля и управления. Так, лондонцев очень огорчала нерегулярная планировка города, поэтому в путеводителях того времени отражено это стремление найти форму, некий паттерн пространства Лондона. План британской столицы ассоциируется у ее жителей то со «шляпой иезуита», то с «правилом плотника», то с «лавровым листом». Хаттон видит в плане Лондона кита, «нижняя челюсть которого – это Вестминстер, Сент-Джеймс Парк – рот, Полл-Молл – верхняя челюсть, Кок энд Пай-Филдс и Сеуен Стритс – глаз, остальная часть Сити и Саутворк до Восточного Смитфилда – тело и далее до

¹⁹ См.: *McKellar E. Tales of Two Cities. P. 340.*

²⁰ См.: *Ibid. P. 339.*

Лаймхаус – хвост...»²¹.

Если Кольсоны, чтобы задать некую структуру городу, намечает маршруты, то Хаттон дает ориентиры в городе – Тауэр для восточного района, собор св. Павла – для среднего, Чартинг-Кросс – для западного, приводя расстояния от этого маркера до основных улиц²².

В ранних путеводителях по Лондону проявляется еще одна важная ментальная характеристика европейской культуры этого времени. Театральность как эталон жизни и искусства XVIII в. обнаруживается не только в картинах Ватто, но и в текстах путеводителей. Они рекламируют и продают город прежде всего как зрелище, спектакль – и это не только исторические или художественные достопримечательности, но и люди. Часто особенно рекомендуемые авторами зрелища сближают образ Лондона с кунсткамерой, где лунатики из Бедлама, ужинающие ветераны госпиталя Челси²³ и прогуливающиеся в Хемптон-Корте члены королевской семьи оказываются «за соседними витринами».

Взгляд на европейское общество XVIII в. через призму первоисточника может быть чрезвычайно продуктивным. Этот нетипичный источник позволяет внимательному исследователю увидеть те глубинные связи, что опутывают политическую, экономическую, повседневную и культурную жизнь любого общества, а, значит, помогает воссоздать целостную картину исторической эпохи. Архитектура Лондона и его жители, элитарное и маргинальное пространство города, восприятие Лондона его жителями и гостями, особенности общественного сознания и его ментальные характеристики, и все это – еще и зафиксированное в определенной динамике – вот тот богатейший материал, который предоставляют нам ранние путеводители по Лондону.

²¹ *Hatton E.* Preface.

²² *Ibidem.*

²³ См.: *McKellar E.* *Tales of Two Cities.* P. 340.

А. К. Костина (Саратов)

СОВРЕМЕННАЯ МАГДАЛИНА: ПАДШИЕ ЖЕНЩИНЫ НА ПОЛОТНАХ ПРЕРАФАЭЛИТОВ

В викторианскую эпоху сложился идеал женственности, называемый «ангел в доме». Женщина должна была являть собой воплощение кротости, самопожертвования, следить за домашним очагом, самоотверженно посвящать себя детям и угадывать все желания мужа.

Антиподом домашнего ангела считалась падшая женщина, причем рамки этого падения трактовались очень широко. Женщину могли причислить к падшим потому, что она была слишком образованна, слишком независима в суждениях и поведении, не проявляла интереса к браку, или, напротив, слишком интересовалась чувственной стороной жизни; потому, что однажды была соблазнена или потому, что была вынуждена зарабатывать проституцией.

Причем соблазненность трактовалась не менее широко, чем рамки «падения». Слухи и сплетни распространялись молниеносно, если вдруг становилось известно, что незамужняя девушка была наедине с посторонним мужчиной, пусть и краткое время, а появление внебрачного ребенка, даже если, например, хозяин принудил служанку к связи, означало лишение рабочего места и изгнание из приличного общества. Женщина не могла получить никакой работы в другом доме. Если учитывать, что в XIX в. большинство работающих женщин было домашней прислугой, это был практически приговор. Генри Мэйхью, создавший объемный труд о жизни низшего и рабочего класса викторианского Лондона, писал, что только известных полиции проституток насчитывалось более восьми тыс., но реальные цифры, вероятно, были еще больше¹.

Обсуждать «неприличную тему» в приличном обществе и тем более отражать ее в произведениях искусства долгое время не было принято. Предполагалось, что леди и вовсе не догадываются о существовании такого порока как проституция, а джентльмены лишь слышаны и относятся к нему с отвращением. Тема падшей женщины была впервые поднята на выставке Королевской академии 1851 г., однако все произведения официальной живописи также служили осуждением для женщин, сошедших с праведного пути. На картине Ричарда Редгрейва «Изгнанная» (1851) отец гонит дочь и ее незаконнорожденного сына из дома. На триптихе Огастеса Эгга «прошлое и настоящее» перед зрителем предстает, пожалуй, самый ужасный образчик падшей женщины – замужняя женщина, предавшая мужа и детей ради любовника. Серия была впервые выставлена в 1858 г. с комментарием:

¹ См.: *Пикард Л.* Викторианский Лондон. М., 2011. С. 377.

«4 августа – только что узнал, что Б. умер больше двух недель назад, так его бедные дети потеряли обоих родителей. Я слышал, что ее видели в прошлую пятницу неподалеку от Стрэнда, очевидно, у нее нет крыши над головой. Каким же низким было ее падение!»². Наконец, на картине Фредерика Уотса «Утопленница» изображено бездыханное тело молодой женщины под аркой моста Ватерлоо, которая, вероятно, осознав свою вину, решила на самоубийство.

Однако далеко не все художники изображали своих падших героинь с таким осуждением. Участники братства прерафаэлитов, основанного в 1848 г., обратились к образу падшей женщины, желая изобразить жизнь такой, как она есть, ничего не отбрасывая, ничего не выбирая, ничего не презирая. С другой стороны, они считали, что искусство – это могущественная воспитательная сила, которая способна изменить человека и способствовать духовному здоровью: показать, какова на самом деле жизнь индустриального города, и какой она могла бы быть. Город представлялся прерафаэлитам средоточием искушений и пороков, а городское население – безнравственным и потерявшим невинность, которая свойственна деревенской жизни³. Одной из причин они видели фабрики и заводы, которые, хотя и улучшили жизнь людей, но уничтожили то, ради чего стоит жить⁴.

Они нередко заимствовали изобразительные традиции христианского искусства, сопоставляя или противопоставляя библейскую иконографию с жанровыми картинами, посвященными социальным проблемам, что должно было, по мнению художников, придать картине еще большую моральную важность, показать неустаревающую актуальность библейских тем и приспособить религиозную живопись к современному миру.

Картина «Возьмите вашего сына, сэр!», начатая в 1851–1852 гг., первоначально была задумана Фордом Мэдоксом Брауном как портрет смеющейся возлюбленной художника Эммы Хилл⁵. Однако спустя несколько лет он совершенно изменил и композицию, и формат картины. Сейчас о первоначальном размере картины зритель может судить только по подписи, сделанной рядом с фигурой младенца. Браун взял за основу традиционное изображение Богоматери с младенцем Христом. На картине изображена женщина, показывающая новорожденное дитя зрителю, который отождествляется с отцом ребенка. Кроме того мы можем видеть фигуру отца в отражении зеркала – он протянул руки, чтобы принять новорожденное дитя. Интересно, что круглое зеркало в золотой раме за спиной матери образует некое подобие нимба, а узор на обоях напоминает звездное небо.

² Victorianweb.org (дата обращения: 23.04.2014).

³ См.: *Ле Кар Л.* Прерафаэлиты. М., 2003. С. 52.

⁴ См.: *Брюнгас Г. И.* Рескин и Библия. К истории одной мысли. М., 1902. С. 34.

⁵ См.: *Surtees V.* The diary of Ford Madox Brown. L., 1981. P. 78.

Исследователи, как правило, придерживаются двух совершенно противоположных интерпретаций картины. Большинство рассматривает ее как образ триумфального материнства, жену, которая показывает супругу долгожданного новорожденного сына. Эта интерпретация поддерживает главную ценность викторианской эпохи – семью, центром которой была жена и мать, домашний ангел. Она подкреплена и использованием иконографии Христа и Богородицы, и тем фактом, что художник изобразил на картине себя вместе с женой и сыном. В таком случае название «возьмите вашего сына, сэр!» может выражать лишь слова матери, которая просит мужа подержать мальчика, чтобы они могли надеть на него ночную рубашку, пока служанка, чей силуэт остался только намеченным, приготовит колыбель.

Но, вероятнее всего, Браун предпочел изобразить реалии материнства и «неправильного семейного положения» – внебрачных связей. Эта тема была близка художнику – некоторое время его отношения с Эммой, будущей супругой, не были узаконены, а их дочь Кэтрин была рождена вне брака.

Фактически художник создал образ современной Богородицы – это отнюдь не традиционное изображение прекрасной матери, нежно прижимающей к себе новорожденного дитя. Взгляд женщины говорит скорее об утомленности от происходящего, чем о радости. Мертвенно бледное лицо с пунцовым румянцем настолько неестественно, что напоминает яркий грим, который ни одна благовоспитанная женщина не позволила бы себе нанести. Вероятно, она живет не в законном браке, а на содержании любовника и отдает себе отчет в том, что ее ожидает после рождения ребенка. Возможно поэтому мать так обреченно протягивает новорожденного отцу, напоминая и о его ответственности за случившееся и прося признать отцовство.

Мать вместе с ребенком и невидимый зрителю отец находятся по разные стороны картины, как по разные стороны баррикад. Ведь если к мужчинам, содержащим любовниц, общество относилось терпимо, то женщина считалась «падшей» и потерявшей свой путь в жизни, а ее ребенок был обузой для общества. В то же время в викторианскую эпоху продолжали играть важную роль религиозные идеалы, согласно которым – материнство свято. Таким образом, женщина, родившая ребенка вне брака, находилась между святостью и греховностью, и эту двойственность положения Браун подчеркивает с помощью христианских символов. Ореол вокруг головы женщины – символ святости, звездное небо – символ высших духовных сфер. Но при ближайшем рассмотрении они оказываются ненастоящими: нимб – зеркалом в золотой раме, а звезды – всего лишь рисунком на обоях. И сама героиня полотна соединяет в себе два образа – Мадонны и Марии Магдалины, святой и раскаявшейся блудницы. Художник оправдывает героиню своего полотна, в то же время напоминая о том, как отнесется к ней общество.

«Проснувшаяся стыдливость» Уильяма Холмана Ханта также затрагивает тему женщины на содержании. Хант изобразил комнату, которой был придан вид «фатальной новизны», подсказывающей зрителю, что это жилье специально снято покровителем для девушки-содержанки. Сцена происходит ближе к осени – об этом говорит отражение зеркала на стене желтеющих листьев, но живой природы как таковой на картине нет. В этом зритель, знакомый с привычными образами, может усмотреть истоки этой истории. Была весна, была встреча, знакомство, за которым последовали ухаживания, закончившиеся тем, молодая девушка, свернув с пути добродетели, очутилась в этой красиво обставленной золотой клетке. Только что молодая пара музицировала. Причем, девушка, одетая в неглиже, сидела на коленях у молодого человека. Что-то, скорее всего какая-то строчка исполняемого романса – «Свет дней былых» Т. Мура, вызвала у девушки некие ассоциации, взволновали ее, напомнили ей о беззаботном детстве и <...> о двусмысленности ее положения. Она изображена в динамичной позе, точно внезапно пробудившаяся ото сна. Удивленный и несколько раздосадованный (и, возможно, не принявший всерьез порыва девушки) мужчина пытается ее отвлечь, вернуть к приятному ничегонеделанию.

Картина насыщена деталями, говорящими о двусмысленном положении женщины: на полу лежит партитура романса «Бесполезные слезы» на стихи А. Теннисона, которая говорит об утраченной невинности, «смерти при жизни»⁶. Недалеко – скомканная перчатка, которая намекает зрителю на то, что через некоторое время девушка будет брошена любовником. Яркой деталью является введение в композицию картины кота и птицы, которой удалось ускользнуть из его лап. Интересно, что их позы напоминают позы мужчины и женщины, что говорит о возможном благополучном разрешении ситуации.

В своих воспоминаниях Хант писал, что он был впечатлен историей малютки Эмли, героини романа «Дэвид Копперфилд», которая бежала за границу с богатым аристократом и в итоге оказалась в публичном доме⁷. Художник не собирался делать иллюстрацию к роману, поскольку драматическая встреча дяди и племянницы или двух влюбленных не смогла бы передать главное – «добровольное изменение и мгновенная решимость начать достойную жизнь, которые и необходимо было подчеркнуть»⁸.

Решение творческой задачи пришло из Библии – в одной из притч Хант прочитал слова: «как он снимает одежду в холодную погоду, так он поет песни печальному сердцу»⁹. Художник писал, что эти «слова

⁶ Теннисон А. Волшебница Шалотт. М., 2007. С. 137.

⁷ См.: Hunt W. H. Pre-Raphaelitism and the Pre-Raphaelite Brotherhood. L., 1905. P. 429.

⁸ Ibidem.

⁹ Притч 25:20.

<...> вызвали желание показать, как человек, способствовавший падению девушки, мог сам неосознанно оказаться посредником для передачи божественного послания»¹⁰. Иными словами человек, толкнувший девушку на неверный путь и способствовавший ее падению, мог невольно оказаться причиной пробуждения стыда и нравственности.

Слова из Притчей Соломоновых были написаны на раме – подобный прием часто применялся Хантом и другими прерафаэлитами, чтобы подготовить зрителя к восприятию самой картины. Зрители, однако, не рассмотрели религиозного подтекста. Друзья Ханта посчитали, что «Пробудившаяся стыдливость» – сатира на современные нравы в духе «Модного брака» или «Карьеры проститутки» У. Хогарта. А критики и посетители выставки Королевской академии и вовсе не поняли, а, может быть, постеснялись понять замысел, видя на холсте то ссору между мужем и женой, то перепалку между братом и сестрой¹¹. В результате Холману Ханту, чтобы раскрыть религиозный смысл, пришлось поместить в каталоге выставки пояснение к картине – цитату из Библии: «укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие; скажите робким душою: будьте тверды и не бойтесь; вот Бог ваш, придет отмщение и воздаяние Божие; Он придет и спасет вас»¹².

Данте Габриэль Россетти обратился к теме современности в своей живописи лишь дважды, используя в обоих случаях поэму У. Б. Скотта «Розабелл» (позднее известную как «Мэриэнн»). На рисунке «Врата памяти» (1854) изображена проститутка, которая, готовясь выйти на свою «вечернюю работу», рассматривает девочек, которые забавляются, танцуя.

Картина «Найдена» – особое произведение в творчестве художника, начатая в 1853 г. и не законченная на момент смерти, она не была вдохновлена поэзией Данте и не была аллегорическим образом, которые так характерны для жизни художника. Картина была посвящена, пожалуй, одному из драматических эпизодов поэмы. Деревенский гуртовщик, приехавший в город, чтобы продать теленка, случайно встретился со своей возлюбленной, которая некоторое время назад уехала в большой город в поисках лучшей жизни, но оказалась в числе «падших». В одном из писем к У. Х. Ханту Россетти разъяснил свое видение сюжета: «картина представляет лондонскую улицу на рассвете, с фонарями, которые еще освещают мост, образующий задний фон. Погонщик оставил свою телегу, встав посреди дороги (в которой, я имею в виду в телеге, стоит мычащий теленок, которого привязали, чтобы отвезти на рынок). Некоторое время он бежал за девушкой, которая прошла мимо, блуждая среди улиц. Он только что догнал ее, и она, узнав его, от стыда упала на колени, к стене кладбища на перед-

¹⁰ *Hunt W. H. Pre-Raphaelitism and the Pre-Raphaelite Brotherhood. P. 430.*

¹¹ См.: *Шестимиров А. Уильям Холмен Хант. М., 2009. С. 17.*

¹² Ис 35:3–4.

нем плане, в то время как он стоит, схватив ее за руки, отчасти недоумевая, отчасти желая уберечь, чтобы она не причинила себе вреда»¹³.

Россетти намеренно выбрал для своей модели костюм «довольно яркий, но довольно поношенный»¹⁴. Яркий грим также выдает ее профессию. Приличные женщины не появлялись в подобных нарядах днем, а то время как падшие зачастую надевали самые лучшие наряды.

«Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою»¹⁵ – эти слова из книги пророка Иеремии написаны на одном из ранних набросков к будущей картине. Этот «самый прекрасный девиз» был подсказан сестрой Россетти Марией и был призван усилить драматизм и напомнить о невинном прошлом женщины. С другой стороны, эти слова могут подчеркивать безвыходное положение: в религии существует понятие мистического брака между богом и верующими, но Россетти представил совершенно противоположный вид духовного единства, узы между грешником и дьяволом, которые невозможно разорвать. Об этом свидетельствует одинокая фигура на мосту – падшим женщинам приходилось либо мириться со своим положением, либо кончать жизнь самоубийством.

По сюжету «Найдена» похожа на сюжет «Не тронь меня» (*noli me tangere*) – сцену явления Христа Марии Магдалине, которая первоначально не узнала его, приняв за садовника. Мария изображалась протягивающей руки к отстранившемуся Христу, позади них изображались стены Небесного Иерусалима. На полотне Россетти виднеется красная кирпичная стена кладбища (на эскизе можно увидеть надгробные камни за оградой) – единственного места успокоения заблудших душ. Кроме того, в данном случае праведник и грешник поменялись местами – житель деревни, в которой, по мнению прерафаэлитов, сохранялось благочестие, взывает к женщине, воплощающей в себе городские пороки.

На одном из надгробий отчетливо видна надпись, содержащая отрывок из притчи о заблудшей овце: «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии»¹⁶. Эти слова вновь напоминают о двусмысленном положении – либо девушка найдет спасение, либо она, как теленок в возе или одинокая фигура на мосту, обречена. Кроме того, можно предположить, что Россетти, как некогда Х. Хант в «Обращенной семье древних бриттов, спасающей миссионера от преследования друидов», попытался объединить три разновременных события – встречу с возлюбленным, которая повлекла за собой воспоминания о тихой жизни в деревне и раскаяние, сцену на мосту и, наконец, над-

¹³ *Hunt W. H. Pre-Raphaelitism and the Pre-Raphaelite Brotherhood. N. Y., 1914. P. 2.*

¹⁴ *Ibidem.*

¹⁵ *Иер 2:2*

¹⁶ *Лк 15:7*

гробный камень на городском кладбище, на неосвященной земле, с притчей, высеченной словно бы в назидание.

Этот набросок, датированный 1853 г., пожалуй, наиболее полная, законченная версия «Найденной». Живописный вариант был начат примерно в конце 1859 г., но Россетти работал над ним без энтузиазма, отвлекаясь на другие картины и сюжеты. Его ассистенты Генри Треффри Данн и Фридерик Шилдс помогали в работе над картиной, и, несмотря на то, что Россетти предпринимал попытки завершить картину вплоть до конца 1881 г., она так и осталась незаконченной. Художник сохранил расстановку героев, но исключил из полотна некоторые «говорящие» детали, в том числе и такие неприметные на первый взгляд, как сломанная роза, валяющаяся на дороге, и пара птиц, собирающая соломинки, падающие с воза. Россетти задумал свою картину, когда еще состоял в рядах братства прерафаэлитов, а помощь в улучшении духовного здоровья зрителя была одной из важных установок собратьев. После распада братства сюжет, его живописный вариант потеряли религиозный подтекст, став скорее отражением драмы современной женщины – обездоленной и одинокой жертвы индустриального города, потому как Россетти был «совершенно неспособен улучшить чье-либо состояние с помощью картин»¹⁷.

Полотна прерафаэлитов, касающиеся проституции, внебрачных связей, можно назвать в некоторой степени проповедническими, имеющими целью обратить сторонников процесса индустриализации. Причину поломанных женских судеб прерафаэлиты видели в развитии городов – искренность и чистота сельской жизни была утрачена, а на смену ей пришли всевозможные искушения, и люди, утратив способность сострадать, начали относиться друг к другу все безразличнее. А прерафаэлиты ставили одной из главных задач духовное возрождение нового общества.

¹⁷ *Stephens F. G. Dante Gabriel Rossetti. 1894. L., 1894. P. 3.*

**«ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС»
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
У. ПИТТА-МЛАДШЕГО**

Уильям Питт-младший (1759–1806) – один из наиболее ярких политиков Великобритании. Заняв пост премьер-министра в 24 года¹, он оставался на этом посту, с кратким перерывом в 1801–1804 гг., почти 20 лет. При этом политическом лидере резко возросла роль правительства, которое превратилось в независимый от короля государственный орган, отчитывающийся за свою деятельность перед парламентом. Впрочем, это не было проявлением каких-либо личных амбиций Питта. Время его правления совпало с тяжелыми испытаниями для Англии, среди которых – многочисленные внутренние проблемы и падающий престиж ослабленного государства на международной арене, особенно после провозглашения независимости Североамериканских колоний. Целесообразность укрепления политических позиций Питта подкреплялась также начавшимся противостоянием с революционной Францией.

Одним из новых направлений в сфере внешнеполитического курса Англии, разработанных и осуществленных по инициативе Питта, стал так называемый «восточный вектор». Как известно, в предшествующий период у островного государства было два акцентированных внешнеполитических приоритета: захват и освоение заморских территорий, а также эгоистически-осторожное участие в делах континентальной Европы. Таким образом, «восточный вектор» (с 1819 г. – «Восточный вопрос»), позволивший Англии уже на ранней стадии упадка Османской империи обеспечить свое военно-политическое присутствие и влияние в Восточном Средиземноморье, весьма удачно подкреплял ее колониальные и европейские амбиции.

Следует напомнить: до Питта английское присутствие на Востоке было «догоняющим». Как и другие европейцы, англичане принимали участие в крестовых походах на Святую землю. После падения Византии, вслед за французами, они предприняли попытку установить дипломатические и торговые отношения с Османской империей. Уже в 1583 г. в Стамбул был направлен английский посол Уильям Харборн. Параллельно начала свою деятельность торговая Левантийская ком-

¹ Приход У. Питта-мл. к власти в столь молодом возрасте вызвал всплеск общественного интереса, отразившегося на страницах многочисленных памфлетов. Текст одного из них содержал такую оценку этого события: «все страны удивило явление одно: все наше королевство мальчишке отдано». См.: «52 Past Prime Ministers». URL: <https://www.gov.uk/> (дата обращения: 21.11. 2014).

пания. Несмотря на дипломатические успехи Лондона, стратегически важные контакты с османами оказались в руках частных лиц. Правительственная политика по-прежнему сосредотачивалась на территории Нового Света, где создавались многочисленные английские колонии. По этой причине более столетия английские послы при султанском дворе выполняли функции агентов Левантийской компании. Впрочем, к началу XVIII в. английская дипломатическая линия в Стамбуле стала более акцентированной. Однако она по-прежнему зависела от европейской системы союзов. При этом в центре внимания англичан было соперничество с Францией².

После прихода во власть У. Питта-мл. (1783) «восточный вектор» внешней политики Англии начал стремительно и качественно меняться. Повороту на Восток способствовали не только усилия молодого премьер-министра, но и объективные причины. В результате Семилетней войны (1756–1763) во владении англичан оказались обширные территории Индии. Это обстоятельство принесло новые хлопоты – отдаленными колониями надо было эффективно управлять, а также защищать право на их обладание. «Индийскими делами» с 1600 г. занималась Ост-Индская компания. Она имела монополию на торговлю в регионе и платила за ее сохранение солидные налоги в государственную казну. Компании подчинялись те индийские территории, где она располагала собственными вооруженными силами. Однако со второй половины столетия у компании возникли трудности. В частности, это было связано с падением объема продаж в североамериканских колониях. В этой ситуации премьер-министр лорд Норт решил предпринять шаги по установлению над Индией прямого государственного контроля. Для этого в 1773 г. был принят «Регулирующий акт» для улучшения управления Ост-Индской компанией. Согласно этому документу, данная структура обязывалась назначать генерал-губернатора, его советников и судей для обеспечения действия британского законодательства. Акт вызвал протест со стороны акционеров, посчитавших его посягательством на собственные права. С их мнением, которое опиралось на мощное лобби в парламенте, нельзя было не считаться.

Поскольку акт исполнялся формально, У. Питт-мл., заняв свой высокий пост, немедленно обратился к этой проблеме. Его Индийский билль 1784 г. предполагал создание специальной комиссии из членов парламента и Тайного совета с целью установления надлежащего контроля над гражданской, военной и доходной деятельностью своенравной Ост-Индской компании³. Обеспечение более жесткого государственного «присмотра» над индийскими владениями потребовало от

² См.: Wood A. C. The English Embassy at Constantinople, 1660–1762 // The English Historical Review. 1925. V. 40. No. 160. P. 541.

³ См.: Pitt's India Bill of 1784. URL: <http://www.indohistory.com/> (дата обращения: 21.11.2014).

правительства Англии налаживания надежного способа сообщения с ними. Отправлять важные депеши в обход Африки представлялось неприемлемым по причине протяженности данного маршрута. Вариантов более короткого пути в Индию было два: из Англии в Средиземное море (через Египет и Красное море); или через территорию Восточного Средиземноморья (через Сирию, Ирак и Персидский залив). Англичане постарались получить согласие на транзит почты и товаров через турецкие провинции со стороны султана, тем более что на этих территориях уже были открыты английские фактории Левантийской компании. Однако даже разрешение местных властей не гарантировало безопасности транзитных перевозок. Со своей стороны, Ост-Индская компания без дополнительных гарантий отказывалась платить за разработку более короткого маршрута, предлагаемого правительством. Компания предпочитала традиционные и более надежные морские коммуникации⁴. Поэтому перспективы открытия нового пути сообщения в Индию через турецкие владения оставались для английских торговцев туманными. Однако «восточный вектор» во внешней политике и торговле для Лондона во второй половине XVIII столетия уже приобрел особое значение и стал по-настоящему приоритетным.

Дополнительным и чрезвычайно важным фактором, привлекающим внимание европейцев и, в частности, англичан к региону Восточного Средиземноморья, стали симптомы упадка Османской империи. В 1768 г. в турецком Египте начался мятеж местных феодалов – мамелюков, перекинувшийся на соседние территории, прежде всего, на Сирию. Одновременно началась Русско-турецкая война (1768–1774). При этом мятежники установили контакты с представителями прибывшего в Средиземное море русского флота во главе с А. Г. Орловым. Опираясь на поддержку сепаратистов, русские моряки не только разгромили турок в Чесменском сражении, но и попытались захватить ряд сирийских портов⁵. Поражение турок и Кючук-Кайнарджийский мирный договор, предусматривавший включение в состав России Крыма и Северного Причерноморья, открыли новую страницу в уже начавшемся противостоянии великих европейских держав вокруг «Восточного вопроса»⁶.

⁴ Одним из поводов для отказа разрабатывать сухопутный маршрут на Восток стал результат специального эксперимента. Из Лондона были одновременно посланы по суше и по морю пакеты с документами. При этом пакет, отправленный сушей, прибыл в Индию всего на 13 дней раньше (к тому же он был поврежден).

⁵ См.: *Хметевский С. П.* Журнал Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии в 1770–1774 годах // Литературный журнал Современник. 1855. Т. 49. № 1. С. 52–53.

⁶ См.: Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией // Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. С. 78–82; Айналы-Кавакская конвенция от 10 марта 1779 г. URL: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 12.03.2013).

Одним из первых политиков Европы, заявивших о факте существования «Восточного вопроса», стал У. Питт-младший⁷. С самого начала своей политической карьеры он признавал его важность для своей страны. Молодой премьер не менее прозорливо определил и главного противника Англии в регионе возможного «конфликта интересов». По его словам, главным врагом Лондона в этом регионе являлась не слабеющая Франция, а молодая Российская империя. Питт подчеркивал, что ближайшая цель Петербурга – установление контроля над черноморскими проливами и захват одного из островов стратегически важного Ионического архипелага. Подобные «разоблачения» в то время казались фантастическими. К тому же, Россия опиралась в своих действиях на абстрактный «Греческий проект», который сама Екатерина II расценивала в качестве далекого от реализации⁸. Впрочем, действия эскадры Алексея Орлова в Эгейском море доказывали обратное, что предоставило Питту вполне реальный повод для опасений.

Вскоре англо-русское соперничество в Восточном Средиземноморье приобрело конкретные формы. Франция, спровоцировав новую Русско-турецкую войну (1787–1791), не смогла, ввиду начавшейся революции, поддержать Османскую империю. В этой ситуации Англия впервые открыто выступила против России, пытаясь не допустить поражения турок. В ультимативной форме Англия потребовала вернуть Стамбулу захваченные территории и крепости, из которых наиболее существенным приобретением для русских был Очаков, и принять свое посредничество в мирных переговорах. Категоричный отказ Петербурга спровоцировал дипломатический конфликт, едва не переросший в войну. Питт, убежденный в необходимости решить дело в свою пользу, воспользоваться моментом и утвердить английское влияние в Стамбуле, обратился к парламенту с просьбой о выделении военных кредитов. Однако его воинственный пыл победило благоразумие умеренных политиков, не желавших терять Россию в качестве торгового партнера, а также дипломатов и некоторых членов кабинета, не видевших смысла начинать полномасштабные военные действия с целью помочь Турции, к тому же первой объявившей войну⁹.

«Очаковский кризис» и военная тревога 1791 г. стали первым проявлением англо-русских противоречий в «Восточном вопросе». При этом Питт подкрепил собственные внешнеполитические позиции в Европе. Ему удалось сформировать Тройственный союз (Англия, Голландия, Пруссия), который уже не был нацелен на вооруженное про-

⁷ Пальму первенства в «восточных» делах продолжала сохранять за собой Франция. В частности, министр иностранных дел граф де Верженн, в 1750–1771 гг. состоявший французским послом при султанском дворе, заявил о появлении новой зоны конфликта на Ближнем Востоке.

⁸ См.: Коршунова Н. Восточный вектор геополитики Екатерины II: «Греческий проект» // Вестн. Челябинского ун-та, 2003. № 10. С. 63.

⁹ См.: Black J. British foreign policy in an age of revolutions, 1783–1793. Cambridge, 1994. P. 257.

тиводействие России, равно как и на помощь Порте. Сами континентальные союзники Британии считали антирусскую коалицию лишь средством дипломатического давления на императрицу, «свобода рук» которой на Востоке должна была быть куплена, по их мнению, путем уступок в Польском вопросе¹⁰.

Решающее влияние на изменение внешнеполитического курса Англии оказали события Французской революции. Ослабление международных позиций Франции, которое последовало за революционными катаклизмами, позволило Лондону сконцентрироваться на достижении своей главной стратегической задачи: окончательно устранить своего европейского конкурента. Прецедент для этого был создан весьма скоро: Париж оказался в состоянии революционной войны с феодальной Европой после ликвидации монархии и провозглашения Республики (1792). Идейным вдохновителем и создателем первой антифранцузской коалиции стал У. Питт-младший. Хотя после начала Французской революции он заявлял, что Англия близка к миру с Парижем и даже планировал сокращение вооружений, тем не менее, после казни короля Людовика XVI (1793) Англия объявила Франции войну. Стоит отметить, что в британском кабинете начались разногласия по поводу того, как лучше воспользоваться слабостью давнего соперника. Противоположные позиции представляли министр иностранных дел лорд Уильям Гренвилль и военный министр Генри Дандас. Первый выступал за борьбу на континенте, второй, будучи по совместительству главой комитета по управлению делами Индии, был заинтересован в колониальной экспансии за счет «выпавшей» из большой политики Франции¹¹. Министры оказали значительное влияние на внешнеполитическую стратегию У. Питта-мл.¹², в которой были совмещены обе позиции.

После создания коалиции Англия предоставила европейским союзникам возможность воевать на континенте, а сама приступила к захвату ряда французских колоний в Вест-Индии. Затем наступил черед Средиземного моря. От захваченного еще в 1704 г. Гибралтара британский флот попытался продвинуться на Восток – в Тулон, на Корсику, в порты Апеннинского полуострова. Одним из первых шагов Англии на пути реализации ее морской стратегии была попытка установить сотрудничество с Испанией – еще одной морской державой. С этой целью в 1793 г. офицеры британского флота посетили Кадис. Однако от Испании к тому времени оставалась только тень былого могущества.

¹⁰ См.: *Cunningham A. The Oczakov debate // Middle Eastern Studies. 1965. V. 1. №3. P. 215.*

¹¹ См.: William Windham, Lord Grenville. URL: <https://www.gov.uk> (дата обращения: 21.11.2014); Henry Dundas, Viscount Melville. URL: <http://www.scotlandspeople.gov.uk/> (дата обращения: 21.11.2014).

¹² С обоими министрами Питта связывали дружеские, а с Гренвиллем – еще и родственные отношения.

Г. Нельсон, активный участник этих событий, писал начальству: «доны умеют делать хорошие корабли, но не хороших моряков»¹³. Англо-испанский военный союз был создан, но не просуществовал долго – в 1796 г. Испания вновь перешла на сторону Франции. В итоге испанский флот был наголову разбит англичанами в сражении при мысе Сент-Винсент (1797).

Развивая конфронтацию с Францией, англичане поддержали в 1793 г. роялистское восстание в Тулоне – одном из главных средиземноморских портов Франции. Ситуация для вмешательства сложилась самая благоприятная. В августе 1793 г. местные сторонники свергнутой династии заочно провозгласили королем Франции Людовика XVII (сына казненного короля). В преддверии боев с республиканской армией город решил разоружить флот и передать корабли и портовые укрепления под защиту адмирала С. Худа, командовавшего английской эскадрой в Средиземном море. В процессе предварительных переговоров английский адмирал поручился, что после заключения мира форты и корабли будут в целостности возвращены. 27 августа соединенный англо-испанский флот из 40 кораблей вошел на тулонский рейд. Уже в декабре 1793 г. Тулон был осажден республиканскими войсками, располагавшими сильной артиллерией. По этой причине союзный флот был вынужден оставить Тулон. В момент отступления адмирал Худ пытался уничтожить опекаемые французские суда, что противоречило условиям сотрудничества. Только поспешность отступления помешала британцу выполнить задуманное в полной мере¹⁴. В конце концов, город сдался республиканцам. После этой неудачи главной целью английского флота стала поддержка сухопутных операций противников Франции в узкой береговой полосе между Альпами, Апеннинскими горами и морем. Следовало также оказывать надлежащее давление на итальянские государства (Пьемонт, Неаполитанское королевство), направляя их на продолжение борьбы против французов.

Решая в акватории Средиземного моря разнообразные тактические и стратегические задачи, английский флот нуждался в надежных, укрепленных базах¹⁵. В начале кампании эту роль играл французский Тулон, однако потеря этого порта вновь актуализировала данную тему. В конце концов, в декабре 1793 г. ставка была сделана на остров Корсику. Намерениям англичан способствовали события на острове, который был охвачен антифранцузским восстанием. В январе 1794 г. английский гражданский комиссар сэр Дж. Эллиот, назначенный изначально для управления Тулоном, отправился на Корсику, где вошел в сообщение с восставшими. Скоординировав с ними усилия, англий-

¹³ Трухановский В. Г. Судьба адмирала: триумф и трагедия. М., 1984. С. 80.

¹⁴ См.: Мэхен А. Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю / пер. с англ. М.; СПб., 2002. Т. 1. С. 144.

¹⁵ См.: Fedorak C. J. The Royal Navy and British Amphibious Operations during the Revolutionary and Napoleonic Wars // Military Affairs, 1988. Vol. 52, No. 3. P. 142.

ская эскадра овладела крепостями Сен-Флоран, Бастия и Кальви. Повстанцы предложили корону Корсики английскому королю, который ее принял и назначил Эллиота вице-королем завоеванного острова. Паскуале Паоли, вдохновитель и глава антифранцузского восстания, был отстранен от дел, получил пенсию и вскоре уехал в Англию, где и скончался¹⁶. В 1796 г. общая и в целом благоприятная для англичан картина дел на суше и на море изменилась. Блестящая итальянская кампания генерала Бонапарта, добившегося выхода из войны Священной Римской империи и Пьемонта, лишила английских моряков всякой опоры на берегах Италии. К тому же, по итогам громких побед французского оружия в Италии и Германии на Корсике вновь усилилась французская партия. При поддержке Парижа местные патриоты-республиканцы начали угрожать английским гарнизонам; последние держались, только опираясь на силу своей эскадры. Но и эта опора становилась ненадежной. Вскоре английский контингент был переведен с Корсики на остров Эльба, но ненадолго. Уже вскоре было принято решение очистить и эту базу. Позиции Британии на Средиземном море сильно пошатнулись, особенно после захвата Бонапартом Италии (1797). Из постоянных военных баз в этом регионе у нее оставался лишь Гибралтар, запиравший ворота в Атлантику на западе. Тем не менее, мир по итогам войн первой коалиции Англия так и не подписала.

Весной 1798 г. Англия с тревогой наблюдала за военными приготовлениями французских армии и флота в Тулоне. С целью предупредить действия противника в Средиземное море была отправлена британская эскадра, командовать которой было поручено Г. Нельсону. Его кандидатура, как человека, отлично знающего регион, была одобрена Питтом. Адмирал и его корабли не подвели – разгром французского флота при Абукире (1798) резко изменил ситуацию в Восточном Средиземноморье в пользу Англии. Премьер-министр произнес речь в парламенте, в которой гордость за нацию-победительницу сочеталась с мыслью о необходимости новых военных расходов¹⁷.

Победа Англии вдохнула силы в европейские государства, которые решили объединиться во второй антифранцузской коалиции. Она была сформирована в 1798–1799 гг. как ответ на вторжение Наполеона в турецкие провинции – Египет и Сирию. Англия и Россия выступили «спасительницами» Османской империи. Однако в действиях сторон, начавших соперничество в регионе, не было согласия. Попытки вбить клин между русским и турецким командованием, «перетянуть» освобожденные русскими Ионические острова под британский протекторат и захват Мальты привели к выходу России из состава антифранцузской коалиции, к разрыву англо-русских отношений. В 1801 г., как и десятилетием ранее, Англия и Россия стояли на пороге войны. Важ-

¹⁶ См.: *Carrillo E. A. The Corsican Kingdom of George III // The Journal of Modern History. 1962. V. 34. No. 3. P. 271.*

¹⁷ См.: *The War Speeches of William Pitt the Younger. Oxford, 1915. P. 238.*

но отметить, что теперь у Питта было больше сторонников открытого столкновения с русскими. Об этом свидетельствуют анонимные политические памфлеты, в которых были представлены агрессивные планы России в отношении Турции¹⁸. Впрочем, противники войны с Петербургом – особенно после убийства Павла – вновь торжествовали, и это привело к отставке правительства.

Тем временем, международное положение Англии становилось незавидным. Коалиция разваливалась, страна оказалась на грани войны с двумя самыми мощными европейскими государствами – Францией и Россией. Причем обе они почти одновременно обратили свои взоры на Индию. «До 1798 г., – отметил английский историк Э. Ингрэм, – англичане не хотели переплачивать за безопасность и эффективность коммуникаций, связывавших их с Индией и Ближним Востоком; появление в Африке французской армии поставило перед ними эту необходимость»¹⁹. Еще до Восточного похода Наполеона Бонапарта Ост-Индская компания отправила в Багдад своего представителя Харфорда Джонса с целью организовать противодействие французам на пути их возможного следования в Индию. В частности, предполагалось привлечь к борьбе иранского шаха. К угрозе со стороны Франции добавилась угроза со стороны России, особенно после присоединения к ней Грузии. По данным некоторых английских дипломатов, именно через Грузию, а затем Персию, должен был пролегать маршрут русских войск, направленных Павлом I в Индию. В этой ситуации «Восточный вопрос» приобрел для Англии небывалую ранее актуальность.

Это признавал и Генри Аддингтон, сменивший Питта на посту премьера²⁰. В отличие от своего предшественника, он считал главным врагом на Востоке Францию, поэтому вместе с министром иностранных дел лордом Хоксбери предпринял ряд усилий для восстановления отношений с Россией²¹.

Впрочем, политическая опала Питта длилась недолго. В 1804 г., вскоре после разрыва Амьенского мира, У. Питт вернулся на свой высокий пост и занимал его еще два года. За это время правительству удалось реформировать работу английской миссии в Стамбуле. В частности, здесь появился специально назначаемый дипломатический представитель, который уже не являлся агентом Левантийской компании, как это было принято, начиная с 1583 года. Отныне ее торговые

¹⁸ См.: *Observations on the Commerce of Great Britain with the Russian and the Ottoman Empires and on the Projects of Russia against the Ottoman and British Dominions*. L., 1801.

¹⁹ *Ingram E.* From Trade to Empire in the Near East – III: the Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804 // *Middle Eastern Studies*. 1978. V. 14. № 3. P. 287.

²⁰ См.: *Huntingford G.* Brief memoirs of Henry Addington's administration, through the first fifteen months from its commencement. L., 1802.

²¹ См. *Fedorak C. J.* In Search of a Necessary Ally: Addington, Hawkesbury and Russia, 1801–1804 // *International History Review*. 1991. V. 13. № 2. P. 221–245.

интересы представлял генеральный консул²². Дипломатам помогали английские переводчики, заменившие местных драгоманов²³. Из Стамбула была налажена связь с британскими консулами на Архипелаге и в Греции. Было также восстановлено сотрудничество с Россией, ставшей союзницей в антифранцузском альянсе.

Подводя итоги, можно утверждать, что У. Питт-мл. отводил «Восточному вопросу» значительную и во многом решающую роль в своей внешнеполитической стратегии. Разумеется, в годы его правления это направление не стало главенствующим: Англия слишком много сил тратила на противостояние с Францией в самой Европе. Однако прозорливость Питта предопределила будущее участие Англии в ближневосточных делах. Именно этот политик определил наличие новой внешнеполитической проблемы, обозначил главных врагов Англии и методы борьбы с ними. Предложенная Питтом «восточная» стратегия была взята на вооружение в будущем и обеспечила преобладающее влияние Британской империи на восточных территориях ослабленной Османской Порты.

²² См.: *Ingram E.* From Trade to Empire in the Near East – III: the Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804. P. 279.

²³ См.: *Berridge G. R.* English Dragomans and Oriental Secretaries: the Early Nineteenth Century Origins of the Anglicization of the British Embassy Dragomanat in Constantinople // *Diplomacy & Statecraft*. 2003. V. 14. № 4. P. 137–138.

**ВОСПРИЯТИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В США
В НАЧАЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ:
ОБРАЗ ГОСУДАРСТВА И ОБРАЗ НАРОДА**

Взаимоотношения СССР и США как двух супердержав в первые послевоенные годы во многом определяли мировой политической ландшафт. Их ухудшение, скатывание от союзничества к конфронтации способствовало началу холодной войны. Важным признаком и следствием напряжения в советско-американских отношениях стало изменение восприятия Советского Союза в Соединенных Штатах Америки. Образ СССР традиционно опирался на два начала – образ советского государства и образ русского народа, выявление соотношения и содержания которых в начале холодной войны, в 1945–1949 гг., является целью данной статьи.

В годы Второй мировой войны Советский Союз воспринимался в Соединенных Штатах как доблестный союзник, а советский народ – как мужественный борец с нацизмом. Такое положительное восприятие было продиктовано нуждами военного времени и активно поддерживалось на государственном уровне. Администрация президента Ф. Д. Рузвельта с 1943 г. начала целенаправленную кампанию по созданию позитивного образа Советского Союза. «Облагораживание» образа СССР проводилось большинством американских средств массовой информации с целью превратить СССР в такого союзника, в которого американцам хотелось бы верить.

Победы Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге справедливо интерпретировались в США как проявление доблести советских солдат и мужества всего населения СССР. Переход наступательной инициативы к Красной Армии укреплял в США уверенность в победе союзников. В американской прессе советский народ изображался как героическая нация, достойная восхищения¹. Таким образом, в 1944 г. СССР превратился в глазах многих американцев в высокоэффективное и хорошо организованное современное государство. Самыми распространенными эпитетами в отношении Советского Союза в это время стали: «достойный», «смелый», «благородный»².

Дружественный тон в отношении СССР на протяжении всего пе-

¹ См.: *Александр Ч. С.* «Дядя Джо»: образы Сталина в период наивысшего развития антигитлеровской коалиции // *Американский ежегодник.* 1989. М., 1990. С. 30–42.

² *Печатнов В. О.* От союза – к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг.) // *Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива:* Сб. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. С. 21–28.

риода военных действий задавался Белым домом вплоть до смерти Ф. Д. Рузвельта.

Однако завершение войны в Европе и приход в Белый дом Г. Трумэна послужили поводом к смене акцентов в восприятии Советского Союза. Теперь, когда не было нужды доказывать надежность союзников Вашингтона, СМИ и официальная пропаганда смотрели на СССР более критично³.

Конфронтация в советско-американских отношениях, начавшаяся во второй половине 1945 г., отразилась и на восприятии Советского Союза в США, но преимущественно в политическом истеблишменте.

Выражением смены акцентов в восприятии СССР в США стала знаменитая «длинная телеграмма» Дж. Кеннана от 22 февраля 1946 г., в которой также прослеживалось разграничение между советским государством и народом, его населявшим. В данном документе автор рисовал советское правительство стремящимся разрушить традиционный образ жизни американцев, ликвидировать международное влияние Вашингтона в целях обеспечения собственной безопасности⁴. Ассоциируя Советский Союз, прежде всего, с его руководством, автор «длинной телеграммы» отделял от него русский народ. «Последний, в целом, дружелюбно настроен к внешнему миру, стремится познакомиться с его опытом, сравниться с ним своими талантами, стремится превыше всего жить в мире и наслаждаться плодами своего труда»⁵. Дж. Кеннан называл коммунистическую идеологию основной причиной советского экспансионизма и призывал сопротивляться «болезнетворному паразиту»⁶, используя разнообразные методы и внутри США, и за их пределами.

Образ СССР уже не был столь однозначно позитивен, как в годы войны. Амбивалентность образа, представленного в «длинной телеграмме» Дж. Кеннана, была основана на анализе положительной ментальности русского народа и отрицательной сущности советского режима. И хотя советский народ по-прежнему представлялся Дж. Кеннаном в рамках сложившегося ранее образа союзника, советское государство было показано в ином свете. Однако данный документ был предназначен для ограниченного круга пользователей. А первым на Западе, кто открыто заявил о новой угрозе миру со стороны коммунизма, стал бывший премьер-министр Великобритании У. Черчилль, выступивший с речью в Вестминстерском колледже г. Фултона, штат Миссури, США.

³ См.: Печатнов В. О. Американские образы СССР в 1945 году // Вестник МГИМО – Университета. 2010. № 5(14). С. 28–32.

⁴ См.: Поверенный в делах в Советском Союзе Дж. Кеннан государственному секретарю // Холодная война в международных отношениях второй половины XX в. Тамбов, 2001. С. 12–29.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Там же. С. 28.

У. Черчилль, также как и Дж. Кеннан, только публично, выразил восхищение русским народом, но при этом подробно остановился на описании диктаторских и империалистических намерений коммунистического режима⁷. Такое разделение было закономерно. У. Черчилль прекрасно понимал, что советские люди заслужили в годы войны уважительное отношение к себе со стороны мирового сообщества, и это бессмысленно было отрицать. Но бывший премьер-министр, известный антикоммунистическими взглядами, в своей речи не мог не подчеркнуть тоталитарную сущность советского государства, основанную на враждебной Западу идеологии. Личное присутствие главы Белого дома в Фултоне во время этого выступления означало молчаливое одобрение отказа на официальном уровне от прежнего монолитного видения СССР как союзника. Хотя Г. Трумэн и избегал резкой критики Советского Союза и его политики, все говорило о том, что поворот в восприятии СССР произошел. Президент был сдержан в своих высказываниях относительно Советского Союза, не демонстрировал особого дружелюбия⁸.

Речь У. Черчилля была воспринята населением США неоднозначно. Как показал опрос общественного мнения, 68% опрошенных слышали или читали речь бывшего британского премьер-министра, но лишь 22% из них поддержали идею сдерживания СССР при помощи военной силы союзом США и Великобритании, а 40% высказались против этого⁹. Очевидно, что американское массовое сознание было не готово к столь резкой смене оценок.

Однако официальный Белый дом в своей риторике делал упор на интерпретацию действий советского правительства как враждебных США, при этом не апеллируя к положительному образу русского народа. Это приводило к постепенной ориентации американской общественности на негативное восприятие Советского Союза в целом. В сентябре 1946 г. 62% опрошенных американцев отметили, что стали за последний год относиться к СССР менее дружелюбно¹⁰.

Двойственность, обозначившаяся в восприятии Советского Союза в 1946 г., не была новшеством для американского массового сознания. Ее корни имели долгую историю в США. Еще с 1917 г. образ Советской России в Соединенных Штатах был неоднородным. Он состоял из образа русского народа, имевшего многовековую историю и богатую культуру, и образа коммунистического правительства, как тогда считали в США, недолговечного по своей сути. Послевоенный образ СССР

⁷ См.: Выступление У. Черчилля в Вестминстерском колледже г. Фултона, штат Миссури, США. 5 марта 1946 г. // Холодная война в международных отношениях второй половины XX в. С. 29–41.

⁸ См.: Public Papers of the Presidents of the United States. Harry S. Truman. January 1 to December 31, 1946. Washington, 1962.

⁹ См.: The Gallup Poll; public opinion, 1935–1971 / by G. H. Gallup. N. Y., 1972. P. 567.

¹⁰ См.: Ibid. P. 599.

складывался преимущественно на основе предыдущего опыта восприятия в Соединенных Штатах российского, а затем и советского государства. В целом образ государства более подвижен, и его трансформация происходила с изменением международной, экономической или идеологической политики, со сменой правительства. Образ народа более устойчив, поскольку он формируется в общественном сознании не столько в связи с текущим, но и прежним опытом взаимоотношений между народами. Формирование образа советского государства осуществлялось на основе интерпретации внешнеполитических акций и заявлений СССР, его международной линии. При этом информации, характеризующей советский народ, в США было крайне мало. Руководство СССР ограничивало международные контакты своих граждан, препятствовало распространению за рубежом сведений о жизни внутри страны. Советский народ в восприятии американцев стал превращаться в жертву коммунистического режима, советские люди представлялись подавленными, лишенными выбора и всяческих свобод. В воспоминаниях американцев о периоде начала холодной войны встречается ироничное упоминание о том, что русские имели лишь право выбора только между двумя цветами губной помады, в то время как в американских магазинах их было представлено более 500¹¹.

Жизнь в СССР представлялась американцам «серой»: безликие однотипные дома, хмурое небо, неприветливые мужчины в грубых пальто или военной форме и женщины в платках. Русские люди изображались безликой массой. Такое видение было продиктовано воздействием пропаганды, которая, подчеркивая нарастающую агрессивность советского государства, обезличивала население, там проживавшее. В условиях недостатка информации о жизни в Советском Союзе и отсутствия личных контактов с русскими создавалась благоприятная среда для укоренения подобных образов. Когда же контакты у американцев с русскими случались, то они, как правило, оставляли неизгладимое впечатление, поскольку советские мужчины и женщины в реальной жизни кардинально отличались от сформированных о них представлений. Все, кому довелось увидеть русских или пообщаться с ними, отмечали их красоту, стать, яркость.

В устноисторических интервью встречаются описания впечатлений от этих контактов: «Он был более шести футов ростом (более 183 см. – *Е. С.*). Очень мускулист. Голубые глаза. Черные волосы. <...> Это был действительно самый красивый человек, которого я когда-либо видела в моей жизни»¹². В другом интервью есть описание встречи с русскими женщинами, которые, как показалось респонденту, были не только очень красивы и привлекательны, но и еще достаточно образованны и умны. «Эта встреча расколола лед. Я начал видеть

¹¹ См.: Interview with Holly Ketron // Архив автора. Holly Ketron. P. 5.

¹² Interview with Rona Foot La Prade // Архив автора. Rona Foot La Prade. P. 4.

в русских реальных людей»¹³. Очевидно, что такое впечатление было гипертрофированным и формировалось «от противного», поскольку шло вразрез с представлением, насажденным пропагандой.

Однако такие встречи были большой редкостью. Основная часть американцев не имела возможности составить собственное впечатление о советском народе и во многом была подвержена пропагандистским клише.

Открытое объявление коммунистического режима враждебным произошло в 1947 году. Выступая в Конгрессе по случаю провозглашения «доктрины Трумэна», президент говорил о благополучии американской нации, которое может быть подвергнуто опасности. Г. Трумэн описывал возможные последствия отказа в помощи иностранным государствам согласно «теории домино»: попадание Греции под «влияние воинствующего меньшинства» повлечет за собой тяжелые последствия для Турции, это приведет к распространению «беспорядка» по всему Среднему Востоку, что не может не сказаться на странах Европы, а потеря свободы и независимости там будет губительна для всего мира¹⁴. После чего в прессе была развернута целенаправленная кампания в поддержку предложенной программы, результатом которой стало закрепление в массовом сознании образа врага. В Соединенных Штатах складывается идеология «крестового похода» против коммунистической угрозы.

В восприятии советского народа акценты переносятся с его жертвенности на его вину в допущении агрессивного режима. Теперь в представлении американцев советские люди выступали безбожниками, поскольку, по их мнению, коммунисты не могли быть христианами и вообще стремились к уничтожению христианского вероучения¹⁵. В начале 1948 г., согласно опросам общественного мнения, 73% американцев считали, что СССР может в любой момент начать войну за территории или ресурсы¹⁶.

Очевидно, что уже к 1949 г. образ СССР приобрел в черты, свойственные образу врага. Его демонизация проявлялась особенно ярко в заявлениях политических деятелей США. Губернатор штата Нью-Йорк Т. Дьюи называл СССР беспощадной диктаторской державой, которая стремится уничтожить достоинства личности, а также «идеалы, которые всем нам так дороги»¹⁷. Сенатор-демократ Макклеллан заявлял, что коммунизм представляет собой «более несправедливую, порочную, грубую и агрессивную силу, чем нацизм и фашизм вместе

¹³ Interview with Ben and Ingrid Mast // Архив автопа. Ben and Ingrid Mast. P. 7.

¹⁴ См.: Congressional Record. Proceedings and Debates. Washington, 1947. V. 93. Part 2. P. 1980–1981.

¹⁵ См.: The Gallup Poll; public opinion, 1935–1971. P. 682.

¹⁶ См.: Ibid. P. 709.

¹⁷ Письмо Дьюи. 27 августа 1947 г. // Архив внешней политики (АВП) РФ. Ф. 566. Оп. 10. П. 254. Д. 464. Л. 9.

взятые»¹⁸. Советник государственного департамента Макнатт приписывал СССР тоталитарную жестокость, конечной целью которой являлось овладение ресурсами США¹⁹.

Неоднородный по своей сути образ СССР постепенно утрачивал свою амбивалентность. Недостаток информации о жизни за «железным занавесом» и трактовка в США каждого внешнеполитического шага Москвы как агрессивного приводили к постепенному отождествлению образа советского народа с образом его государства. Монолитность образа СССР делала его однозначным, более простым для понимания и удобным для применения.

Советский Союз воспринимался теперь в США как олицетворение мирового зла, необходимость победы над которым стало проблемой номер один для Белого дома. Пресса старалась укрепить уверенность населения США в силе американских позиций. Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» в номере от 1 июня 1949 г. опубликовал карту советских городов, на которые могли бы совершать налеты американские бомбардировщики с Аляски. Ссылаясь на подсчеты «лиц, ответственных за военное планирование», для уничтожения 81 города потребуется примерно 200 атомных бомб²⁰. А газета «Вашингтон Таймс геральд» в редакционной статье от 4 июля определила цель войны двух цивилизаций в истреблении вражеской нации и уничтожении ее как угрозы. Однако отмечалось, что «мы не станем раздавать оружие молодым людям, чтобы они убивали друг друга. Мы пошлем самолеты на высоте 40 тыс. футов с грузом атомных, зажигательных и бактериологических бомб и тринитротолуола, чтобы умертвить детей в их колыбелях, старух за их молитвами и работающих мужчин – за их работой»²¹.

Непримиримость в борьбе с врагом не допускала никакого различия. Таким образом, по мере укрепления негативного восприятия Советского Союза в США образ советского народа вымещался образом советского режима.

Таким образом, к 1949 г. сформированное негативное восприятие советского режима практически вытеснило из американского общественного сознания позитивное восприятие русского народа. Это стало показателем укоренения образа врага в Соединенных Штатах в начальный период холодной войны.

¹⁸ Антисоветское выступление американского сенатора. 2 сентября 1947 г. // АВП РФ. Ф. 566. Оп. 10. П. 254. Д. 464. Л. 15.

¹⁹ См.: Антисоветское выступление советника государственного департамента Макнатта. 29 сентября 1947 г. // АВП РФ. Ф. 566. Оп. 10. П. 254. Д. 464. Л. 45.

²⁰ См.: Пропаганда атомной бомбардировки советских городов в американском журнале. 29 июня 1949 г. // АВП РФ. Ф. 566. Оп. 16. П. 425. Д. 301. Л. 190.

²¹ 8 июля 1949 г. // АВП РФ. Ф. 566. Оп. 16. П. 425. Д. 301. Л. 224.

ИРАНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРИХОД К ВЛАСТИ ГЕЙДАРА АЛИЕВА (1992–1993 гг.)

В мировой и отечественной историографии приход к власти Гейдара Алиева в 1993 г. остается проблемой недостаточно изученной. В официальной азербайджанской литературе обычно принято говорить о данном событии как о спасении нации и выходе из кризиса¹. Западная историография предпочитает говорить о том, что Г. Алиев был «российско-иранским проектом». Однако исследования последнего времени уделяют меньше внимания «российско-иранскому следу» и негативным аспектам данного события вследствие выбора Алиевым западной ориентации. В российской и иранской историографии обычно не принято говорить о конкретных причинах и событиях, приведших Г. Алиева к власти. Тем не менее, можно отметить, что в период до 1994–1995 гг. смена власти трактовалась как фактор, стабилизирующий Кавказ, а после указанной даты трактовка в основном приобрела негативный контекст в связи с усилением западного влияния в каспийском регионе².

Рассмотрение роли Ирана в процессе перехода власти от Народно-го Фронта Азербайджана (НФА) во главе с А. Эльчибеем к нахичеванскому клану во главе с Г. Алиевым крайне важно при изучении истории ирано-азербайджанских отношений. В период прихода к власти Г. Алиев активно полагался на помощь России и Ирана, чем создавал определенные позитивные ожидания в этих странах. Однако, когда ситуация в Азербайджане стабилизировалась, и пришло время «платить по счетам», Алиев совершил поворот в сторону евроатлантических структур, чем сильно обидел своего южного соседа. Это стало основной причиной негативного развития отношений между Баку и Тегераном, последствия которого ощущаются по сей день.

¹ См.: *Махмуд И.* История Азербайджана. Баку, 2007. С. 158–159; *Гусейнова И.* Гейдар Алиев – от политического руководителя к общенациональному лидеру. Баку, 2005. С. 9–10.

² См.: *Cornel S.* Small nations and great powers. A study of ethno-political conflict in the Caucasus. L., 2001. P. 319; *Kechichian J. A., Karasik T. W.* The crisis in Azerbaijan: how clans influence the politics of an emerging republic // *Middle East Policy*. V. 4. № 1–2. 1995. URL: <http://www.thefreelibrary.com/The+crisis+in+Azerbaijan%3A+-+how+clans+influence+the+politics+of+an...-a017975780> (дата обращения: 14.10.2014); *Nichol J.* Azerbaijan: Recent Developments and U. S. Interests. CRS report for Congress. February 22. 2013. P. 1. URL: <http://fas.org/sgp/crs/row/97-522.pdf> (дата обращения: 14.10.2014); *Morgan D., Ottaway D.* Azerbaijan's Riches Alter the Chessboard // *The Washington Post*. October 4. 1998. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/inatl/europe/caspian100498.htm> (дата обращения: 14.10.2014).

Таким образом, целью статьи является анализ событий, связанных с приходом Г. Алиева к власти, а также изучение той роли, которую Тегеран сыграл в этом процессе.

К лету 1993 г. в Азербайджане назрел сильнейший внутренний кризис, угрожавший суверенному существованию государства. Вызван этот кризис был целым рядом причин: неопытностью и некомпетентностью правительства НФА и президента Абульфаза Эльчибея, общей экономической стагнацией, катастрофическими поражениями в карабахском конфликте и грубейшими ошибками власти во внешней политике в целом.

В июне 1993 г. Сурет Гусейнов, бывший заместитель премьер-министра и полномочный представитель Эльчибея в Нагорном Карабахе, отстраненный им же из-за растущей популярности в армии, поднял антиправительственный мятеж³. После того, как 25 мая 1993 г. правительство РФ вывело свою воздушно-десантную базу из Гянджы, где с февраля 1993 г. Гусейнов обосновался с верными ему людьми, все российское вооружение оказалось в его руках⁴. Попытки терявшего контроль над ситуацией Эльчибея подавить мятеж не увенчались успехом – зачастую военное руководство либо отказывалось вести братоубийственные бои, либо присоединялось к силам Гусейнова, в котором видели реальную силу⁵.

Десятого июня С. Гусейнов двинул свои войска на Баку, но при этом сам остался в Гяндже. За день до этого по приглашению Эльчибея в Баку прибыл Г. Алиев, единственный человек, на которого еще возлагались надежды на вывод страны из кризиса. 15 июня азербайджанский парламент избрал его председателем меджлиса, а в ночь с 17 на 18 июня президент Эльчибей бежал в Нахичевань⁶. Фактически, с этого момента реальная власть в Азербайджане сконцентрировалась в руках Г. Алиева. Годовое правление НФА закончилось.

Начавшаяся в поляризованном азербайджанском обществе борьба за власть и достигший огромных масштабов карабахский конфликт грозили дестабилизировать весь кавказский регион, что сильно беспокоило региональных и не региональных акторов. Разумеется, одним из самых заинтересованных акторов оказался Тегеран, поскольку раз-

³ См.: *Boudreaux R.* Azerbaijan's No. 2 City Seized by Rebel: Uprising: Warlord demands premier's ouster. Dozens are killed as crisis underlines instability in former Soviet republic // Los Angeles Time. June 8. 1993. URL: http://articles.latimes.com/1993-06-08/news/mn-882_1_soviet-republic (дата обращения: 10.10.2014).

⁴ См.: *Efron S.* President Flees as Azerbaijan Rebels Advance // Los Angeles Time. June 19. 1993. URL: http://articles.latimes.com/1993-06-19/news/mn-4707_1_rebel-army (дата обращения: 10.10.2014).

⁵ См.: *Cornel S.* Small nations and great powers. A study of ethnopolitical conflict in the Caucasus. P. 86–87.

⁶ См.: *Хачатуров В.* Азербайджан в июне 1993 года // Международный институт гуманитарно-политических исследований. URL: www.igpi.ru/monitoring/1047645476/jun1993/azerb.html (дата обращения: 12.11.2014).

витие событий на ирано-азербайджанской границе серьезно угрожало его национальной безопасности. Возникшая угроза распада Азербайджана привела бы к немедленной маргинализации региона в целом и к усилению позиций враждебных Тегерану стран. Кроме того, победа Армении, отторжение Нагорного Карабаха и ряда азербайджанских территорий неминуемо привели бы к радикализации азербайджанского населения внутри Ирана, особенно учитывая поддержку, оказанную Армении иранским правительством в период правления А. Эльчибея⁷. Ситуация ухудшалась стремительно и потому требовала решительных действий.

Националистические лозунги Эльчибея, нацеленные на отторжения у Ирана азербайджанских провинций и уничтожение Ирана как государства, привели к тому, что еще до того, как ситуация в Азербайджане стала критической, Иран стал искать политические силы внутри этой страны с целью налаживания конструктивных отношений. Уверенным и опытным политиком, позитивно относящимся к Ирану, был лидер Нахичеванской автономной республики Гейдар Алиев⁸, который фактически вел независимую от официального Баку политику, пользуясь поддержкой не только Тегерана, но и Анкары.

Особенно важное значение для обеспечения этого азербайджанского эксклава всем необходимым приобрели связи с Ираном после того, как Армения перекрыла транзит из Азербайджана в Нахичевань через свою территорию⁹. В результате, Алиеву удалось установить тесные личные отношения с иранскими лидерами и без одобрения со стороны Эльчибея заключить несколько торговых и энергетических контрактов с южным соседом¹⁰.

Иранское руководство, в свою очередь, охотно поддерживало Г. Алиева, рассматривая его в качестве противовеса Эльчибею¹¹. Как следствие, из Ирана в автономную республику поступали энергоресурсы, товары широкого потребления и т. д.¹². В проводившихся в Нахичевани митингах против политического курса центральной власти

⁷ См.: Григорян А. Армяно-азербайджанские отношения: реалии и перспективы. Ереван. 2001. С. 71; Page C. Involvement Based on Identitive Affinities: The Case of Iran. Montreal, 2001. P. 34.

⁸ См.: Dorraj M., Entessar N. Iran northern exposure: foreign policy challenges in Eurasia. Center of international and regional studies. Occasional paper N 13. 2013. P. 15.

⁹ См.: Peimani H. The Caspian Pipeline Dilemma: Political Games and Economic Losses. Westport, 2001. P. 83.

¹⁰ См.: Cornet S. The Nagorno-Karabakh Conflict. Report № 46. Uppsala University, 1999. P. 90.

¹¹ См.: Page C. Involvement Based on Identitive Affinities. P. 34.

¹² См.: Мелик-Шахназарян Л. Гейдар Алиев: «Хотите освободить Карабах, освобождайте, но не впутывайте в это Нахичевань» // Еркрамас. Декабрь 12. 2013. URL: <http://www.yerkramas.org/2012/12/12/gejdar-aliev-xotite-osvobodit-karabax-osvobozhdajte-no-ne-vputyvajte-v-eto-naxidzhevan/> (дата обращения: 10.11.2014).

участвовали представители иранского духовенства¹³. Кроме того, Г. Алиев нанес в Иран два официальных визита в августе 1992 г. и марте 1993 года¹⁴.

В ходе визита 22–26 августа 1992 г. Алиев встретился с высшим руководителем Ирана аятоллой Хаменеи и с президентом страны Хашеми-Рафсанджани. Стоит отметить, что последний выслал за Алиевым свой личный самолет¹⁵, что свидетельствовало о том, что иранское руководство очень высоко оценивало значимость нахичеванского лидера.

Целый ряд документов был подписан во время указанного визита, в том числе и протокол о «сотрудничестве в различных областях между Нахичеванской Автономной Республикой, Азербайджанской Республикой и Исламской Республикой Иран»¹⁶. Так, иранская и азербайджанская стороны договорились о прокладке по территории Ирана шоссе, соединяющего Нахичевань с Баку¹⁷, о подключении нахичеванской электросети к иранской, а также о поставках топлива.

16 марта 1993 г. Г. Алиев по приглашению иранской стороны совершил второй визит в ИРИ, в ходе которого снова встретился с президентом Рафсанджани и подписал несколько договоров.

Стоит отметить еще один довольно примечательный аспект. Жесткая пантюркистская политика Эльчибея привела к росту недовольства среди азербайджанских национальных меньшинств, прежде всего талышей и лезгинов¹⁸. Особенно серьезным стал талышский сепаратизм, чей лидер Альакрам Гумматов 21 июня 1993 г., воспользовавшись политическим хаосом в стране, провозгласил талышскую автономию на территории южных областей Азербайджана на границе с Ираном¹⁹.

Этническая близость талышей и персов, а так же тот факт, что на территории Ирана проживает талышское меньшинство, позволила некоторым исследователям сделать вывод о причастности Ирана к талышскому сепаратизму. По некоторым данным, Гумматов вынашивал планы интеграции Талышской Муганской республики, провозгла-

¹³ См.: *Алексеев В.* Гейдар Алиев под огнем критики. Ситуацию в Нахичевани изучают посланцы Эльчибея // Коммерсантъ. Октябрь 30. 1992. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/28344> (дата обращения: 15.10.2014).

¹⁴ См.: *Nassibu N.* Azerbaijan-Iranian relations: past and present. // *Journal of Azerbaijani studies.* Khazar University. 1999. P. 16–17.

¹⁵ См.: *Черняевский С. И.* Новый путь Азербайджана. М., 2002. С. 223.

¹⁶ См.: *Nakhchivan Autonomous Republic at the period of Heydar Aliyev.* URL: http://azerbaijans.com/index_en.html (дата обращения: 15.10.2014).

¹⁷ См.: *Гусейнова И.* Гейдар Алиев – от политического руководителя к общенациональному лидеру. С. 147.

¹⁸ См.: *Erkin B.* The rise and fall of popular front of Azerbaijan: 1992–1993 // *Türk Akademis idiş Politika Araştırmaları Merkezi.* № 3. 2013. P. 6.

¹⁹ См.: *Хачатуров В.* Азербайджан в июне 1993 года.

шенной 7 августа²⁰, с Ираном. Однако в рассматриваемый период Ирану это было не выгодно, поскольку оказание поддержки Гумматову могло привести к волнениям в других азербайджанских провинциях. Поэтому Тегеран продолжил свою прагматическую линию, и в своем официальном заявлении министр иностранных дел Ирана Али Акбар Велаяти, находившийся в середине августа 1993 г. в Баку, опроверг причастность Тегерана к талышскому сепаратизму²¹.

В целом, Иран в этот период в своей азербайджанской политике исходил из следующих соображений.

Во-первых, ситуация на северной границе Ирана в 1993 г. действительно стала угрожающей – война, огромные потоки беженцев и политическая анархия могли дестабилизировать положение внутри самого Ирана. В связи с этим Тегеран нуждался в стабилизации ситуации с учетом собственных национальных интересов.

Во-вторых, победа Армении и дезинтеграция Азербайджана с последующим образованием крупного и сильного государства с центром в Ереване не были выгодны Тегерану, как и слабый Азербайджан, уязвимый для любого внешнеполитического давления. Соответственно, Тегерану необходимо было сохранить статус-кво.

В-третьих, фигура Г. Алиева была хорошо известна в иранском истеблишменте, он был опытным и волевым политиком, который смог обеспечить жизнеспособность Автономной Республики Нахичевань в столь сложной геополитической обстановке, в условиях противостояния с официальной властью в Баку и конфликта с Арменией. Потому он вполне подходил на роль лидера страны.

В-четвертых, Иран действительно участвовал в определении судьбы азербайджанского государства: экономическая и политическая поддержка Нахичевани, визиты на высшем уровне Г. Алиева в Тегеран, наконец, отказ от поддержки Армении в период военных успехов Еревана в середине 1993 года. Даже эти шаги иранского руководства навстречу Г. Алиеву были существенной поддержкой. Что же касается возникшего в июне 1993 г. талышского сепаратизма, то иранская сторона официально осудила действия Гумматова, и уже в августе 1993 г. автономия была упразднена. Иран не стал разыгрывать в этот период талышскую карту, осудил симпатизирующего Тегерану лидера талышей и вновь поддержал Азербайджан во главе с Г. Алиевым.

Таким образом, на основе приведенных фактов можно заключить, что фигура Г. Алиева, как и целый и неделимый Азербайджан были выгодны иранской стороне, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Алиев являлся крепким лидером, который был способен ли-

²⁰ См.: Pro-iranian is ousted // New York Times. August 23. 1993. URL: <http://www.nytimes.com/1993/08/24/world/caucasus-city-falls-to-armenian-forces.html?pagewanted=2&src=pm> (дата обращения: 15.10.2014).

²¹ См.: *Rubinstein Z., Smolansky M. Regional Power Rivalries in the New Eurasia: Russia, Turkey, and Iran.* N. Y., 1995. P. 104.

квидировать анархию в азербайджанском государстве и, как следствие, стабилизировать шаткий баланс сил на Южном Кавказе. Именно поэтому иранское руководство оказало ему поддержку и продолжило ее оказывать после его возвращения в Баку, надеясь на улучшение двусторонних отношений.

В период прихода Г. Алиева к власти и в первые месяцы его правления уже были видны позитивные внутривнутриполитические сдвиги и стабилизация ирано-азербайджанских отношений. Так, в 1993–1994 гг. значительно вырос торговый оборот между двумя странами²², Тегеран снова стал поддерживать Баку в карабахском вопросе. Однако ожидания Тегерана оказались слишком оптимистичными, и довольно быстро Г. Алиев показал, что главной целью его политики является отстаивание азербайджанских национальных интересов.

²² См.: *Alipour H., Norieva A., Rezvani M.* Trade development trend between Islamic republic of Iran and Azerbaijan republic // *African Journal of Business Management*. V. 3. № 10. October, 2009. P. 596.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ В АМЕРИКАНСКИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ

Как известно, мы живем в эпоху глобализации, нарастающей транспарентности, которая имеет свои плюсы и минусы. Из минусов надо сказать о бесконтрольности большого капитала, произволе ТНК, подавлении справедливой конкуренции и т. д. Особо хотелось бы подчеркнуть и то, что наднациональные структуры (ВТО, МВФ и т. д.), которым страны доверили регулирование отношений в новых условиях, не совсем справляются со своей ролью. В общем, проблем немало.

Чтобы бороться с этими минусами, а также для того, чтобы развить свою конкурентоспособность, многие страны-соседи сформировали так называемые интеграционные объединения (ИО), из которых особо можно выделить Европейский Союз (ЕС), Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА), латиноамериканский МЕРКОСУР и т. д.

Главной функцией этих ИО стала экономическая интеграция. Она служит, в первую очередь, для того, чтобы снизить издержки производства и торговли за счет еще более высокой прозрачности границ в идеале для всех видов экономической деятельности, включая обращение единой валюты. Политическое наднациональное регулирование внутри объединений не приживается из-за нежелания народов терять свою национальную идентичность – самым ярким примером стала провалившаяся попытка принять конституцию Европы в 2005 году.

В 2010 г. одним из последних в ряду интеграционных объединений был создан Таможенный союз ЕврАзЭС, который быстро трансформировался в Евразийский экономический союз (сокращенно ЕАЭС) – в мае 2014 г. было подписано соответствующее соглашение. Перспективы у ЕАЭС, по мнению наблюдателей, достаточно много обещающие. Лидером в этом ИО является Россия, имеющая что предложить участникам. Она обладает колоссальным экономическим потенциалом, ресурсами, поэтому привлекательность союза достаточно высока: например, Армения и Киргизия претендуют на вступление в него в ближайшее время. Даже такая страна дальнего зарубежья как Турция серьезно задумалась над проблемой присоединения к ЕАЭС.

Страны Европейского Союза откровенно опасаются расширения влияния ЕАЭС, поскольку в него могут войти те постсоветские государства, на которые в том или ином качестве в Брюсселе рассчитывают. Именно для недопущения этого и была создана в рамках стратегии Европейского соседства программа Восточного партнерства.

Что касается США, то хотя на декларативном уровне в целом ими поддерживается программа Восточного партнерства и задача недопу-

щения сближения бывших советских республик с Россией через какие-либо связи с ЕАЭС, отношение в Вашингтоне к этому ИО неоднозначное. США, как известно, считают, что мир по-прежнему остается однополярным, что они его «архитекторы» и вообще ответственны за состояние мирового сообщества. Однако, объективно оценивая ситуацию, американские политики понимают, что ослабление позиций США налицо, что глобальный контроль осуществлять все труднее, что конкуренты укрепляются и подбираются к американским показателям все ближе. В первую очередь, речь идет, конечно, о Китае, ЕС и, отчасти, ЕАЭС, который, по крайней мере, старается играть самостоятельную роль. Исходя из этого понимания, Вашингтон пытается найти пути укрепления своих позиций. Чтобы сохранить гегемонию, американские стратеги разрабатывают различные геополитические и геоэкономические конструкции, которых очень много, они постоянно появляются, проходят обкатку и т. д.

Разрабатываются эти конструкции и схемы исходя из интересов, которые стоят за ведущими американскими партиями. В целом, мы хорошо знаем, что Республиканская партия, хотя и имеет в своем составе множество влиятельных групп, исходит из необходимости использования, в первую очередь, силы для достижения своих очень конкретных национальных интересов. Правда, надо оговориться, что чисто силового доминирования хотели только неоконсерваторы времен Дж. Буша-мл., но они со своей схемой быстро провалились, а остальные республиканцы рассчитывают на стабильность за счет использования баланса сил. Демократы же нацелены на вильсоннианский глобальный универсализм, на чисто экономическое лидерство (сила в их планах носит лишь «полицейский» характер), и современная модель глобализации – это их схема, разработанная в начале 1990-х гг. и продвигаемая сначала Б. Клинтон, а теперь Б. Обамой.

Собственно, исходя из этого базового отличия двух конкурирующих партий в США, и формируется их отношение к ЕАЭС¹. Так, республиканцы относятся к этому ИО с большой настороженностью, считают его основой для создания «влиятельной альтернативы» западному трансатлантическому торговому альянсу, о создании которого сейчас договариваются ЕС и США. Поэтому Москва, скорее всего, не остановится на ЕАЭС, а сделает все для создания более интегрированного Евразийского союза с элементами политического контроля.

¹ См.: Sen. John McCain, R-Ariz., Delivers Remarks on Ukraine And U.S. Strategy At The Atlantic Council. December 19, 2013. URL: <http://www.highbeam.com/doc/1P3-3161417591.html> (дата обращения: 12.09.2014); Ariel Cohen. Eastern Europe's Pivotal Moment: Association Agreement and Deep and Comprehensive Free Trade Area (DCFTA) for the European Union and the Eastern Partnership. Testimony before Europe and Eurasia Subcommittee, Committee on Foreign Relations. United States Senate. November 14, 2013. URL: www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/Cohen_Testimony%20REVISED.pdf (дата обращения: 12.09.2014); *Kramer D.* There can be no 'win-win' // The Washington Post. December 12, 2014. P. 3.

Республиканцы полагают, что ЕАЭС – это не просто «попытка возрождения Советов». Географические планы этого проекта «намного грандиознее». Россия находится в центре десятка государств, которых не устраивают западные ценности, но которые президент Обама предлагает всем как «само собой разумеющиеся». Эти страны «раздражает» то, что Запад контролирует международные институты, нормы, стандарты, накладывает санкции, карает и милует.

У этих стран не было организующего начала, но сейчас Россия стремится предложить им себя в качестве альтернативного лидера. Очень немногие страны могут производить необходимое количество оружия и энергии. Именно здесь на сцену выходит Россия, которая готова все это предложить. Например, большие армии Индии и Китая серьезно зависят от российских военных технологий. «Газпром» завершает крупную сделку на поставку газа в Китай, а «Роснефть» стремится заключить долгосрочный контракт с Индией на поставку нефти. И оба этих гигантских государства были среди 93 стран в ООН, которые не голосовали за непризнание крымского референдума, напоминают республиканские эксперты.

Последние демонстративные антизападные шаги Москвы во внешней политике привлекут целый список «стран-добровольцев» для такого проекта, считают республиканцы. Кроме Индии и Китая, в проект могут вступить Вьетнам, Сирия, Иран и Венесуэла. Симпатизируют Евразийскому Союзу члены группы БРИКС, которая осудила обращение «Большой семерки» с Россией. Все эти страны потенциально заинтересованы в построении новой экономической системы, параллельной системе Запада.

Подобное экономическое партнерство будет не просто вторым пришествием «Движения неприсоединения». Вместе эти государства дают более 20% мирового объема производства. Возможно, считают эксперты, этот новый союз создаст альтернативную резервную валюту, чтобы подорвать доминирующие западные международные финансовые институты. Наконец, тесное сотрудничество нового движения на основе ЕАЭС сулит превратиться в военный союз, который сможет противостоять сегодня очень рыхлой НАТО и зашедшей в тупик развития ЕС.

Укрепляет позиции Москвы в ее евразийском проекте и идеологический фактор, с помощью которого Москва стремится «разрушить» конкурента – Европейский Союз. Кремль пытается построить политические отношения в Европе, в частности, с крайне правыми партиями Франции, Греции, Италии, Венгрии и других стран, которые разделяют «жесткость» «Единой России» в борьбе с меньшинствами. На майских 2014 г. выборах в Европарламент правые получили большую поддержку и сформировали «разрушительный», направленный против ЕС, пророссийский блок. Некоторые пророссийски настроенные поли-

тики уже открыто интересуются, смогут ли члены ЕС также присоединиться и к Евразийскому Союзу.

В целом, считают республиканские политики и эксперты, ЕАЭС может стать «основой и стержнем» антизападного, антиамериканского глобального движения. Благодаря этому союзу Кремль получит «долгожданное признание законной силы» и биполярный мир, который, как он настаивает, имеет большое значение для мировой стабильности.

Методы, которые республиканцы предлагают использовать против такого поворота событий, заключаются в том, чтобы оторвать как можно больше стран бывшего СССР от «евразийской авторитарной клептократии», например, в рамках той же программы Восточного партнерства, а также подорвать ключевые военные и энергетические возможности Москвы, что мы видим и осуществляется последние месяцы в форме санкций.

Правда, президент-демократ Б. Обама предпринимает такие шаги не очень последовательно и твердо (особенно это ощущалось до выборов в Конгресс 4 ноября), и это было связано с тем, что демократы не разделяют точку зрения республиканцев на характер и на будущее ЕАЭС. Они полагают, что эта структура будет не противопоставляться, а, наоборот, сможет стать частью западного мира².

В основе такого видения демократов лежит их стратегия, нацеленная на создание уже в 2015 г. (т. е. до ухода Обамы) трансатлантической зоны свободной торговли (ЗСТ) или официально Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства с Европой (ТТИП). Опасаясь растущей конкуренции Китая и ЮВА, демократы в США считают, что продлить свою гегемонию Америка сможет только за счет создания огромного единого рынка с ЕС. Дело в том, что интеграционный потенциал ВТО практически исчерпан, минимальный таможенный порог в 3%, предписываемый ее правилами, достигнут, и он уже стал тормозить развитие Запада.

Поэтому следующим логичным шагом должно стать слияние двух ЗСТ – североамериканской НАФТА и ЕС, внутри которых нет никаких экономических барьеров вообще. Такое слияние позволит заметно повысить производительность труда в Трансатлантическом партнерстве, создать миллионы новых рабочих мест, увеличить ВВП на сотни миллиардов долларов. Правда, многих европейцев настораживает то, что этот путь приведет к углублению подчиненного положения Европы,

² См.: The Brookings Institution Holds a Discussion on Foreign Policy Recommendations for the President in 2014, January 27, 2014. URL: www.highbeam.com/doc/1P3-3192965601.html (дата обращения: 12.09.2014); *Bendavid N.* EU, Kazakhstan Ink Cooperation Pact; Brussels Officials Stress Agreement Will Not Affect Relations With Russia // Wall Street Journal. October 9, 2014; *Newman A.* Putin: Key Player in the “New World Order” // New American. URL: www.thenewamerican.com/worldnews/europe/item/19164-putin-key-player-in-the-new-world-order (дата обращения: 12.09.2014).

однако лидеры Европейского Союза – те же А. Меркель и Ф. Оланд – полагают, что лучше подчиненное, но развитие, чем продолжающаяся стагнация, угрожающая развалом ЕС.

Естественно, что работа такого антикитайского блока будет намного эффективнее, если к нему будут подключены российские, т. е. евразийские ресурсы. Поэтому следующим логическим шагом, считают демократы (правда, не афишируя свое мнение), должна стать интеграция, т. е. создание зоны свободной торговли между ТТИП и ЕАЭС. Выступая на слушаниях в конгрессе и в американских мозговых центрах, эксперты и политики намекают, что такие переговоры с руководством ЕАЭС идут давно. Тем не менее, совершенно неожиданно прозвучало буквально на следующий день после объявления очередного пакета санкций в отношении России предложение еврокомиссара Штефана Фюле о том, что «нам нужно начать переговоры по соглашению о свободной торговле между ЕС и Евразийским таможенным союзом России, Белоруссии и Казахстана». При этом еврокомиссар заявил, что рассчитывает, что в состав ЕАЭС войдут и другие страны бывшего СССР.

Таким образом, расчет делается на слияние теперь уже трех огромных блоков, внутри которых отсутствуют экономические барьеры, и в результате будет создана ЗСТ, которая будет производить более 60% ($33\%+20\%+10\%$) мирового ВВП и которая будет работать на базе американских торговых и производственных стандартов и правил. А если учесть, что Вашингтон в данный момент работает над созданием аналогичной зоны в ЮВА, ядром которой также будут США, то картина окружения и экономической изоляции Китая принимает вполне законченный вид.

В целом, мы видим, что отношение в США к ЕАЭС неоднозначное и диктуется интересами и стратегическими планами двух партий. Республиканцы считают Евразийский Союз ядром формирующейся угрозы возрождения антизападного глобального полюса и в этом контексте требуют жестких акций, направленных на его ослабление, а также настаивают на наращивании военных мускулов самой Америки. Демократы, наоборот, считают евразийскую интеграцию под эгидой Москвы явлением положительным, как минимум, не выступают против него, рассчитывая использовать ЕАЭС для своих геоэкономических планов. Однако процесс реализации этих планов попал в цейтнот, у демократов осталось немного времени, ибо если они проиграют выборы 2016 г. (а это, практически, неизбежно), то республиканцы план создания глобальной ЗСТ явно начнут тормозить, а то и саботировать (что они, кстати, успешно делали во времена Буша-мл.).

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТИЯ США В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Начало ХХI в. ознаменовалось рядом вооруженных конфликтов, в ходе которых самым активным актором проявили себя Соединенные Штаты Америки. Американское общественное мнение стало немаловажным элементом в складывании внешнеполитической стратегии США в данных конфликтах. Общественное мнение (ОМ) как фактор внешней политики является достаточно молодым объектом исследований в сфере международных отношений.

Общественное мнение, как показывает практика, может играть важную роль в принятии внешнеполитических решений государством, как это было, например, с решением США в отношении интервенции в Сирию в 2013 году. Поэтому изучение общественного мнения, тенденций его развития и выявление основных принципов его формирования являются важным элементом анализа и прогнозирования внешнеполитических решений и международных отношений. Исходя из сказанного, целью данной статьи является изучение фактора американского общественного мнения в формировании решений в отношении участия США в вооруженных конфликтах в начале ХХI века.

В отечественной и зарубежной литературе эта тема представлена лишь небольшой группой исследователей. Среди них можно назвать Д. В. Кузнецова, Д. В. Дрезнера, М. Яновица, а также коллектив авторов, состоящий из К. Гелпи, П. Д. Февера и Дж. Райфлера и др.¹

Информация о тенденциях американского общественного мнения в основном содержится в опросах общественного мнения рейтинговых агентств и специализированных сборниках. Одним из них является сборник, основанный на интернет-опросах общественного мнения по всему миру, который называется «Общественное мнение по глобальным вопросам». Он составлен программой Международных институтов и глобального управления и издан в 2009 году. В нем, в частности, в главе 11 «Общественное мнение США о предупреждении и реагировании на вооруженные конфликты» можно выделить ряд тенденций.

¹ См.: *Кузнецов Д. В.* «Вьетнамский синдром» в общественном мнении США // *Общественные науки и современность.* 2012. № 2. С. 126–135; *Drezner D. W.* The Realist Tradition in American Public Opinion. URL: http://danieldrezner.com/research/realist_tradition.pdf (дата обращения: 08.10.2014); *Gelpi C., Feaver P. D., Reifler J.* Paying the Human Costs of War: American Public Opinion and Casualties in Military Conflicts. URL: <http://www.questia.com/read/117740245/paying-the-human-costs-of-war-american-public-opinion> (дата обращения: 08.10.2014).

Так, в ходе опросов большинство американцев согласны с тем, что военная сила иногда необходима для поддержания миропорядка. Большинство опрошенных в США поддерживает принцип участия в миротворческих операциях. Как правило, значительной поддержкой пользуются ситуации постконфликтного урегулирования, и меньшая поддержка наблюдается, когда речь идет о вмешательстве в гражданские войны².

В аналогичном сборнике, вышедшем в 2012 г., анализировался подход американского общественного мнения к только начинавшемуся сирийскому кризису. Американцы были обеспокоены ситуацией в Сирии и поддерживали свержение режима Башара Асада как внешнеполитическую цель США. Значительное большинство поддерживало участие США в международных санкциях против Сирии и предоставление гуманитарной помощи сирийскому народу. Примерно половина опрошиваемых поддерживала ряд невоенных мер. Отправка США своих войск в Сирию получила очень низкий процент поддержки³.

Такая тенденция выражения низкой поддержки прямого вооруженного вмешательства США в конфликт в Сирии сохранялась и дальше. Согласно опросам, проведенным американским институтом общественного мнения Gallup в начале сентября 2013 г., поддержка американцами военных действий против сирийского правительства из-за подозрений применения им химического оружия была самая низкая по сравнению со всеми предыдущими интервенциями, в отношении которых Gallup проводил опрос за последние 20 лет. Так, 36% американцев одобряли проведение военных действий США с целью уменьшить вероятность использования химического оружия Сирией. Большинство – 51% – выступали против таких действий, тогда как 13% опрошенных не определились (Табл. 1).

Американцы также выступили против военной интервенции в Сирию в ходе опроса, проводившегося Gallup в мае 2013 года. В этом опросе 68% американцев выступили против военной акции с целью «попытки остановить конфликт» в случае, если «все экономические и дипломатические усилия не смогут прекратить гражданскую войну в Сирии»⁴.

² См.: Public Opinion on Global Issues. URL: <http://www.cfr.org/thinktank/iigg/pop/> (дата обращения: 18.11.2014).

³ См.: Public Opinion on Global Issues. Chapter 11: U.S. Opinion on Violent Conflict. August 28, 2012. URL: http://www.cfr.org/public_opinion (дата обращения: 18.11.2014).

⁴ См.: Dugan A. U. S. Support for Action in Syria Is Low vs. Past Conflicts. URL: <http://www.gallup.com/poll/164282/support-syria-action-lower-past-conflicts.aspx> (дата обращения: 11.11.2014).

Таблица 1

Мнение о предложении проведения военных действий США перед началом таких действий (GALLU)⁵

Страна/Регион	Дата опроса	За	Против	Воздержались
		%	%	%
Сирия	3–4 сентября 2013 г.	36	51	13
Ирак	14–15 марта 2003 г.	64	33	3
Афганистан	5–6 октября 2001 г.	82	14	4
Косово/Балканы	19–21 февраля 1999 г.	43	45	12
Ирак/Персидский залив	11–13 января 1991 г.	55	38	4

Согласно данным из сборника «Общественное мнение по глобальным вопросам», возвращаясь к многосторонней военной кампании в Ливии, сейчас явное большинство американцев считает, что проведение ее было правильным решением. Перед началом военных действий, согласно проведенному в марте 2011 г. опросу, большинство американцев поддержало введение бесполетной зоны и наращивание санкций. Большинство также поддержало многосторонний подход, в котором США не играли доминирующей роли. Умеренное большинство поддержало применение силы в рамках миссии НАТО по выполнению резолюции ООН. Наконец, большинство опрошенных выступило против вооружения повстанцев или отправки наземных войск.

Когда весной 2011 г. военные действия продолжались без ощутимых побед повстанцев, американское общественное мнение стало склоняться к тому, что эти действия не следовало проводить, а доля осуждающих военные действия коалиции в целом еще больше выросла. Таким образом, мы опять наблюдаем, что американцы не поддерживали прямое военное участие США в Ливии, а также наблюдалась низкая поддержка кампании в период, когда у коалиции не было явных успехов.

Стоит отметить, что за последние 20 лет поддержка американцами военных кампаний США на начальных этапах конфликтов традиционно была достаточно высокой и составляла в среднем 68% голосов «за» в поддержку 10 недавно начатых конфликтов. Правда, существует ряд исключений, когда она не была столь высока, как, например, в случаях с Косово и Ливией. (Табл. 2)⁶.

⁵ См.: *Dugan A. U.S. Support for Action in Syria Is Low vs. Past Conflicts.*

⁶ См.: *Ibidem.*

**За/против военных действий США
после их начала (GALLUP)**

Страна/регион	Дата опроса	% За	% Против
Ливия	21 марта 2011г.	47	37
Ирак	20 марта 2003 г.	76	20
Афганистан	7 октября 2001 г.	90	5
Косово/Балканы	30 апреля – 2 мая 1999 г.	51	45
Афганистан и Судан	20 августа 1998 г.	66	19
Сомали	18–21 июня 1993 г.	65	23
Ирак	13 января 1993 г.	83	9
Персидский залив	16 января 1991 г.	79	15
Ливия	17–18 апреля 1986 г.	71	21
Гренада	26–27 октября 1983 г.	53	34

Э. Дуган в своей статье «Поддержка американцами кампании в Сирии низка по сравнению с прошлыми конфликтами» считает, что поддержка американцами намерений правительства США может возрасти при определенных условиях. Он полагает, что, как показывает предыдущий опыт, поддержка американцами вмешательства в Сирию может возрасти при применении США военной силы из-за так называемого «эффекта сплочения» («rallyeffect» – рост поддержки американцами президента США во время международных кризисных ситуаций или войн), т. е. в тех ситуациях, когда это угрожает жизненно важным интересам США или затрагивает их⁷.

Таким образом, на основе приведенных выше примеров можно сделать вывод, что американцы поддерживают миротворческие операции, в принципе приветствуют участие США в решении международных кризисов, но не поддерживают прямого применения военной силы, отправки военного контингента для участия в гражданских войнах (Сирия, Ливия). И, как показали последние два конфликта, в Ливии и Сирии, поддержка американцами участия вооруженных сил США в конфликтах постепенно снижается. Кроме того, наблюдается тесная взаимосвязь между поддержкой американцев и приоритетностью кампании для интересов США.

Низкую поддержку военных кампаний США в Ливии и Сирии можно объяснить рядом факторов. Во-первых, это сочетание либерального (идеалистического) и реалистического (прагматического) подходов в мировоззрении современных американцев. Согласно исследованиям Д. Дрезнера, американцы разделяют как реалистический, так и либеральный подходы к внешней политике и международным отношениям. Модель отношения американцев к внешнеполитическим приоритетам в принципе состоит в том, что они стремятся к либеральному интернационализму (распространение демократии, прав человека и укрепление ООН). Однако, когда речь заходит о выборе приоритетов и

⁷ См.: *Dugan A. U.S. Support for Action in Syria Is Low vs. Past Conflicts.*

их сопоставлении, реалистические приоритеты выходят на первое место (сохранение работы, безопасность энергетических поставок и т. п.), а либеральные ценности отходят на второй план⁸.

Таким образом, они согласны с либеральными преобразованиями, свержением не правовых режимов, но против отправки американских войск, если это затрагивает их личные прагматические интересы и взгляды. Это подтверждают многочисленные акции и протесты, проходившие в США в ключевые моменты военных действий, когда речь шла о принятии решений в пользу отправки военного контингента в зоны конфликтов и вообще о вовлеченности в них Америки.

Сочетание либеральных и реалистических приоритетов наблюдается в еще одном аспекте проблемы американского общественного мнения, на который указывает Д. Кузнецов. Так, он объясняет низкую поддержку применения военной силы американцами «вьетнамским синдромом». «Вьетнамский синдром» стал противовесом «мессианства» – основополагающего компонента американской внешнеполитической ментальности, включающего использование военной силы за рубежом для различных целей, например, для распространения демократии или «смены режимов»⁹.

Анализируя сложившиеся после окончания войны во Вьетнаме настроения в американском обществе, М. Яновиц на основе многолетнего изучения динамики внешнеполитических предпочтений граждан счел возможным говорить о долговременной и устойчивой тенденции, связанной с «кумулятивным эффектом» поражения во Вьетнаме и провалом ряда других военных интервенций. Этот «кумулятивный эффект», по его наблюдению, привел к понижению уровня готовности американцев безоговорочно поддержать любое использование военной сил¹⁰.

В целом, в XXI в. мы наблюдаем снижение поддержки американцами военных кампаний США по сравнению с XX столетием. Основная тенденция такова, что американцы поддерживают военное вмешательство только в двух случаях: если оно является основным приоритетом для США (например, безопасность граждан) или если операция обещает быть или уже проходит успешно. Этот вывод можно также подтвердить данными из таблиц 1 и 2. Так, операция в Афганистане набрала значительный процент поддержки американцев, поскольку речь шла о безопасности граждан США и защите от терроризма. Однако операция в Косово не представлялась важной для американских интересов. Когда кампания в Ливии не приносила успехов, мнение о ней также становилось негативным.

Таким образом, базовыми факторами формирования американского общественного мнения в отношении участия США в вооруженных конфликтах являются приоритет их целей и военный успех кампании.

⁸ См.: *Drezner D. W. The Realist Tradition in American Public Opinion.*

⁹ См.: *Кузнецов Д. В. «Вьетнамский синдром» в общественном мнении США.*

¹⁰ См.: Там же.

РЕАЛИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ, ИСТОРИЯ ОБРАЗОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

А. В. Лукьянов (Саратов)

И СЛАВНЫМ КОМАНДИРАМ, И БОЙЦАМ (очерк о создании 148-й стрелковой дивизии)

Накануне и в годы Великой Отечественной войны (ВОВ) по всей стране было сформировано огромное количество соединений и частей Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Находясь в городах и населенных пунктах, командиры частей тесно сотрудничали с местными органами власти и всегда старались оказать содействие и помощь в любых трудных ситуациях. В благодарность жители городов устанавливали памятники, открывали музеи боевой славы, называли улицы своих городов именами воинских формирований и отдельных героев.

Так, в середине 80-х гг. прошлого века было принято решение увековечить память воинов 148-й дивизии, накануне ВОВ находившейся в г. Энгельсе Саратовской области. 9 мая 1985 г. в Детском парке на ул. А. С. Пушкина был установлен камень с мемориальной доской, а в 1989 г., к 50-летию юбилею дивизии, открыли сам памятник¹. Спустя 20 лет его перенесли на перекресток: улицы, названной в честь 148-й Черниговской стрелковой дивизии и улицы Марины Расковой, где он находится и в настоящее время.

*Памятник «50 лет 148-й
стрелковой дивизии»*

148-я стрелковая Черниговская Краснознаменная ордена Суворова II степени стрелковая дивизия была сформирована в г. Энгельсе в сентябре-октябре 1939 года. До ВОВ штаб дивизии находился в г. Энгельсе по адресу: ул. Нестерова, дом № 1.

¹ См.: Сайт «Большая саратовская энциклопедия». URL: <http://saratov-region.ucoz.ru/region/engelskiy/engels.htm> (дата обращения: 13.06.2014).

С началом осени 1939 г. из г. Саратова убывает в Забайкальский военный округ управление 12-го стрелкового корпуса². На его месте формируют новое объединение – 63-й стрелковый корпус 21-й армии Приволжского военного округа (ПриВО)³. В целях доведения нового корпуса до требуемой численности руководство РККА принимает решение о создании новой стрелковой дивизии.

В октябре 1939 г. директивой военного совета ПриВО № 41/1417 из состава 53-й дивизии выделяются части на формирование новой 148-й стрелковой дивизии⁴. Основу для ее формирования составили 223-й и 110-й стрелковые полки 53-й дивизии, ставшие соответственно 496-м⁵ (г. Энгельс, командир полка майор Зуйков Андрей Анатольевич) и 507-м⁶ (г. Пугачев, командир полка майор Гайнутдинов Сабир Галиевич) полками в 148-й дивизии. Личным составом этих же полков был сформирован третий стрелковый полк нового соединения – 654-й (г. Уральск)⁷.

Другие части дивизии также комплектовались личным составом от частей округа, 53-й дивизии и молодым пополнением призыва 1939 года. Так, основой формирования 326-го легкого артиллерийского полка (г. Пугачев, командир полка полковник Кузмин А. Н.) стал 36-й артполк 53-й дивизии⁸.

532-й гаубичный артиллерийский полк (г. Энгельс, командир полка майор Поляков Н. Ф.) получал кадры среднего и младшего командного состава от 39-го артполка 73-й дивизии (г. Оренбург) и 36-го артполка⁹. Рядовой состав укомплектовали призывниками 1939 года.

163-й отдельный саперный батальон (г. Пугачев) заканчивает формирование 15 ноября 1939 г. и приступает к плановой боевой и политической подготовке. Формировал батальон его первый командир – капитан Смирнов Василий Иванович¹⁰.

173-й отдельный батальон связи (г. Энгельс) вошел в состав дивизии только к 1 января 1940 года. Это связано с поздним прибытием командного состава батальона из Воронежского военного училища связи и 78-го отдельного батальона связи (г. Оренбург)¹¹. Руководство по организации новой части возглавил первый комбат – майор Бушу-

² См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Предисловие к Ф. 32115.

³ См.: Сайт «Мой Фронт». URL: <http://myfront.in.ua/krasnaya-armiya/korpora/strelkovye-61-80.html> (дата обращения: 13.06.2014).

⁴ См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

⁵ См.: Там же. Д. 306. Л. 2.

⁶ См.: Там же. Д. 310. Л. 1.

⁷ См.: Там же. Д. 358. Л. 1.

⁸ См.: Там же. Д. 1355. Л. 1.

⁹ См.: Там же. Д. 1352. Л. 1.

¹⁰ См.: Там же. Д. 3149. Л. 1–2.

¹¹ См.: Там же. Д. 2491. Л. 1.

ев Иван Иванович. Основное пополнение прибыло 25 октября 1939 г., именно эта дата и стала годовым праздником батальона¹².

С середины октября 1939 г. под руководством старшего лейтенанта Шилоткача рядовым и командным составом срочной и сверхсрочной службы комплектуется разведывательный батальон. 1 января 1940 г. часть входит в состав дивизии как 142-й отдельный разведывательный батальон (г. Энгельс)¹³.

Формируются и входят в состав дивизии 199-й медико-санитарный батальон (г. Пугачев), ветеринарный лазарет и полевая хлебопекарня (г. Энгельс)¹⁴.

Первым командиром 148-й стрелковой дивизии назначают полковника Черокманова Филиппа Михайловича¹⁵, ранее занимавшего должность командира 157-го полка 53-й дивизии.

С первых дней части дивизии активно участвуют в социалистических соревнованиях. Укрепляя взаимную поддержку армии и общества, шефской работой охвачены все части дивизии. В свою очередь, местные органы государственные власти, общественные организации, учебные заведения, предприятия и заводы налаживали связи с воинскими коллективами в интересах укрепления обороноспособности страны. Так, над 496-м полком берет шефство Центральный исполнительный комитет Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья (ЦИК АССР НП)¹⁶, шефом 507-го полка становится Пугачевский районный промышленный комбинат¹⁷, 532-го – коллектив немецкой волжской торговли АССР НП¹⁸, 173-го батальона связи – музыкальное училище АССР НП¹⁹.

Черокманов Ф. М.

Воинские части, являясь шефами средних общеобразовательных учреждений, оказывали неоценимую помощь в деле патриотического

¹² См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 2491. Л. 8.

¹³ См.: Там же. Д. 2654. Л. 1. Приказ Народного комиссара обороны (НКО) № 179 от 1940 года.

¹⁴ См.: Сайт «Истории города Энгельса». URL: <http://engels-pokrovsk.ru/148-strelkovaya-diviziya-pervyj-boj/> (дата обращения: 14.06.2014).

¹⁵ Черокманов Филипп Михайлович (29.11.1899 – 8.07.1978), советский военачальник, генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, участник Гражданской и Великой Отечественной войн. С 1919 г. в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Занимал командные должности до заместителя командующего войсками округа (см.: Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь. Т. 1. М.; Жуковский, 2006. С. 618–619).

¹⁶ См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 306. Л. 34.

¹⁷ См.: Там же. Д. 310. Л. 9.

¹⁸ См.: Там же. Д. 1352. Л. 2.

¹⁹ См.: Там же. Д. 2491. Л. 8.

воспитания молодежи. Боевые, трудовые и культурные традиции армии формировали у юношества чувство долга в отношении военной службы, важности всесторонней подготовки к защите Отечества.

Из числа военнослужащих избираются депутаты в районные и городские советы трудящихся²⁰ по местам дислокации частей.

Через два года для дивизии наступило время серьезных испытаний. Впереди был славный путь от обороны Белоруссии до Пражской операции, где соединение и закончило ведение боевых действий.

За боевые заслуги дивизия получила почетное наименование Черниговской и награждена орденами Суворова II степени и Красного Знамени. Летом 1945 г. соединение расформировали²¹, входившие в нее части сократили, а младший и рядовой состав отправили домой.

За время своего существования солдаты и офицеры дивизии внесли неоценимый вклад в дело общей Победы и навсегда остались в памяти благодарных потомков.

²⁰ См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 310. Л. 5.

²¹ См.: Сайт «Мой Фронт». URL: <http://myfront.in.ua/krasnaya-armiya/divizii/-strelkovye-136-150.html> (дата обращения: 15.06.2014).

**ВКЛАД ВОЙСК НКВД В ПОБЕДУ НАД ЯПОНИЕЙ:
ИЮЛЬ – СЕНТЯБРЬ 1945 ГОДА**

В годы Второй мировой войны Япония вынашивала планы агрессии против СССР, осуществление которых зависело от хода событий на советско-германском фронте. Командование Японии постоянно держало у советской границы группировку численностью около одного млн. человек. Интересы восстановления мира требовали быстрой ликвидации дальневосточного очага войны.

Военные действия на Дальнем Востоке проходили на обширном сухопутном театре и в акваториях Охотского, Японского и Желтого морей. Протяженность фронта составляла около 5 тыс. км. В этой борьбе советские войска использовали богатейший опыт войны против нацистской Германии. Их наступление отличалось решительностью действий, стремительностью продвижения на большую глубину, гибкостью маневрирования, четкостью взаимодействия видов и родов войск, согласованностью в действиях фронтов, наступавших на удаленных друг от друга направлениях.

Охрана тыла действующей армии на Дальнем Востоке была организована по такому же принципу, что и на фронтах войны против Германии, но имела ряд особенностей. Чтобы показать специфику построения этой системы охраны тыла действующей Армии в условиях, когда операции начинаются непосредственно с линии государственной границы, а наступление войск ведется высокими темпами по отдельным разобленным направлениям, целесообразно рассмотреть этот вопрос отдельно.

Вопрос о создании системы охраны тыла фронтов разрабатывался заблаговременно, уточнялся в период непосредственной подготовки фронтовых наступательных операций¹. В мае 1945 г. он рассматривался на заседаниях Военных советов фронтов, в июле – в Главном управлении пограничных войск НКВД и Генеральном штабе. Это видно из содержания предложений Главного управления пограничных войск, представленных 19 июня 1945 г. НКВД СССР. Суть этих предложений начальник ГУ ПВ НКВД генерал-лейтенант Стаханов изложил в своем докладе НКВД СССР: «По существу телеграммы Военного совета Дальневосточного фронта № 9931, и Забайкальского фронта № 5961, докладываю:

1. По согласованию с Генеральным штабом для охраны тыла на

¹ См.: *Крылов С. М.* Борьба с диверсионно-разведывательскими группами и отрядами противника во фронтовой наступательной операции: дисс. ... канд. воен. наук. М., 1956. С. 156–157.

Дальнем Востоке намечалось перебросить туда 19 полков НКВД из расчета по 4 полка на каждый фронт и Приморской группы.

2. В целях объединения руководства войсками НКВД в пределах фронтов целесообразно начальниками войск охраны фронтов на Дальнем Востоке назначить по совместительству начальников пограничных округов Приморского, Хабаровского и Забайкальского. Аппарат управления пограничных округов усилить за счет резервов войск НКВД, освободившихся на Западе. Генеральный штаб с этими соображениями согласен. Окончательные предложения по этому вопросу будут доложены 21 июля 1945 года»².

В докладе НКВД от 21 июля 1945 г. Главное управление пограничных войск представляло согласованные с Генеральным штабом предложения, согласно которым для охраны тыла Дальневосточного фронта выделялось по три полка, каждый численностью 1470 человек. Три полка из общего количества к этому времени уже находились в эшелонах по пути на Дальний Восток, шесть полков предполагалось выделить из состава освободившихся войск по охране тыла на европейском театре военных действий. В этих же предложениях предусматривалась переброска на Дальний Восток 44200 человек пограничных войск для покрытия некомплекта в рядовом и сержантском составе³.

Предложения Главного управления пограничных войск были положены в основу приказа НКВД СССР № 0874 от 26 июля 1945 г., в котором начальники пограничных войск были назначены по совместительству начальниками войск по охране тыла фронтов. Для охраны тыла 1-го Дальневосточного фронта намечалось использовать 53-ю стрелковую дивизию ВВ НКВД, Забайкальского фронта - управление и три пограничных полка войск НКВД по охране тыла бывшего 4-го Украинского фронта, 2-го Дальневосточного фронта – 3-ю стрелковую дивизию войск НКВД из Средней Азии. Кроме того, для ликвидации некомплекта в личном составе пограничных войск Дальневосточных округов было приказано направить 550 чел. рядового и сержантского состава войск НКВД. Переброску частей для усиления войск приказано было закончить к 20 сентября 1945 года⁴.

Так как операция на Дальнем Востоке была начата раньше, эти войска, за исключением частей 3-й стрелковой дивизии войск НКВД, не были перебросены на Дальний Восток. Поэтому задачи по охране тыла пришлось выполнять ограниченными силами полков ВВ, пограничными войсками, имевшими основную задачу – охрана границ, и частями Красной Армии.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2219. Л. 97.

³ См.: Там же. Л. 94–96.

⁴ См.: Центральный архив пограничных войск (ЦАПВ). Ф. 232. Оп. 6895. Д. 662. Л. 11.

Вопросы охраны тыла на всех фронтах решались по-разному. Так, Военный совет 1-го Дальневосточного фронта охрану тыла возложил полностью на пограничные войска Приморского округа.

Для охраны тыла 2-го Дальневосточного фронта использовались 26-й, 44-й, 289-й полки, прибывшие с Запада, 3-я стрелковая дивизия НКВД и части пограничных подразделений Хабаровского округа. Руководство войсками по охране тыла возлагалось на оперативное управление, сформированное из офицеров Хабаровского пограничного округа. Охрана тыла Забайкальского округа была организована за счет подразделений и частей фронта. Пограничные части Забайкальского округа для охраны тыла привлекать не планировалось, однако по решению Военного совета фронта для борьбы с вражеской агентурой в ходе начавшейся операции был сформирован специальный сводный отряд пограничников численностью 426 чел., который 14 августа был переброшен на охрану тыла войск, наступавших на направлении главного удара фронта⁵.

16 августа 1945 г., на восьмой день начала войны, Генеральным штабом Красной Армии Главнокомандующему на Дальнем Востоке были даны указания охрану тыла на Дальнем Востоке осуществлять силами 3-й дивизии войск НКВД и частей Красной Армии. Дополнительно войска НКВД на Дальний Восток присланы не будут. В связи с этим необходимо выделить для охраны тыла в распоряжение начальников охраны тыла фронтов потребное количество войск. Для организации охраны тыла на территории Маньчжурии НКВД откомандировал начальника войск НКВД по охране тыла действующей армии генерал-лейтенанта Горбатюка с группой генералов и офицеров. Организацию комендантской службы в городах Маньчжурии планировалось осуществлять силами и средствами Военных советов фронтов⁶. Этим указанием Генеральный штаб в условиях успешного проведения наступательных операций пытался как можно быстрее высвободить пограничные войска для обеспечения надежной охраны государственной границы, что в условия войны имело важное значение. На основании данного распоряжения Главнокомандующим было принято решение о выделении с 1 сентября для охраны тыла войск Забайкальского фронта – 9 стрелковых полков, 1-го Дальневосточного фронта – 11 стрелковых полков. Эти части несли службу вдоль Восточно-Китайской и Южно-Маньчжурской железных дорог.

Более стройной явилась система охраны тыла 1-го Дальневосточного фронта, осуществлявшаяся в сложной обстановке силами пограничных войск. В соответствии с планом фронтовой наступательной операции 25-я и 35-я армии, 1-я Краснознаменная и 5-я ударная армии 9 августа 1945 г. перешли в решительное наступление, прорвали передний край вражеской обороны, за короткий срок вышли в глубо-

⁵ См.: ЦАПВ. Ф. 14. Оп. 224. Д. 3607. Л. 152.

⁶ См.: Там же. Оп. 5. Д. 2519. Л. 11.

кий тыл оборонявшихся японских войск в Маньчжурии.

В связи с тем, что наступление войск осуществлялось не на сплошном фронте, а по разобщенным направлениям, многие подразделения и части японских войск при отступлении уклонились от ударов наших войск, оставались на флангах и в тылу наступавших ударных группировок, что создавало серьезную опасность. В промежутках вообще оставалось большое количество неподавленных очагов сопротивления. Разрозненные группы, укрывшиеся в дотах, таежных сопках, используя выгодные условия местности, продолжительное время оказывали упорное сопротивление нашим войскам, действовавшим на коммуникациях, проводили обстрелы наших колонн, нападали на мелкие подразделения, тылы частей и соединений фронта. Отступая под ударами Красной Армии, японская разведка оставляла большое количество заранее подготовленных диверсионных групп и одиночек из числа японских солдат и местного населения с задачей нарушать коммуникации, дезорганизовать действия тылов армий. Кроме того, одной их характерных особенностей Маньчжурской операции было большое количество одиночек и групп смертников из числа японских солдат и офицеров. Маскируясь под местных жителей, они действовали в городах, населенных пунктах и на коммуникациях, выбирали наиболее важные объекты, штабы, группы офицеров, технику и взрывали их.

Органы японской разведки продолжали усиленно забрасывать через линию фронта свою диверсионную агентуру из числа японцев и корейцев, переодетых под местных жителей. Верховное японское командование рассчитывало на затяжной характер войны, поэтому планировало широко использовать местных жителей для борьбы с наступавшими войсками. Для этого при отступлении японцы раздавали населению оружие и боеприпасы. Например, при отступлении из города Хулинь японцы раздали населению 2 тыс. винтовок, большое количество пулеметов и боеприпасов. Населению была поставлена задача вести борьбу с нашими войсками по принципу партизанской войны. Оставшиеся в тылу Красной Армии диверсионно-террористические элементы, одиночки, мелкие группы и подразделения войск, потеряв с первых же дней войны связь со своими вышестоящими штабами, несмотря на капитуляцию Японии, продолжали борьбу до последнего дня пребывания пограничных подразделений на территории Маньчжурии. В этой довольно сложной обстановке войска округа осуществляли охрану войскового тыла фронта. Для охраны тыла фронта были выделены 4 пограничных отряда, каждый из которых охранял границу в полосе действия одной армии. В соответствии с указаниями командующего фронтом охрана войскового тыла возлагалась в 35-й армии – на 57-й, 5-й ударной армии – на 58-й, 1-й армии – на 69-й и 25-й армии – на 59-й пограничные отряды⁷.

⁷ См.: История строительства внутренних войск. Краткий очерк. М., 1978. С. 290.

Начальники указанных отрядов были назначены начальниками войск по охране тыла. Для руководства войсками по охране тыла фронтов и охране границ начальник войск Приморского округа создал два эшелона. Первый эшелон во главе с начальником войск перед началом операции дислоцировался в районе села Хороль. До момента передислокации на территорию Маньчжурии он осуществлял руководство охраной границы и охраной войскового тыла. Второй эшелон управления войск, оставаясь во Владивостоке, осуществлял руководство служебно-боевой деятельностью пограничных частей, охранявших морской участок границы. С передислокацией первого эшелона управления войск на территорию Маньчжурии, второй эшелон, кроме выполнения указанной задачи, осуществлял руководство оставшимися подразделениями, охранявшими государственную границу в полосе наступления войск фронта⁸.

Система охраны тыла фронтов в наступательной операции строилась на нашей территории по рубежам. На территории Маньчжурии она строилась по рубежам и направлениям. Было создано два рубежа охраны. Первый рубеж проходил в 20–50 км в тылу по линии границы, 57-й пограничный отряд – Губерово-Ружино-Духовлецкая, 69-й пограничный отряд – Александровско-Гайворон-Благодатное, 58-й пограничный отряд – Голенки-Борисовка-Васильевка, 59-й пограничный отряд – Нежино-Овчинниково-Барабаш. Для службы на первом рубеже выделялось шесть маневренных групп, 10 резервных застав общей численностью 916 чел., которые в ночь с 8 на 9 августа вышли на рубеж охраны, расположились повзводно и приступили к выполнению задач по охране тыла. Все задачи подразделения выполняли в тесном взаимодействии с местными органами НКВД, НКГБ, органами военной разведки «Смерш», опираясь на активную помощь местного населения Приморского края⁹.

Руководство службой резервных подразделений на первом рубеже осуществлялось активными группами пограничных отрядов во главе с начальником штаба. На первом рубеже части несли службу по охране тыла до 12 августа 1945 г., после чего охрана тыла была перенесена на второй рубеж. За этот период они боевых действий не вели. За счет службы КПП, высылки разведывательно-поисковых групп и других нарядов обеспечивался порядок в тылу действующих армий.

Вторым рубежом охраны тыла являлась линия государственной границы. На этом рубеже войска несли службу в течение всей войны. Действия пограничных войск направлялись командующим фронтом. В приказе от 11 августа 1945 г. войскам 1-го Дальневосточного фронта по охране тыла говорилось: «В связи с успешным продвижением войск фронта и значительное удаление от линии государственной границы, приказываю: пограничные войска с 1-го рубежа охраны тыла

⁸ См.: История строительства внутренних войск. С. 291.

⁹ См.: ЦАПВ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2519. Л. 12–13.

Действующей армии к 20.00. 11 августа снять. Второй рубеж охраны занять по линии государственной границы. На участках границы, занимаемых войсками фронта, пограничным отрядам взаимодействовать с последними в соответствии с поставленной задачей. С получением задачи на занятие следующего рубежа, 1/3 линейных застав оставить на линии границы, остальной состав использовать по охране тыла установленным порядком»¹⁰.

В приказе командующего фронтом от 14 августа требовалось «в целях обеспечения войсковой охраны тыла действующей армии на территории Маньчжурии поддержание порядка среди местного населения в городах и населенных пунктах.

1. Начальнику охраны тыла фронта генерал-майору Зырьянову силами пограничных войск создать охрану тыла по направлениям передвигающихся армий, обеспечивая основные магистрали передвижения войск.

2. В городах и населенных пунктах организовать комендатуры и возложить на них обязанности по поддержанию порядка среди гражданского населения. Своевременно принимать меры по уничтожению оставшихся групп противника, бандитов и диверсантов в районах расположения комендатур.

3. Пункты выставления комендатур, персональное назначение комендантов, выделение их в распоряжение войск, утверждаются Военным советом фронта. Комендантской службой руководит начальник охраны тыла фронта, армии»¹¹.

Как видно из приведенных документов, в системе охраны тыла на территории Маньчжурии большая роль отводилась комендатурам. При этом, в отличие от западных театров военных действий, они выставлялись за счет личного состава пограничных войск и имели относительно большой численный состав 50–250 человек. Кроме того, в распоряжении каждого начальника по охране тыла армии находилось от 250 до 550 чел., которые предназначались для создания комендатур по мере продвижения войск армий и проведения операций по очистке тыла от мелких разрозненных групп и подразделений противника. Например, 16 августа 1945 г. от 57-го пограничного отряда были выставлены комендатуры в городе Хулинь – 240 чел., Мишань – 150 чел., Дунань – 210 человек. Там же дислоцировался штаб и резерв начальника охраны войскового тыла 35-й армии в составе 408 человек¹².

Создание сравнительно крупных гарнизонов соответствовало складывавшейся обстановке, так как в тылу армий действовали многочисленные подразделения японских войск. Только крупные подразделения могли организовать надежную охрану и успешно отразить

¹⁰ Пограничные войска в Великой Отечественной войне. (1941–1945 гг.) Сб. документов. М., 1968. С. 650.

¹¹ Там же. С. 651–652.

¹² См.: ЦАПВ. Ф. 14. Оп. 224. Д. 3594. Л. 29–30.

нападения противника, которые начались с первых же дней пребывания пограничников на Маньчжурской территории. От крупных гарнизонов можно было выделять также личный состав в служебный наряд, особенно в разведывательно-поисковые группы для ликвидации крупных вооруженных банд противника. Усилия военных комендатур пограничных войск направлялись, прежде всего, на наведение порядка в городах и близлежащих населенных пунктах. Войска НКВД принимали меры к очищению населенных пунктов от вражеских элементов. Это осуществлялось через членов местного самоуправления и агентуру. Они помогали выявлять скрывавшихся вражеских солдат, офицеров и негласных агентов полиции, жандармерии, активных членов реакционных организаций и задерживать их. У местного населения изымалось оружие, боеприпасы. Например, комендатурой города Боли, от 57-го отряда войск НКВД, за первые пять дней, с 21 по 26 августа, оперативно-войсковыми нарядами было задержано 28 японских солдат-смертников, 10 маньчжурских солдат, 40 вооруженных китайцев. У населения изъято 1116 винтовок и карабинов, 13 пулеметов, 78800 патронов¹³.

В целях защиты от расхищения имущества, захваченного у противника, склады брались под охрану до передачи их трофейным органам, особенно в ночное время. Организовывалось патрулирование войсками НКВД для поддержания порядка и охраны местных жителей от нападения бандгрупп, предотвращения случаев мародерства. Комендатуры из состава войск НКВД, выставленные в городах и крупных населенных пунктах, на железнодорожных станциях, сыграли большую роль в решении многих задач, в том числе и хозяйственного плана. Однако эта деятельность порой отвлекала войска НКВД от борьбы с агентурой, диверсионно-разведывательными группами, активно действовавшими в тылу войск Красной Армии. С учетом этого обстоятельство распоряжением начальника Генерального штаба глубина выставления комендатур войск НКВД была вначале ограничена от 100 км от линии границы, а затем вообще была с них снята¹⁴.

Важнейшее значение в решении задач по охране тыла действующей армии имела разведка. Перед ней стояли сложные задачи: своевременно выявлять агентуру врага, диверсионно-разведывательные группы, оставленные или переброшенные в наш тыл противником, активно действовавшие прояпонские организации и других пособников врага; обнаруживать оставшиеся вооруженные группы солдат-смертников.

Войскам приходилось иметь дело с хитрым и опытным противником. Диверсионно-разведывательные группы, одиночные агенты противника, прошедшие подготовку в специальных школах, хорошо маскировались, умело пользовались сфабрикованными документами,

¹³ См.: Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 234. Оп. 228. Д. 75. Л. 40.

¹⁴ См.: ЦАПВ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2519. Л. 71.

прикрывая свое пребывание в тылу наших войск заранее подготовленными легендами. Вследствие этого войсковая разведка не всегда могла своевременно выявлять вражеских агентов. Эти задачи успешно выполнялись с помощью агентурной разведки. Для проведения агентурной оперативной работы на территории Маньчжурии были привлечены офицеры всех разведывательных отделов войск НКВД. Офицеры-разведчики были сведены в 23 оперативные группы по 3–6 чел. в каждой. Эти группы продвигались вместе с наступавшими войсками. Для выявления враждебных элементов оперативные группы использовали действовавшую закордонную агентуру войск НКВД, кроме того, проводили дополнительную вербовку агентов. Они широко использовались для опознавания гласного и негласного состава разведывательных и контрразведывательных органов из числа задержанных подозрительных лиц, для опознания японских военнослужащих, переодевшихся в гражданское платье и скрывавшихся под видом местных жителей, для обнаружения преступного элемента, скрывавшегося в тайге и на сопках, для разложения и склонения к капитуляции вооруженных сил японцев и диверсионных банд¹⁵.

С первого же дня пребывания на территории Маньчжурии оперативные группы, опираясь на агентуру и войсковые подразделения, приняли энергичные меры к розыску, изъятию опасных элементов. Например, оперативной группой 57-го пограничного отряда, возглавляемой майором Митяевым, за короткий срок в городах Хулинь, Дуань, Мишань было изъято 98 японских агентов¹⁶.

Для розыска диверсионных банд, установления их численности и намерения, разложения, склонения к капитуляции была создана специальная маршрутная агентура. С ее помощью офицерам войск НКВД удалось разложить 9 крупных групп и склонить к явке с повинной многих скрывавшихся в сопках гласных и негласных сотрудников японских органов спецслужб, жандармерии и полиции. Так, через маршрутную агентуру была разложена вооруженная банда численностью 63 чел., созданная японской разведкой еще до войны, действовавшая в тылу 35-й армии в районе Думухе¹⁷.

Для разложения скрывавшихся вооруженных групп японцев и склонения их к явке с повинной использовались также местные жители, военнопленные, полицейские, солдаты. Например, оперативная группа разведывательного отряда округа под руководством полковника Зеленева через агентуру склонила к капитуляции сначала 107 чел., скрывавшихся в окрестностях города Гутаньцзян. После этого с помощью сдавшихся в течение пяти дней было выявлено еще около 200 чел., в том числе 165 офицеров, 9 жандармов, 8 крупных японских

¹⁵ См.: ЦАПВ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2519. Л. 17.

¹⁶ См.: Там же. Л. 20.

¹⁷ См.: Там же. Ф. 231. Оп. 6895. Д. 626. Л. 51.

чиновников провинциального управления¹⁸. Этой же оперативной группой склонен к капитуляции вооруженный отряд белогвардейцев более 60 чел., созданный японцами для диверсионных действий в тылу советских войск в районе города Муданьцзян.

Большая часть диверсионных банд, вооруженных групп японских солдат и офицеров, отказавшихся капитулировать, была ликвидирована подразделениями войск по охране тыла. Так, в результате боевых действий войск НКВД Приморского округа на территории Маньчжурии было выявлено 50 вооруженных групп и диверсионных банд противника, при этом было убито 374 чел., захвачено в плен 724 чел., 6056 солдат и офицеров было склонено к капитуляции¹⁹.

В деятельности офицеров-разведчиков войск НКВД важное место занимала фильтрационно-следственная работа. Все лица, задержанные войсковыми нарядами в течение трех суток, проходили фильтрацию. После выяснения личности задержанного и проверки компрометирующих данных на них разоблаченные вражеские агенты вместе с материалами следствия передавались органам контрразведки 1-го Дальневосточного фронта. Всего за период военных действий оперативными группами Приморского округа было подвергнуто фильтрации 3870 человек. Органам контрразведки для ведения дальнейшего следствия было передано 989 чел., из них сотрудников разведывательных органов противника – 163, вражеских разведчиков – 442, диверсантов – 54, японских солдат, маскировавшихся под местных жителей – 262²⁰.

В общей системе охраны тыла наступательных фронтовых операций, как и на Западе, подтвердилась большая эффективность применения оперативно-войсковых групп, широко используемых в полосе действия всех фронтов. В оперативно-войсковую группу обычно входили 2–5 офицеров-разведчиков, 30–50 солдат и сержантов. Такие группы действовали вместе с передовыми отрядами наступающих подразделений, на значительном удалении от линии государственной границы, в целях разгрома японских разведывательных органов, захвата сотрудников и документов этих отрядов. Так, оперативно-войсковая группа 53-го отряда войск НКВД, действовавшая вместе с передовыми частями 36-й армии, захватила секретные документы особого отдела полиции и жандармерии в городе Джайлайнор, а также важнейшие документы органов спецслужб, в том числе списки действовавшей агентуры и списки лиц, отобранных в агентурную сеть на случай войны с СССР²¹.

Оперативно-войсковая группа 77-го отряда войск НКВД совместно с частями 5-го отдельного стрелкового корпуса ворвалась в города

¹⁸ См.: ЦАПВ. Ф. 231. Оп. 20. Д. 70. Л. 17.

¹⁹ См.: Там же. Ф. 14. Оп. 224. Д. 3594. Л. 38.

²⁰ См.: Там же. Л. 39–40.

²¹ См.: Там же. Ф. 20. Д. 70. Л. 378–379.

Жаохей, Дунаньчжень, захватила переписку жаохейского отряда спецслужб, переписку следственного, пограничного и полицейских отрядов. Среди документов оказались списки агентов японской разведки и особых отделов пограничной полиции²². Захваченные документы и ранее имевшиеся у войск НКВД данные о японских разведывательных органах позволили оперативно-войсковым группам сразу же изъять наиболее активную агентуру врага. На некоторых агентов материал передавался контрразведывательным органам. Разгром опорных пунктов японской разведки на наших границах, около ближайших тыловых районов, изъятие значительного количества агентуры, подготовленной для действий на советской территории, не позволили японской разведке развернуть активную подрывную деятельность в тылу действующей армии.

Высокую оперативную активность проявляли войсковые наряды войск НКВД, охранявшие государственную границу. На участках, где велось наступление, они взаимодействовали с войсками тыла фронта. Действия оперативно-войсковых групп, сочетавших в своей тактике оперативные мероприятия и войсковые действия по поиску и ликвидации бандитских групп противника, можно проследить на следующем примере. Японцами в городе Хулинь была сформирована банда из матросов одной из флотилий, состоящая из китайцев, общей численностью 25 человек. Во главе банды был поручик Сунь-Цынь. До отступления японцев банда находилась в городе Худоу. О закордонной агентуре было известно разведподразделению 57-го пограничного отряда войск НКВД, охранявшего границу на этом направлении. Потом отряд скрытно вывели в город Хулинь и оставили для производства диверсий в тылу действующих частей Красной Армии. 18 августа 1945 г. штабу охраны войскового тыла 35-й армии поступили данные о том, что главарь банды Сунь, переодетый в гражданскую одежду, прибыл в город Хулинь и остановился на квартире китайца Дунь в районе города Хулинь. Была выслана оперативно-войсковая группа в составе 28 чел. во главе с начальником разведотделения 57-го пограничного отряда майором Митяевым. На квартире китайца Дунь Сунь был арестован. На допросе он показал, что личный состав его группы находился в одной из фанз, расположенных в двух км от города Хулинь, банда имеет на вооружении ручной пулемет, 22 винтовки, маузер и при всех случаях намерена драться до последнего человека. Сунь был завербован нашими разведчиками, ему было предложено склонить банду к капитуляции, на что он согласился, но предупредил, что некоторые бандиты все равно окажут сопротивление. Сунь и Дунь 19 августа 1945 г. вышли к месту расположения банды с задачей подготовить ее к сдаче в плен. Во избежание вооруженного сопротивления Сунь и Дунь была поставлена задача в 19.00 19 августа 1945 г. вывести банду из фанзы в близлежащий кустарник на совещание, оставив оружие в

²² См.: ЦАПВ. Ф. 20. Д. 70. Л. 378–379.

фанзе, что и было и сделано. В 12.30 к месту расположения банды прибыла группа чекистов, численностью 13 чел., возглавляемая старшим лейтенантом Винокуровым, которая окружила фанзу с оружием. Майор Митяев окружил район кустарников и решительными действиями захватил банду, трое бандитов, пытавшихся оказать сопротивление, были уничтожены на месте. В результате умелого сочетания агентурно-оперативных мероприятий и решительных войсковых действий без потерь была ликвидирована опасная банда²³.

В связи с окончанием боевых действий 13 октября 1945 г. Главное управление войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии было расформировано, а подчиненные ему части переданы в состав пограничных и внутренних войск и возвращены на выполнение стоящих перед ними задач.

²³ См.: История строительства внутренних войск. С. 297.

**РЕФОРМИРОВАНИЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ
В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х ГОДОВ**

Современный этап развития российского социума характеризуется реформированием многих сфер жизни общества, в том числе и социальной. Важным направлением политики государства в этой области является система пенсионного обеспечения населения, которая также подвергается различным трансформациям. Однако проводимые реформы не всегда улучшают качество жизни россиян. В этом свете вполне обосновано обращение к опыту создания всеобщей системы пенсионного обеспечения в СССР. Учет успехов и неудач в реформировании советского пенсионного законодательства в 1953–1964 гг. способен предостеречь современных политиков от непопулярных шагов в отношении нетрудоспособных категорий населения РФ. Определенную новизну изложению придает использование автором ранее не вовлекаемых в научный оборот архивных документов по истории социального обеспечения, хранящихся в фонде Политбюро ЦК КПСС в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). В частности, эти материалы позволяют реконструировать механизм разработки и принятия основополагающих законопроектов в сфере пенсионного обеспечения.

Точкой отсчета в формировании советской пенсионной системы можно считать 1918 г., когда были введены пенсии для инвалидов Красной Армии и вдов красноармейцев¹, в 1923 г. их стали получать пожилые большевики², в 1928 г. – работники горнорудной и текстильной промышленности³. Согласно ст. 124 конституции 1936 г. право на получение государственных пенсий распространилось на всех граждан Советского Союза⁴. Кроме того, как до, так и после этого был принят еще ряд законодательных актов (в 1930 г., 1932 г., 1938 г.) и дополнений к ним. Однако при жизни Сталина государственное пенсионное законодательство так и не приобрело системного характера, наоборот, превратилось к началу 1950-х гг. в сложный, громоздкий перечень законов, содержащий «множество условных и ничем не оправдываемых ограничений, противоречий и устаревших положений». Именно такая

¹ См.: Собрание указов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ). 1918. Отд. 1. № 58. Ст. 637. № 74. Ст. 810.

² См.: Там же. № 15. Ст. 198.

³ См.: *Холостова Е. И.* Генезис социальной работы в России: Учеб. пособие. М., 2010. С. 185.

⁴ См.: Конституция (основной закон) РСФСР. М., 1938. С. 16.

характеристика состояния советского пенсионного законодательства была дана руководством Министерства социального обеспечения в записке, адресованной Г. В. Маленкову 22 июля 1953 г. и посвященной выработке мер по улучшению состояния пенсионного обеспечения в СССР. Дальнейшие рассуждения авторов записки сводились к тому, что из-за имевшихся ограничений и противоречий в законодательстве трудящиеся лишались пенсий даже при наличии трудового стажа и других, необходимых для этого условий. В частности, в документе было приведено несколько примеров, наглядно характеризующих недостатки действующего на тот момент пенсионного законодательства. Наиболее показательными из них являются следующие: «... б) работница, которой для назначения пенсии по инвалидности требуется 7-летний стаж работы и которая фактически проработала 14 лет – права на пенсию не приобретает из-за перерыва в работе свыше 5 лет (она была занята уходом за маленькими детьми); в) не имеет права получать пенсию по старости мужчина, достигший 60 лет, но оставивший работу в возрасте 59 лет, несмотря на то, что он имеет 40-летний стаж работы, вместо требуемых по закону 25 лет; ... д) граждане – инвалиды с детства никогда не приобретут право на пенсию по инвалидности, независимо от того, сколько бы они ни работали в качестве рабочих и служащих»⁵.

Действовавшими в то время законодательными актами устанавливались резкие различия в условиях и нормах исчисления трудового стажа⁶, определения права на повышенную пенсию, учета времени службы в армии для работников ведущих отраслей народного хозяйства, например, угольной, химической промышленности, Министерства путей сообщения. Большинство пенсионеров получало крайне низкие пенсии: от 50 до 180 рублей⁷. А семьям умерших инвалидов Первой мировой войны вообще была положена ежемесячная пенсия от 7 руб. 50 коп.; инвалид I группы от профессионального заболевания или трудового увечья мог рассчитывать на получение минимальной пенсии в размере 300 рублей⁸. Поэтому прожить на эти деньги пенсионеры без помощи детей или иных родственников были не в состоянии.

Совсем иным было положение сотрудников аппарата различных министерств, руководящих и инженерно-технических работников. Размеры их пенсий по старости достигали более значительных размеров – от 2500 до 3 тыс. руб., причем назначались они даже, если работник продолжал работать на прежней должности по достижении

⁵ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 28. Д. 3. Л. 71–72.

⁶ Пенсия во многих случаях исчисляется из уменьшенного условного заработка и лишь из тарифной сетки (см.: Там же. Д. 4. Л. 16).

⁷ См.: Там же. Д. 3. Л. 73.

⁸ См.: Там же. Л. 68.

пенсионного возраста (у этой категории населения он наступал не с 60 лет, как у большинства, а с 50 или 55 лет)⁹.

Различными были источники выплаты пенсий. Для подавляющего большинства пенсионеров пенсии по старости и нетрудоспособности выплачивались артелями, которые имели свой социальный фонд и кассу взаимопомощи. Руководящим работникам и ИТР – из государственных средств. Таким образом, единого пенсионного фонда в стране не существовало. Все эти обстоятельства, резюмировали авторы записки, вызывали большой поток справедливых жалоб граждан, которым существовавшие в законодательстве ограничения и различия были неясны.

Принимая во внимание создавшуюся негативную ситуацию в сфере пенсионного обеспечения, Министерством социального обеспечения был разработан проект положения «О государственных пенсиях», которым предусматривалось введение единой системы пенсионного обеспечения трудящихся по старости, по инвалидности и по случаю потери кормильца, за исключением генералов, адмиралов и офицеров и работников государственного контроля, которые должны были получать пенсию через соответствующие ведомства. Проект также предусматривал ранее не практиковавшийся порядок установления частичных пенсий лицам, имевшим 50% или 75% от требуемого трудового стажа. Кроме того, этим проектом планировалось унифицировать требования возраста и стажа при назначении пенсий по старости и для лиц, занятых на вредных и подземных работах¹⁰.

Предложения, сформулированные в проекте, получив одобрение, обрели законодательную силу в постановлении Совета министров СССР «Об улучшении пенсионного обеспечения в СССР», которым с 1 января 1954 г. были повышены в среднем в два раза пенсии по старости, инвалидности и по случаю потери кормильца всем категориям трудящихся, кроме военнослужащих¹¹.

Система пенсионного обеспечения военнослужащих также была не лишена недостатков. В адресованной Н. С. Хрущеву в 1955 г. записке по этому вопросу говорилось о существовании больших излишеств в пенсионном обеспечении генералов, офицеров и их семей. Например, лицам, получившим право на пенсионное обеспечение после 1 октября 1946 г., устанавливались и выплачивались пенсии в 2–3 раза выше пенсий, назначенных ранее. При этом пенсии отдельных лиц, при условии отсутствия определения предельного их размера, превышали 5 тыс. руб. в месяц.

⁹ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 3. Л. 73.

¹⁰ См.: Там же. Л. 68–69, 75–76; Д. 4. Л. 6–14, 31–80.

¹¹ См.: Там же. Д. 4. Л. 16–21.

Весьма высокими по своим размерам были и пособия, назначаемые, кроме пенсий, генералам, адмиралам, старшему офицерскому и начальствующему составу при зачислении их в запас¹².

Для устранения этих излишеств, согласно предложенной Министерством финансов схеме, был повышен возрастной состав пенсионеров и понижены размеры пенсий по выслуге лет в среднем на 30–35%, по инвалидности – на 20% и членам семей военнослужащих до 30%¹³. В 1959 г. были сокращены «с заоблачной суммы до пяти тысяч рублей в месяц» генеральские и полковничьи пенсии 172269 пенсионерам¹⁴. В частности, пенсии за 25 лет выслуги были снижены с 80% до 50% окладов, отменен и уменьшен ряд льгот по исчислению выслуги лет офицерам, уволенным с летной работы и подводных лодок из-за преждевременной изношенности организма. В целом на 1 января 1960 г. были пересмотрены и снижены пенсии свыше 180 тыс. пенсионерам¹⁵. Повышены были пенсии (на 15%) лишь офицерам-инвалидам Отечественной войны I и II группы, уволенным до 1 октября 1946 г. в количестве 54265 человек¹⁶.

Пересмотр и сокращение пенсий интерпретировалось Хрущевым как «борьба за справедливость», против привилегий, раздаваемых Сталиным военным, однако в армии подобные шаги власти вызывали множество пересудов, поскольку Хрущев отнимал то, что Сталин в свое время дал¹⁷.

Сокращению и реформированию подверглось и Министерство внутренних дел, в результате чего были снижены пенсии лицам высшего и старшего начальствующего состава с 80 до 50% основного оклада, лицам начальствующего и рядового состава с 80 до 75% основного оклада¹⁸.

Кампания по устранению излишеств и пересмотру пенсионного законодательства военнослужащих сопровождалась масштабным сокращением вооруженных сил. Только согласно закону от 14 января 1960 г. «О новом значительном сокращении Вооруженных сил СССР» было уволено более 100 тыс. человек¹⁹. Эти люди, в большинстве своем избрав военную службу пожизненной профессией, после увольнения в запас уже не в молодом возрасте вынуждены были приобретать гражданскую специальность. Поэтому практически большинство из них устраивалось на низкооплачиваемую работу. В этих условиях пенсия для их материального обеспечения имела важное значение, но го-

¹² См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 11. Л. 125–126.

¹³ См.: Там же. Л. 120–121, 129,

¹⁴ См.: Хрущев С. Н. Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 651; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 13. Л. 22.

¹⁵ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 8. Л. 104; Д. 13. Л. 103.

¹⁶ См.: Там же. Д. 13. Л. 22.

¹⁷ См.: Хрущев С. Н. Никита Хрущев: Реформатор. С. 651.

¹⁸ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 13. Л. 2, 4, 15–18 об.

¹⁹ См.: Там же. Л. 103.

сударство было не способно обеспечить им достойный уровень пенсионного обслуживания.

Действительно, хотя партией и правительством был принят целый ряд законопроектов для пенсионного и жилищно-бытового устройства сокращенных, однако, например, на пожизненную пенсию могли претендовать только офицеры, имевшие выслугу лет от 20 до 25 лет, остальным выплачивались пособия, и то только в течение года после увольнения²⁰.

В конце 1959 г. в Энгельсе Саратовской области из 759 военных пенсионеров, состоявших на учете в военкомате, 306 получали низкую пенсию. Причем это были люди престарелого возраста и устраиваться вновь на работу не могли²¹.

Гораздо больше заботы проявлялось о материальном обеспечении офицеров и лиц высшего, старшего и среднего начальствующего состава Министерства внутренних дел СССР и Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, уволенных в запас или отставку²².

Средства, высвобождавшиеся за счет пересмотра пенсионного законодательства военнослужащих в 1955 г. и 1959 г. и сокращения расходов на оборону, позволили назначить пенсии тем категориям населения, которые ранее пенсий не получали. Например, военнослужащим, осужденным за совершенные преступления и отбывшим наказание или освобожденным из заключения по амнистии²³; гражданам, необоснованно привлеченным к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированным²⁴. Не были обойдены вниманием и пенсионеры – члены КПСС. Согласно принятого 15 мая 1954 г. Совмином СССР постановления «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий старых членов КПСС», Министерство социального обеспечения РСФСР стало им выплачивать денежные пособия в размере от 600 до 1200 рублей²⁵. В таких же размерах выплачивались пенсии персональным пенсионерам союзного, республиканского и местного значения, назначаемые согласно Положению «О персональных пенсиях» (утверждено постановлением Совета министров СССР от 14 ноября 1956 г. и дополняющими его законодательными актами) соответственно – за заслуги перед Союзом ССР, союзной рес-

²⁰ См.: Собрание постановлений и распоряжений (далее – СП). СССР. 1960. № 3. Ст. 15; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 11. Л. 89–90, 94–95, 114–116, 118; Д. 13. Л. 1, 34.

²¹ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 2485. Оп. 31. Д. 32. Л. 25–26.

²² См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 11. Л. 115–116; Д. 13. Л. 1–2, 48, 53, 59, 66, 68, 76, 77.

²³ См.: Там же. Д. 11. Л. 110, 112, 119.

²⁴ См.: Там же. Д. 4. Л. 95–97; Д. 7. Л. 61.

²⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3055. Л. 215–216.

публики или местного значения²⁶. Это был определенный результат реализации задач, поставленных XX съездом КПСС относительно обеспечения престарелых граждан²⁷.

Повышены были пенсии и тем, кто работал во вредных для здоровья условиях. Для них устанавливалась максимальная пенсия 1200 руб.; после денежной реформы 1961 г. – 120 рублей²⁸. Проявлялась определенная забота об инвалидах Великой Отечественной войны, для которых вводились 15%-я надбавка к пенсии, разрабатывались мероприятия по улучшению протезно-ортопедической помощи²⁹.

Однако центральным событием реформирования пенсионного законодательства периода «хрущевской оттепели» стало принятие 14 июля 1956 г. закона «О государственных пенсиях»³⁰. Определив три вида пенсий – по старости, по инвалидности и по случаю потери кормильца, закон и постановление, детализирующее порядок его реализации, не только расширили круг лиц, которым они предоставлялись, но и практически положили начало всеобщему государственному пенсионному обеспечению трудящихся. Был установлен самый низкий в мире возрастной порог ухода на пенсию (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин). Размеры всех разновидностей пенсий колебались от 360 до 1200 рублей. Средняя пенсия по старости в 1956 г. составляла 230 рублей. Согласно прописанным в этом законе положениям должно было осуществляться и пенсионное обеспечение офицеров, военнослужащих сверхсрочной службы, писателей, композиторов, работников изобразительного искусства, просвещения, здравоохранения, сельского хозяйства и членов их семей; учащихся средних школ, ставших инвалидами в результате трудового или профессионального увечья, и других³¹.

Общее число пенсионеров, на которое по расчетам властей должно было распространиться действие этого закона, составляло на 1 января 1956 г. 13,4 млн чел. против 3,07 млн чел. на 1 января 1941 года. Разработчики этого закона также полагали, что он будет содействовать переходу на пенсию престарелых рабочих и служащих, которые к сере-

²⁶ См.: Юридический портал LawMix. Законодательство СССР. URL: http://www.lawmix.ru/docs_ccsr/6827/ (дата обращения: 13.09.2014); РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 7. Л. 9–9 об.; Д. 8. Л. 11.

²⁷ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 1. Л. 65.

²⁸ См.: Там же. Д. 7. Л. 31, 32, 47–49.

²⁹ См.: Там же. Л. 82; Д. 17. Л. 153–157.

³⁰ См.: Там же. Д. 6. Л. 2, 4–12; Хрущев С. Н. Никита Хрущев: Реформатор. С. 333.

³¹ См.: Лурье Л., Малярова И. 1956 год. Середина века. СПб., 2007. С. 20; Гуменюк А. А. Социальная работа в СССР в 1953–1964 гг. (по материалам Саратовской области) // Историческое прошлое и образы истории: Матер. междунар. науч. конф. Саратов, 2013. С. 359–360.

дине июля 1956 г. продолжали работать вследствие крайне низких размеров существующих пенсий³².

Действительно, уже в 1959 г. число пенсионеров в стране выросло до 20 млн человек. Средний размер пенсий по старости к этому времени увеличился более чем в два раза; по инвалидности от общего заболевания – в 1,5 раза; по случаю потери кормильца семей рабочих и служащих – более чем в 1,5 раза. В среднем по всем видам пенсий рост составил 92%³³.

В то же время принятие и проведение в жизнь закона «О государственных пенсиях» вызвало значительное увеличение заявлений и жалоб граждан, поступающих в президиум Верховного Совета СССР по пенсионным вопросам. Если в августе 1956 г. их поступило 8 тыс., то в сентябре – 12 тыс., в октябре 24 тыс., а за 20 дней декабря – 13200. Причем большинство из них поступило из УССР и РСФСР. Примером такой жалобы может служить письмо жителя Саратовской области следующего содержания: «Я родился в 1928 г. С десяти лет я стал инвалидом <...> в новом законе ничего нет о пенсии инвалидам детства. Я имею 28 лет, родители мои престарелые имеют по 50 лет. Я как буду в дальнейшем жить и кормиться, если мне не будут платить государственную пенсию. Этот вопрос меня, как инвалида, очень волнует»³⁴. Обилие такого рода жалоб заставило руководство страны внести ряд изменений в текст закона³⁵, а также принять ряд законопроектов, устраняющих недостатки в практике назначения пенсий и упорядочивающих в связи с этим пенсионное законодательство³⁶. Тем самым власть определенным образом стремилась учесть пожелания населения. Можно с уверенностью утверждать, что усилия властей дали свои плоды³⁷, поскольку даже спустя более чем полвека, в начале XXI в., жители столицы, отвечая на вопрос радиостанции «Эхо Москвы» о том, с чем у них ассоциируется время Хрущева, говорили слова благодарности за создание в середине 1950-х гг. всеобщей системы пенсионного обеспечения³⁸.

Однако для того, чтобы система пенсионного обеспечения стала действительно всеобщей, необходимо было распространить ее на колхозное крестьянство. Начинаясь с выдачи паспортов изменения социального облика советской деревни без пенсионной реформы вы-

³² См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 278–279.

³³ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 7. Л. 13, 79.

³⁴ Там же. Д. 6. Л. 189.

³⁵ См.: Там же. Л. 17, 62–64; Д. 8. Л. 70, 95, 141–142; Д. 9. Л. 46–47, 49.

³⁶ См.: Там же. Д. 7. Л. 20–23, 30, 44, 79–83; Д. 8. Л. 18, 42.

³⁷ См., напр.: Советская Калмыкия. 1957. 5 мая.

³⁸ См.: Дымарский В. Н. Времена Хрущева. В людях, фактах и мифах. М., 2011. С. 8.

глядели незавершенными, крестьянство не было до конца уравнено в правах с жителями промышленных центров.

Неспособность колхозов выплачивать своим членам пенсии, равноценные или хотя бы близкие по размерам к пенсиям рабочих и служащих, вызывала масштабное недовольство и побуждала многих колхозников мигрировать в города³⁹. Нетрудоспособные престарелые колхозники, пережившие большие трудности и лишения в период коллективизации, не имея возможности покинуть свое село и деревню, были фактически обречены на полуголодное существование, особенно в экономически слабых колхозах. Тем самым деревня лишалась наиболее трудоспособных категорий населения, она старела, снижались экономические показатели развития сельского хозяйства. Так, выступая на IX сессии Саратовского районного совета депутатов трудящихся Саратовской области (23 июня 1960 г.) председатель колхоза им. XIX партсъезда жаловался на нехватку доярок в хозяйстве, поскольку на каждого работающего приходилось по три пенсионера⁴⁰.

Думается, что к созданию системы пенсионного обеспечения колхозников власти подтолкнула именно необходимость повышения экономических показателей развития деревни, нежели потребность уравнять права жителей города и деревни в этом вопросе. Осуществить это мероприятие, отмечалось в специально подготовленной по этому вопросу записке и адресованной в ЦК КПСС 30 декабря 1963 г., предполагалось за счет средств колхозов (примерно на 70%–75%) и частично привлечения средств государства (25–30%). Планировалось на первом этапе установить колхозникам небольшие пенсии, примерно, в размере 50% от пенсий, устанавливаемых для рабочих и служащих, проживающих в сельской местности. При этом пенсионный возраст, учитывая условия труда в деревне, авторы записки считали возможным несколько повысить: мужчинам назначить пенсии с 65 лет и старше и женщинам – с 60 лет и старше. Источниками расходов для введения системы пенсионного обеспечения колхозников могли быть следующие: отчисления колхозами 4–5% своих денежных доходов; сокращение расходов по государственному социальному страхованию; изменение цен на новые модные ткани из синтетических материалов, на новые модели одежды и платья, пользовавшиеся широким спросом⁴¹. Все эти средства должны были поступать в создаваемый для выплаты пенсий и пособий централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников.

³⁹ Принятые в июле 1956 г. три вида государственных пенсий распространялись только на председателей колхозов, специалистов по сельскому хозяйству и механизаторов (см.: СП СССР. 1964. Отд. 1. № 13. Ст. 89).

⁴⁰ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-1738. Оп. 3. Д. 567. Л. 2.

⁴¹ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 9. Л. 4–5.

Получив одобрение на февральском 1964 г. Пленуме ЦК КПСС, содержащиеся в записке предложения легли в основу проекта Указа Президиума Верховного Совета СССР «О пенсиях и пособиях колхозникам» и проекта постановления Совета Министров СССР «О мероприятиях, связанных с введением этого Указа». В частности, этим проектом пенсии по старости предлагалось назначать в размере 50% с заработка колхозников до 50 руб. и, сверх того, 25% из остальной части заработка. Таким образом, колхознику, получавшему за свой труд 70 руб. в месяц, пенсия назначалась в размере 15 рублей. Минимальная пенсия по старости предусматривалась на уровне 12 руб. в месяц, что было примерно в два раза меньше, чем минимальная пенсия по старости, установленная для работников совхозов. Максимальный размер пенсий намечался в пределах, установленных для рабочих совхозов. Тем самым, по мысли разработчиков закона, пенсионное обеспечение побуждало бы колхозников к более производительному труду, подъему уровня производства, предусматривало поощрение для тех, кто после назначения пенсий не оставит работу⁴². Этот проект получил одобрение в середине июля 1964 г. делегатов сессии Верховного Совета СССР.

Спустя несколько месяцев, 3 сентября 1964 г., на заседании Президиума ЦК КПСС был утвержден проект постановления Совета Министров СССР «О порядке и размерах отчислений колхозов в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников и об организационных мероприятиях, связанных с осуществлением Закона о пенсиях и пособиях колхозов»⁴³. Принятие же законодательных актов, регламентирующих порядок назначения, выплаты пенсий колхозникам, было осуществлено уже после отставки Хрущева, в течение последних полутора месяцев 1964 года⁴⁴.

Своеобразную точку в хрущевских реформах пенсионного обеспечения населения СССР поставило постановление ЦК КПСС от 27 ноября 1964 г., одоббившее проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О пенсиях и пособиях колхозников»⁴⁵.

Итак, Хрущев оставил своим наследникам совсем другую страну, по сравнению с той, которая досталась ему и другим соратникам Сталина. Свою лепту в это преобразование внесла и пенсионная реформа. Если до ее проведения пенсии по своим размерам были мизерными и носили чисто символический характер, то осуществленные реформы распространили их на десятки млн человек. Появился и стал быстро расти новый класс пенсионеров. За 1956–1962 гг. средний размер месячной пенсии вырос более чем в два раза в большинстве союзных республик. Повышению пенсий особенно радовались шахтеры и хи-

⁴² См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 9. Л. 33, 69–70, 86.

⁴³ См.: Там же. Л. 103–108, 110–111.

⁴⁴ См.: Там же. Л. 129–143, 145–147.

⁴⁵ См.: Там же. Л. 72, 76–81.

мики, работавшие во вредных для здоровья условиях. Самым высоким (75 руб.) являлся средний размер месячной пенсии, назначенной на льготных условиях пенсионерам по старости⁴⁶. Тем самым реформа пенсионного законодательства сделала для населения страны возможным сносное, хотя и скромное существование. Это позволяет утверждать, что именно Н. С. Хрущев явился автором создания всеобщей системы пенсионного обеспечения, заложив тем самым основы социального государства в СССР. Однако удовлетворить чаяния всех категорий населения ему не позволила нестабильность экономического развития страны, которая существенно ограничивала мобильность курса его социальных реформ. Тем не менее, можно согласиться с мнением Д. А. Ванюкова о том, что пенсионное законодательство 1953–1964 гг. стало внимательно изучаться западными профсоюзами и социалистическими партиями, а многие его положения легли в основу современной социальной политики⁴⁷. Все это убедительно доказывает, что в целом социальная политика Н. С. Хрущева была ориентирована на человека.

⁴⁶ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 1. Л. 71, 73.

⁴⁷ См.: Ванюков Д. А. Хрущевская оттепель. М., 2007. С. 127.

**ПОДГОТОВКА И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ
ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ПРОСЛОЙКИ КАДРОВ МАССОВЫХ
ПРОФЕССИЙ В 1965–1975 гг.
(на материалах Саратовской области)**

Интенсивное развитие научно-технического прогресса, увеличение поставок новой техники, электрификация и комплексная механизация трудоемких процессов в период перехода от экстенсивных форм хозяйствования к интенсификации сельскохозяйственного производства предъявляли новые высокие требования ко всем труженикам села, специалистам массовых профессий, но в особенности к кадрам, призванным в совершенстве знать новую технику и технологию современного производства, способных организовывать труд в соответствии с требованиями механизации и автоматизации производственных процессов.

Поэтому одним из важнейших направлений государственной политики в годы восьмой и девятой пятилеток являлась подготовка индустриальных кадров массовых профессий.

Подготовку кадров в исследуемые годы в стране вели 628 средних учебных заведений¹. Сельскохозяйственные ПТУ страны в 1965 г. подготовили 88,1 тыс., а в 1975 – 178 тыс. дипломированных специалистов². Широко практиковалась подготовка кадров за счет хозяйств и направление их на работу в производственные коллективы.

Рост количественного и качественного состава сельских энергетиков говорит о том, что правительство уделяло большое внимание этим вопросам, однако для выполнения задач реформирования организации труда в сельском хозяйстве явно не хватало высококвалифицированных кадров. Достаточно сказать, что на начало пятилетки в РСФСР только 40,1% инженеров и техников, 5,7% бригадиров производственных бригад, 5,6% заведующих животноводческими фермами в колхозах и соответственно – 37,7%, 16,2%, 13,5% в совхозах имели высшее и среднее специальное образование³. Именно эти специалисты непосредственно были связаны с эксплуатацией, наладкой и ремонтом электрохозяйства подразделений колхозов и совхозов, самих хозяйств, предприятий «Сельхозтехника», электросетей районов и хозяйств.

В конце 1960-х гг. интенсивно шел процесс профессионального разделения труда. В сельскохозяйственном производстве появились

¹ См.: Среднее специальное образование. 1970. №9. С. 10.

² См.: Народное хозяйство СССР в 1975 году. Статистический ежегодник. М., 1976. С. 687.

³ См.: Народное хозяйство СССР в 1965 году. Статистический ежегодник. М., 1966. С. 440, 442.

новые профессии, такие как операторы машинного доения, наладчик оборудования ферм, слесари-электромонтажники, линейные электромонтеры, мастера-наладчики сельскохозяйственных машин, машинисты насосных станций. Вместе с тем, наблюдалась тенденция к совмещению профессий, что помогало более эффективно использовать сельскохозяйственную технику, сокращать потребность в рабочей силе. Учет этих факторов и лег в основу кадровой политики на селе.

В годы восьмой пятилетки подготовка механизаторских кадров в Саратовской области осуществлялась в 20 сельских профессионально-технических училищах. Наряду с подготовкой трактористов-машинистов широкого профиля, слесарей по ремонту тракторов, автомобилей и сельскохозяйственных машин, слесарей по ремонту топливной аппаратуры, водителей автомобилей училища готовили электромонтеров сельской электрификации, электросварщиков, мастеров-наладчиков, механизаторов мелиоративных работ, электриков по ремонту автотракторного оборудования, машинистов дождевальных установок и рабочих других профессий, связанных с применением электроэнергии⁴.

Обучение новым профессиям, таким как мастера-наладчики, машинисты дождевальных установок, электромонтеры сельской электрификации и другим потребовало перестройки учебной базы и учебных программ ряда училищ, определило их специализацию.

В сентябре 1965 г. был утвержден план набора в СПТУ Саратовской области на 1965–1970 гг., в котором предусматривалось набрать 41635 и выпустить 39939 человек⁵. Выполнение этого задания потребовало от руководства области, районов и училищ сосредоточить внимание на укреплении учебно-материальной базы сельских профтехучилищ, ввести в действие новые учебные площади, расширить сеть специализированных кабинетов, улучшить их техническую оснащенность.

В сельских профессионально-технических училищах Саратовской области в 1966 г. для учебных целей использовались более двух тыс. сельскохозяйственных машин, орудий и механизмов, 143 кабинета для проведения лабораторно-практических занятий⁶.

Такое состояние материальной базы не могло решить в полной мере задач по увеличению подготовки механизаторских кадров. Поэтому в годы восьмой пятилетки был взят курс на строительство новых учебных корпусов действующих училищ и их оснащение современной техникой. Уже в 1966 г. были введены в эксплуатацию новые учебные корпуса в Калининском, Аткарском, Романовском и Петровском СПТУ, организовано дополнительно 50 лабораторий и мастерских⁷. К концу пятилетки из 20 СПТУ 12 осуществляли учебный процесс

⁴ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 5. Д. 16. Л. 52.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Там же. Оп. 6. Д. 126.

⁷ См.: Там же. Д. 37. Л. 169.

в новых корпусах⁸. В 1970 г. сельские профтехучилища располагали более чем двумя тыс. наименований сельскохозяйственной техники. Для проведения практической подготовки использовалось 358 кабинетов⁹.

В последующие годы сеть училищ постоянно росла. Возводились учебные корпуса, общежития, мастерские, которые оснащались передовой техникой. К концу 1975 г. в стране в 1554 сельских училищах обучалось 656 тыс. человек¹⁰. Создавались новые учебные программы, развивалась материально-техническая база училищ, что позволяло улучшить не только учебный процесс, но и проведение производственной практики. Новые технические средства обучения позволили создавать в училищах кабинеты программированного обучения и автоматизированного контроля. Все это, наряду с постоянным повышением квалификации и подготовки мастеров и преподавателей, позволило расширить преподавание специальных технических дисциплин. 19 сельских профтехучилищ Саратовской области в 1971–1975 гг. выпустили 33,6 тыс. квалифицированных специалистов¹¹.

После принятия постановления Совета Министров от 28 января 1975 г. «О мерах по расширению сети средних сельских профессионально-технических училищ и улучшению их работы», где была поставлена задача в 1976–1980 гг. построить и ввести в эксплуатацию 250 комплексов средних СПТУ¹², их строительство значительно ускорило. В Саратовской области были введены в строй учебные комплексы в Ершовском, Марксовском, Новоузенском, Романовском районах¹³. К началу десятой пятилетки в Нижнем Поволжье число училищ достигло 40. В них обучалось ежегодно более 12 тыс. человек, которые, наряду с другими профессиями, осваивали электротехнику, сложные машины и механизмы с использованием электродвигателей, электрооборудование для животноводческих ферм¹⁴.

В конце восьмой пятилетки для улучшения подготовки специалистов стал осуществляться постепенный перевод СПТУ на трехгодичное обучение. Это помогло вооружить обучающихся необходимыми знаниями в рамках среднего образования, трудовыми навыками, более высокой профессиональной квалификацией, а также поднять их общеобразовательный уровень. В Саратовской области уже в 1972 г. из 20 сельских профтехучилищ 5 работали по трехгодичным программам.

⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 2141. Оп. 14. Д. 562. Л. 3.

⁹ См.: Там же. Д. 833-а. Л. 2; Д. 739. Л. 4.

¹⁰ См.: Народное хозяйство СССР в 1975 г. С. 555.

¹¹ См.: Деятельность КПСС по повышению культурно-технического уровня тружеников села. Саратов, 1979. С. 64.

¹² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. М., 1971. Т. 11. С. 234.

¹³ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 20. Д. 23. Л. 7.

¹⁴ См.: Квалифицированные кадры в сельском хозяйстве. М., 1978. С. 26–27; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 18. Д. 68. Л. 131.

Наряду с подготовкой трактористов-машинистов широкого профиля Пугачевское училище готовило механизаторов-мелиораторов, Хвалынское – токарей, строителей, Петровское – электромонтеров сельской электрификации. В целом обучение шло по 26 профессиям¹⁵. В начале десятой пятилетки 14 училищ из 21 были преобразованы в средние.

К концу 1970-х гг. система средних профессионально-технических училищ в Нижнем Поволжье стала системой массового среднего образования молодежи и центром подготовки и переподготовки кадров массовых профессий. За девятую пятилетку в Волгоградской области сельские ПТУ выпустили и переподготовили 27,8 тыс. работников, в Саратовской области за 1975–1978 гг. – 26,6 тыс. специалистов по 18 специальностям¹⁶.

Вместе с тем, осуществлялась широкая подготовка кадров массовых профессий в филиалах СПТУ, организованных непосредственно в колхозах и совхозах, имеющих необходимую материально-техническую базу и педагогические кадры. В Саратовской области за 1965–1968 гг. количество филиалов СПТУ увеличилось с 89 до 112, а число учащихся в них с 1895 до 3754 чел., что позволило поднять возрастной уровень обучающихся¹⁷. Так, в 1970 г. учащиеся с 8–10-летним образованием составляли 54,2%, а прием в возрасте от 18 лет и старше с 1966 по 1970 гг. соответственно возрос с 25,5% до 40,3%¹⁸.

Постоянная работа областных и районных администраций по комплектованию сети профтехучилищ, укреплению их учебно-производственной базы позволили значительно увеличивать выпуск высококвалифицированных кадров массовых профессий. В Саратовской области он вырос с 7222 в 1965 гг. до 9264 в 1970 году. Всего же за 1965–1970 гг. сельские профтехучилища подготовили в Саратовской области 49556 специалистов массовых профессий, из них механизаторы (в том числе электрики) составили 41584 чел., или 83% от всех подготовленных¹⁹.

Выпуск кадров массовых профессий сельскими профессионально-техническими училищами в последующие годы был достаточно высок. В Саратовской области в 1975 г. они подготовили 9300 специали-

¹⁵ См.: Деятельность КПСС по повышению культурно-технического уровня тружеников села. С. 66; ГАНИСО. Ф. 325. Оп. 74. Д. 89. Л. 3.

¹⁶ См.: Заря молодежи. 1970. 12 марта.

¹⁷ См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 2163. Оп. 4. Д. 2545. Л. 90.

¹⁸ См.: Политическая информация. 1976. № 8. С. 17; Профессионально-техническое образование. 1978. № 9. С. 2; 1979. № 7. С. 2; *Трепачев Ю. Д.* Научно-технический прогресс и повышение культурно-технического уровня рабочих совхозов и совхозов в условиях развитого социализма. М., 1979. С. 106, 113.

¹⁹ См.: *Отставнов В. Т.* Деятельность Саратовской областной партийной организации по подготовке механизаторских кадров в системе профессионально-технического образования в годы восьмой пятилетки // Из истории социалистического строительства. Межвуз. науч. сб. Саратов, 1976. Вып. 6. С. 96.

стов²⁰. Сельские профессионально-технические училища и их филиалы внесли большой вклад в обеспечение хозяйств кадрами массовых профессий. Однако в условиях постоянно растущей электротехнической оснащённости производства, миграции сельского населения потребность в них постоянно росла²¹.

Одним из источников пополнения механизаторских кадров в Поволжье служила средняя общеобразовательная школа. В сельских школах Саратовской области в начале пятилетки обучение специальностям механизаторов проводилось на факультативных началах. Но уже в 1970 г. в подготовке сельскохозяйственных профессий средние школы перешли к обязательной профессиональной подготовке своих выпускников. В этом году в Саратовской области было охвачено учебой 5545 учащихся сельских общеобразовательных школ²². В дальнейшем подготовка кадров в общеобразовательных школах год от года увеличивалась, что в какой-то мере облегчало задачу закрепления кадров на селе.

Роль сельской средней школы в подготовке кадров массовых профессий значительно выросла после принятия постановлений Совета Министров РСФСР от 27 июня 1969 г. «Об организации обучения учащихся сельских средних общеобразовательных школ на тракторах, комбайнах и других сельскохозяйственных машинах»²³ и постановления Совета Министров СССР от 14 мая 1970 г. «О мерах по дальнейшему расширению подготовки кадров для сельского хозяйства»²⁴.

В восьмой пятилетке возникла еще одна новая форма подготовки кадров сельского хозяйства – через учебные межрайонные комбинаты, работавшие под руководством областного управления сельского хозяйства. Кроме традиционных профессий механизатора, в них обучали профессиям, необходимым в связи с развитием новых направлений в сельском хозяйстве. Так, развитие мелиорации в областях Поволжья вызвало потребность в кадрах специалистов-мелиораторов. В Саратовской области на базе совхоза «Энгельсский» был создан межрайонный учебный комбинат для механизаторов-мелиораторов, который с 1970 по 1975 гг. окончили 765 специалистов – машинистов насосных станций и дождевальных установок. Только за 1973–1975 гг. в области было подготовлено 24 тыс. мелиораторов. Колхозы и совхозы Энгельсского, Советского и некоторых других районов были полностью обеспечены кадрами²⁵.

²⁰ См.: Народное хозяйство Саратовской области за 60 лет. Статистический сборник. Саратов, 1977. С. 85.

²¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 7. Д. 1. Л. 18.

²² См.: *Отставнов В. Т.* Подготовка кадров для сельского хозяйства на современном этапе. Саратов, 1976. С. 23.

²³ См.: Сборник постановлений правительства РСФСР. М., 1969. № 16. С. 287–288.

²⁴ См.: Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1974). М., 1975. С. 443.

²⁵ См.: ГАСО. Ф. 2163. Оп. 4. Д. 1467. Л. 101.

Широко использовались курсы механизаторского всеобуча. В Саратовской области за 1973–1975 гг. 3400 чел. освоили сложную специальность машиниста дождевальных установок и насосных станций.

В девятой пятилетке механизаторский всеобуч стал важнейшим источником пополнения колхозов и совхозов кадрами механизаторов и повышения ими квалификации. И насыщенность села кадрами стала нарастать²⁶.

Немало нерешенных задач оставалось в организации обучения кадров массовых профессий для общественного животноводства. Основная часть работников ферм в начале восьмой пятилетки не имела специальной подготовки. Вместе с тем, расширение поставок нового оборудования для ферм, механизация трудоемких процессов требовали укрепления животноводства квалифицированными кадрами. В Саратовской области подготовка их в основном проводилась на 4-месячных курсах в хозяйствах. В 1966 г. на курсах с отрывом от производства было подготовлено 110 механизаторов по стрижке овец, 156 механизаторов животноводческих ферм, 378 мастеров машинного доения²⁷. Благодаря этому количество животноводов, получивших специальную подготовку, достигло 1316 чел. или 4,8% от общей массы тружеников ферм²⁸. К концу 1967 г. непосредственно в колхозах и совхозах было подготовлено 570 мастеров машинного доения, 100 механизаторов по стрижке овец, 215 механизаторов животноводческих ферм²⁹.

Наряду с хозяйствами, подготовка кадров для животноводства велась в сельских профтехучилищах, где проходили обучение механики животноводческих ферм, мастера-наладчики по уходу за машинно-тракторным парком, электромонтеры и электромеханики. В 1965 г. училища выпустили 29 механиков животноводческих ферм, 308 электромонтеров, 60 электромехаников, в 1971 г. соответственно – 50, 356 и 87, в 1975 г. – 36 механиков животноводческих ферм и 153 электромонтеров³⁰. За 1966–1970 гг. в Саратовской области на курсах в колхозах и совхозах было подготовлено 6170 квалифицированных животноводов. Среди них 1512 мастеров машинного доения и 2592 механизаторов животноводческих ферм³¹.

Подготовка и повышение квалификации мастеров машинного доения в Саратовской области проходила на базе объединений «Сельхозтехника». Занятия проводились по 48-часовой программе. Механизаторы-животноводы готовились на вводимых в действие крупных животноводческих комплексах, где применялась технология машинного откорма, использовалась комплексная механизация и автомати-

²⁶ См.: ГАСО. Ф. 2163. Оп. 4. Д. 1056. Л. 16.

²⁷ См.: Там же. Д. 1467. Л. 67.

²⁸ См.: Народное хозяйство Саратовской области за 60 лет. С. 90.

²⁹ См.: ГАСО. Ф. 2163. Оп. 4. Д. 1467. Л. 67.

³⁰ См.: Народное хозяйство Саратовской области за 60 лет. С. 90.

³¹ См.: ГАСО. Ф. 2163. Оп. 4. Д. 1468. Л. 27.

зация производственных процессов. Овладевали профессией молодые животноводы, имеющие среднее образование. Они участвовали в наладке оборудования, ремонте механизмов, изучали взаимодействие агрегатов, электрические схемы, технологические процессы. Через механизаторский всеобуч Саратовской области с 1966 по 1970 гг. прошло более 15 тыс. механизаторов, 707 мастеров-наладчиков, 1922 мелиоратора³².

В конце 1960-х гг. получили распространение школы передового опыта, где передовики производства делились со слушателями достигнутыми успехами непосредственно на рабочих местах. Широкое распространение школ передового опыта во многом помогло организовать обслуживание машинно-тракторного парка мастерами-наладчиками, внедрить диспетчерскую службу, групповой метод работы агрегатов в полеводстве.

Таким образом, усиление профессиональной подготовки сельских тружеников, увеличение доли квалифицированного труда в производстве вследствие развития научно-технического прогресса положительно сказалось на росте технической грамотности сельского населения. Но, несмотря на широкий размах подготовки, в хозяйствах Саратовской области постоянно ощущался недостаток квалифицированных кадров.

Сельское хозяйство области в годы 8–9-й пятилеток развивалось в сложных условиях постоянной нехватки индустриальных кадров. Нехватка порождалась расширенными поступлениями новой техники, автоматизацией и механизацией производственных процессов, общей тенденцией сокращения сельского населения, большой текучестью кадров массовых профессий. Возникло серьезное противоречие между темпами роста энергетической базы сельскохозяйственного производства и уровнем подготовки людей, призванных использовать новые возможности.

В исследуемый период интенсивно проходило развитие профтехобразования – переход к трехгодичному сроку обучения, что сыграло положительную роль в закреплении кадров на селе, так как вместе со специальностью сельская молодежь получала возможность иметь общее среднее образование. И все же решить проблему не удавалось. Молодежь стремилась в город, набор в профтехучилища проходил с трудом. Это вынуждало наряду с подготовкой кадров в СПТУ проводить обучение через систему механизаторского всеобуча, повышение квалификации и переаттестации, что увеличивало индустриальную прослойку, но не решило проблему в целом.

³² См.: ГАСО. Ф. 2163. Оп. 4. Д. 1468. Л. 18; Д. 1467. Л. 101; Д. 1818. Л. 15–16; Д. 2167. Л. 27.

Т. В. Черевичко (Саратов)

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ

Мировое экономическое развитие в последние годы обусловлено двумя взаимосвязанными тенденциями – глобализацией и модернизацией экономики.

Глобализация в самом общем виде может пониматься как процесс, усиливающий взаимозависимость мирового сообщества. Глобализация является продуктом ускорения социокультурной динамики в масштабе всего мира, что приводит к расположению географически, социально, культурно удаленных локальностей в единый пространственно-временной континуум, в единое пространство. Глобализация – комплексное явление, которое не следует, да и невозможно сводить к одному объединяющему процессу.

Феномен глобализации является результатом как минимум трех переплетающихся процессов: технологического прогресса, который фундаментально меняет отношения человека с окружающей его средой; интеллектуальных трансформаций, изменяющих социальные ценности; институциональных изменений, обуславливающих появление новой институциональной структуры.

Глобализация сделала мир единым целым, «социальные, политические и экономические связи пересекают границы государств и вторгаются в судьбы живущих в них людей»¹.

Термин «глобализация», вошедший в практику после первых докладов участников «Римского клуба», воспринимается большинством исследователей как формирование единого для всего человечества комплекса общезначимых ценностей и моделей развития. Однако однозначного понимания единого мирового пути развития на сегодняшний день не существует. Так, С. Хантингтон даже мыслит глобализацию именно как столкновение цивилизаций. В рамках локально-цивилизационного подхода это было бы вполне логично, поскольку имманентные тенденции каждой отдельно взятой цивилизации даже при постоянных контактах и устойчивом влиянии других контрагентов культурного развития не способны к локальному изменению. Но уже у А. Дж. Тойнби при выделении системообразующего религиозного таксона как основы цивилизационного различия заложена возможность компромисса будущего единого человека (объект и предмет веры – един). Экуменическая тенденция, возможно, еще послужит делу объединения человечества. П. Л. Бергер, сравнивая позиции С. Хантингтона и А. Тойнби, отмечает, что обе они укладываются в европей-

¹ Гиденнс Э. Социология. М., 1999. С. 483.

скую теорию модернизации, где роль «вызова» играет американская модель культурной глобализации².

Проблема модернизации и, следовательно, восприятие западной модели развития встала перед Россией не впервые. Под этим углом зрения в научной литературе оцениваются то реформы Петра I, то политика И. Сталина. В этой связи К. Холодковский справедливо подчеркивает два ключевых момента. Во-первых, «западническая» модель отвергалась «византийско-ордынским сплавом» социокультурного строя России и не приводила к образованию «тройственного сплава», включающего европейские нормы и институты. Во-вторых, сама модернизация носила верхушечный, выборочный характер. Хотя обе они (в начале XVIII в. и XX в.) вели к определенным изменениям в культурном строе общества, проводившие их власти были заинтересованы в первую очередь в таких преобразованиях, которые укрепляли военную мощь государства как инструмент внешней экспансии³.

Исторические моменты российской модернизации были не только частичными (вводились отдельные элементы европейского государственного устройства, но отвергался парламентаризм; принимались цели, но не пути и методы их достижения), но и глубоко противоречивыми. Модерн совмещался с антимодерном, с его усилением и интенсификацией.

Более того, и в оценках глобализации нет единого мнения: от традиционного представления, что глобализационные проекты обусловлены интернационализацией жизни на планете, до категорического утверждения, что глобализация – это навязывание всем странам западного экономического, политического, культурного и информационного кода⁴.

Современные глобальные процессы отражают реализацию единого и универсального «проекта модерна».

Понятие «модерн» было введено в научный оборот в XVIII веке. Под этим понятием понималось преодоление остатков средневековья и переход к новому, основанному на рациональных началах обществу. Затем модернизация стала отождествляться с индустриализацией. Экономическая теория модернизации вывела пять признаков экономического прогресса: создание национальной индустрии, интенсификация процесса экономического воспроизводства, рост дифференциации труда, превращение науки в производственную силу, развитие рационального управления производством. Социальная теория модернизации обращала внимание на построение общества с высокой социальной мобильностью, развитой бюрократической системой

² См.: Бергер П. Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004. С. 8–11

³ См.: Холодковский К. Г. Самоопределение России. М., 2013. С. 15, 24.

⁴ См.: Лешкевич Т. Г. Способствует ли модернизация глобализации? // Проблемы модернизации России. Вестник СМИОН. Ростов-н/Д., 2011. С. 74.

и разветвленными социальными гарантиями. Политическая модернизация рассматривалась как процесс перехода к либеральной демократии. Модернизация стала ассоциироваться с неразделимой трехчленной формулой «индустриализация – социальные гарантии – либеральная демократия».

Следует отметить, что глобализация и модернизация – два взаимосвязанных процесса. И они не просто взаимосвязаны. Глобализация сращена с модернизацией, так как она развивается на основе новых инновационных продуктов. Вероятно, не случайно начало модернизации совпало с Великими географическими открытиями и с «замыканием» планеты кругосветной экспедицией Магеллана, а начало глобализации – с выходом человека в космос, давшим возможность увидеть всю планету и инструментально работать в планетарных масштабах⁵.

Одновременно с этим в настоящее время глобализация становится источником и ресурсом модернизации. Интенсивность, глубина, приоритеты модернизации во многом задаются процессами глобализации, которые являются мощным экзогенным двигателем российской модернизации, влияя на ее воспроизводство и степень радикализации⁶.

В этой связи хотелось обратить внимание на тот факт, что за последние годы проблема возможности модернизации в мире и в России стала предметом острой научной дискуссии. И это не случайно. В научных исследованиях к началу 2010 г. классическая теория модернизации исчерпала свои возможности, что поставило под сомнение безальтернативность модернизационного пути развития.

В настоящее время в мировой политической экономии выделяются три подхода к пониманию модернизации. Первый понимает модернизацию как простое обновление чего-либо. Второй рассматривает модернизацию как целенаправленные действия по преодолению отставания. Третий видит в модернизации исключительно индустриальный тип общества. Как отмечает С. А. Афонцев, наиболее успешным для экономики до сих пор оказывался второй тип модернизации, поскольку именно он позволяет разрабатывать и проводить экологическую политику⁷.

В современных условиях глобализационные процессы формируют и определяют функционирование особых типов модернизации. Так, в мировой практике отмечается, что современная модернизация носит анклавно-конгломератный характер: очаги «постиндустриальной» экономики мирно уживаются с традиционными архаичными структу-

⁵ См.: *Белик А. А.* Психология культур: от архаических обществ к современной культуре. М., 2001.

⁶ См.: *Гавров С.* Модернизации России: постимперский транзит. URL: www.bibliotekar.ru/gavrov-3/7.htm (дата обращения: 03.03.2015).

⁷ См.: Зимние беседы о модернизации // *Международные процессы.* 2012. Т. 10. № 2(29) URL: www.intertrends.ru/twenty-sixth/010.htm (дата обращения: 03.03.2015).

рами даже в развитых странах. Такой тип «анклавной модернизации» позволяет инкорпорировать привнесенные извне инновации. Как отмечает А. Д. Бочатуров, в этой связи приобретает значение и феномен коррупции: в отдельных обществах он выступает стихийным механизмом более справедливого перераспределения благ. Глобализация, таким образом, создает новый синтез архаического и современного⁸.

Как известно, процессы глобализации в мировой экономике включают интенсификацию международной торговли и межгосударственного перемещения капитала в различных его формах, распространение деятельности транснациональных корпораций на все страны, прогрессирующее объединение национальных финансовых рынков и дальнейшее развитие глобальной финансовой сферы. Глобальный рынок в этой связи может характеризоваться как крупнейший технологический трансфер. Он обеспечивает «конкурентно прибыльное производство гражданского сектора экономики, в том числе фундаментальные научные исследования, здравоохранение, образование, социальное обеспечение»⁹.

Наиболее общим показателем экономической глобализации является рост международной торговли. Так, в 1990-х гг., по данным Международного валютного фонда (МВФ), ежегодные темпы роста оборотов международной торговли составляли в среднем 8% и более чем вдвое превосходили среднегодовой рост объемов производства. К началу XXI в. доля международной торговли в мировом ВВП достигла почти трети¹⁰.

В настоящее время информационные технологии, наряду с интенсификацией торговли, способствуют распространению товарообмена на новые сферы товаров. Как следствие, в последние десятилетия возникла новая тенденция в мировой торговле: увеличение роли экспорта услуг (на данный момент уже 20% общего экспорта составляют услуги). Так, статистика утверждает, если в 1980 г. мировой экспорт услуг составлял 367 млрд долл., в 1990 г. – 803 млрд долл., то в 2001 г. – 1350 млрд долл., то есть мировой экспорт услуг каждые десять лет увеличивается почти в два раза¹¹.

Данное обстоятельство обуславливает наличие другой важной характеристики процессов глобализации – опережающий рост сферы услуг по сравнению с материальным производством и расширение ее хозяйственных позиций. В современной экономике существуют более

⁸ См.: Зимние беседы о модернизации // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 2(29) URL: www.intertrends.ru/twenty-sixth/010.htm (дата обращения: 03.03.2015).

⁹ Глобальный технологический трансфер // Инновационные направления современных международных отношений. М., 2010. С. 50.

¹⁰ См.: Хаммер Х.-Р. Вклад международной торговли в экономическое развитие развивающихся стран // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003. С. 123.

¹¹ См.: Дюмулен И. И. Международная торговля услугами. М., 2003. С. 19.

600 видов различных услуг. В большинстве развитых стран доля услуг в структуре ВВП приближается к 70–80%. Так, данный показатель в Великобритании составляет 73,4%, во Франции – 70,6%, в Норвегии – 73,0%, в США – 80,0%¹².

Экономическое развитие России также характеризуется возрастающим значением сферы услуг. По данным Госкомстата РФ, удельный вес услуг в формировании структуры ВВП России достигает в последние годы 50%.

Развитие сферы услуг обусловлено действием следующих тенденций:

- рост оборота и прибыли предприятий сферы услуг, а также увеличение заработной платы занятых в этой сфере;
- быстрое развитие оптовой и розничной торговли, предприятий общественного питания, транспортных предприятий, услуг связи и финансовой сферы;
- сочетание государственных и частных предприятий в сфере услуг;
- активизация инвестиционной и инновационной активности предприятий по оказанию услуг;
- возрастание спроса на новые виды услуг;
- активное развитие сектора деловых услуг;
- приоритет социальных аспектов в развитии сферы услуг.

Но роль данного сектора в современной экономике связана не только и не столько с его преобладанием в структуре хозяйства. В сфере услуг формируются ключевые факторы экономического роста: научное знание, нематериальные формы накопления, информационные технологии. В качестве причин высокой динамики сферы услуг можно назвать:

во-первых, действие закона возвышения потребностей, который выражает изменение запросов людей в связи с изменением уровня общественного развития. Потребности являются основным стимулом развития производства услуг. С углублением общественного разделения труда изменяется соотношение свободного и рабочего времени, соотношение трудовой и досуговой деятельности. Увеличение объема свободного времени и повышение доли доходов населения ведет к изменению структуры его потребления в пользу нематериальных благ и услуг;

во-вторых, потребности в развитии услуг выходят за рамки сугубо экономических – процесс гуманизации экономического роста сопровождается расширением комплекса услуг, направленных на совершенствование самого человека, его интеллектуальных и физических возможностей, удовлетворение его культурных, духовных и социальных запросов;

¹² См.: Устинов М. Мировая торговля. М., 2003. С. 27–28.

в-третьих, усиливающаяся интеграция материальных и нематериальных элементов производства. Границы между индустриальной сферой и сферой услуг становятся подвижными, происходит взаимное проникновение одной сферы в другую. Потребление услуг незаметно меняет потребление многочисленных физических продуктов. Этот процесс находит отражение в интеграции предложения физических продуктов и услуг. В сфере услуг происходит противоположный процесс: вместе с приобретением услуги приобретаются и определенных физические продукты. Кроме того, в промышленном производстве существует различный уровень специализации внутрипроизводственных услуг. Наряду с услугами, оказываемыми для собственных нужд, возникает необходимость оказания услуг другим предприятиям. Доля таких услуг становится существенной при выполнении таких видов деятельности, как информационные, образовательные и другие;

в-четвертых, конкурентоспособность страны в глобальной экономике в значительной степени зависит от человеческого фактора, что обусловлено изменениями в характере экономического роста. Основным источником экономического роста становится научное знание и человеческий потенциал.

В настоящее время даже появился термин «сервииндустриальная экономика», отражающий процесс интеграции секторов материального производства и услуг. Для данного вида экономики характерны следующие тенденции: «экстернализация» услуг; индивидуализация и социальная интеграция потребителей; диверсификация отраслей услуг; повышение качества услуг и их возрастающая дифференциация; территориальная специфика производства и оказания услуг; усиление роли наукоемких отраслей услуг; интенсивный рост международной торговли услугами.

Формирование «сервииндустриальной экономики» имеет и ряд негативных проявлений. Как отмечает С. Гавров, вещный, предметный мир постепенно теряет свою определенность, длительность существования, ускоряется изменение моды, практически каждый год обновляются модельный ряд технических устройств, используемых человеком. Неким идеалом стала одноразовая вещь, которую после однократного или крайне непродолжительного использования во имя дальнейшего развития экономики можно и даже нужно просто выбросить. Перманентный экономический рост требует для своего поддержания все большего количества ресурсов, многие из которых являются невозполнимыми, приводит к загрязнению окружающей среды¹³.

Однако, при всех вышеназванных негативных тенденциях наблюдается общая высокая динамика роста отдельных отраслей сферы услуг. Сейчас наиболее активно развиваются деловые услуги. Это связано со структурно-технологической перестройкой материального

¹³ См.: Гавров С. Модернизация России: постимперский транзит. URL: www.bibliotekar.ru/gavrov-3/7.htm (дата обращения: 03.03.2015).

производства. В результате такой перестройки выросли потребности промышленных компаний именно в деловых услугах. Одновременно из состава крупных компаний выделялись и превращались в самостоятельный бизнес подразделения, специализирующиеся на услугах. Углубление специализации расширяет состав услуг, позволяет полнее и качественнее удовлетворять запросы потребителей.

Влияние вышеперечисленных факторов привело к расширению спроса на услуги не только со стороны индивидуальных потребителей, но и со стороны предприятий. Прирост услуг определяется в настоящее время в большей степени не потребительским спросом, а спросом со стороны производства (в развитых странах прирост услуг обеспечивается со стороны производства на 50–80%). В производственных компаниях различной отраслевой принадлежности расходы на приобретение деловых услуг выросли в крупную статью затрат.

На данный момент сложившийся мировой ландшафт больших супермаркетов и сервисных услуг однозначно подтверждает, что глобализация ведет к унификации всех процессов и отношений.

В отношении России глобализация вызывает настоятельную необходимость модернизационных перемен и трансформаций, что бесспорно будет способствовать прогрессивному социально-экономическому развитию. Таким образом, модернизация – это один из позитивно значимых вызовов глобализации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Кирюшкина Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Костина Александра Константиновна, аспирант, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Лукьянов Антон Валерьевич, преподаватель, Саратовский военный институт Внутренних войск МВД России.

Многолетняя Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Морозов Сергей Михайлович, аспирант, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Мосолкина Татьяна Валентиновна, доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Музалевская Виктория Андреевна, аспирант, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Пашинин Андрей Петрович, кандидат исторических наук, г. Саратов.

Сабитова Лилия Равильевна, аспирант, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Савина Анна Викторовна, старший преподаватель, Вологодский государственный университет.

Сидоров Иван Евгеньевич, аспирант, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Ситникова Елена Леонидовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Центральный филиал Российской академии правосудия (г. Воронеж).

Старостина Инна Юрьевна, кандидат исторических наук, учитель МОУ «Лицей 15», г. Саратов.

Цыплин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Эльфанд Ирина Яковлевна, доктор исторических наук, профессор, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Эмих Кристина Вадимовна, аспирант, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Яковлев Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЗАПАДА: СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>Старостина И. Ю.</i> (Саратов) Сословные дебаты о любви в чосеровском обществе (на материале «Птичьего Парламента»)	3
<i>Чернова Л. Н.</i> (Саратов) Матримониальное поведение в контексте социальной мобильности в Англии XIV–XVI веков	9
<i>Эмих К. В.</i> (Саратов) Маргарет Бофорт в истории Англии конца XV – начала XVI веков	17
<i>Эльфонд И. Я.</i> (Саратов) Екатерина Медичи глазами политической оппозиции	32
<i>Савина А. В.</i> (Вологда) Жан Кальвин и его политическое учение в оценках И. В. Лучицкого	44
<i>Галямичев А. Н.</i> (Саратов) Картина и ее автор (о чешском художнике Вацлаве Брожике и его шедевре «Ян Гус на Констанцском соборе»).....	53
<i>Пашинин А. П.</i> (Саратов) Борьба Иржи из Подебрад с католическим панским союзом (середина XV века)	58
<i>Многолетняя Е. Н.</i> (Саратов) Произведения художественной литературы в репертуаре раннего чешского книгопечатания.....	64
<i>Мосолкина Т. В.</i> (Саратов) Влияние стран Востока на быт англичан в XVII веке	73

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЗАПАДА: ОТ НОВОЙ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

<i>Морозов С. М.</i> (Саратов) Круг Грейт Тью – интеллектуальный центр Англии второй четверти XVII века	78
---	----

<i>Киясов С. Е.</i> (Саратов) Орден Розы и Креста в истории масонского движения XVII–XVIII веков	87
<i>Кирюшкина В. В.</i> (Саратов) Английские путеводители XVIII века как исторический источник	94
<i>Костина А. К.</i> (Саратов) Современная Магдалина: падшие женщины на полотнах прерафаэлитов	102
<i>Сабитова Л. Р.</i> (Саратов) «Восточный вопрос» во внешнеполитической концепции У. Питта-младшего.....	109
<i>Ситникова Е. Л.</i> (Воронеж) Восприятие Советского Союза в США в начале холодной войны: образ государства и образ народа	118
<i>Сидоров И. Е.</i> (Саратов) Ирано-азербайджанские отношения и приход к власти Гейдара Алиева (1992–1993 гг.)	124
<i>Шенин С. Ю.</i> (Саратов) Евразийский экономический союз в американских стратегических планах.....	130
<i>Музалевская В. А.</i> (Саратов) Принципы формирования американского общественного мнения в отношении участия США в вооруженных конфликтах	135

*РЕАЛИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ,
ИСТОРИЯ ОБРАЗОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ*

<i>Лукьянов А. В.</i> (Саратов) И славным командирам, и бойцам (Очерк о создании 148-й стрелковой дивизии).....	140
<i>Цыплин В. Г.</i> (Саратов) Вклад войск НКВД в победу над Японией: июль – сентябрь 1945 года.....	144
<i>Гуменюк А. А.</i> (Саратов) Реформирование пенсионной системы в СССР во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов	155

<i>Яковлев С. А.</i> (Саратов) Подготовка и повышение квалификации индустриальной прослойки кадров массовых профессий в 1965–1975 гг. (на материалах Саратовской области).....	165
<i>Черевичко Т. В.</i> (Саратов) Модернизация России: исторический транзит	172
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	179

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
И ОБРАЗЫ ИСТОРИИ**

Сборник научных статей

Работы выходят в авторской редакции

Ответственная за выпуск *Л. Н. Чернова*
Оригинал-макет подготовила *Ю. А. Алёшина*

Подписано в печать 10.04.2015. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Джорджия. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,69 (11,5). Уч.-изд. л. 7,93. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии Саратовского университета
410012, Б. Казачья, 112А, VIII корп. СГУ.